

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ПРАВОВЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ПРИНУЖДЕНИЯ

*Материалы международной
научно-практической конференции,
посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова
(16 февраля 2024 г.)*

Омск
ОМА МВД России
2024

УДК 343.1(063)
ББК 67.629.35+67я54
П68

Редакционная коллегия:

А. В. Павлов, кандидат юридических наук, доцент — председатель;
Е. Е. Коробкова, кандидат юридических наук — заместитель председателя;
А. А. Бондаренко, кандидат юридических наук — отв. секретарь;
Б. Б. Булатов, доктор юридических наук, профессор;
А. С. Дежнев, доктор юридических наук, доцент;
Л. А. Пупышева, доктор юридических наук, доцент

П68 **Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения** : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова / пред. редкол. А. В. Павлов. — Омск : Омская академия МВД России, 2024. — 264 с.

ISBN 978-5-88651-848-1

В сборнике представлены результаты научных исследований широкого круга ученых, в том числе учеников и последователей Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Бориса Борисовича Булатова. Работы посвящены актуальным проблемам уголовно-процессуального принуждения, отражают вклад юбиляра в их решение и носят как теоретический, так и прикладной характер.

Предназначен для научных работников, преподавателей, адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников служб и подразделений органов внутренних дел и других правоохранительных органов.

УДК 343.1(063)
ББК 67.629.35+67я54

ISBN 978-5-88651-848-1

© Омская академия МВД России, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели! Перед Вами сборник материалов конференции «Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения». Это уникальное издание, посвященное юбилейной дате Заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора Бориса Борисовича Булатова.

Б. Б. Булатов — известный в России ученый-процессуалист, имя которого по праву ассоциируется с «вечно современной» проблематикой государственного принуждения в уголовном процессе. По этой причине его научное наследие и заслуги перед научным сообществом достойны отдельного внимания.

Очевиден вклад Б. Б. Булатова в разработку сложнейших и наиболее чувствительных для российского права проблем, касающихся государственного принуждения в уголовном процессе. Об этом красноречиво говорит тот факт, что многие авторитетные ученые, изучающие принудительный потенциал уголовного процесса, представленные на конференцию материалы посвятили анализу и оценке его вклада в разработку доктрины процессуального принуждения. На мой взгляд, это наиболее объективно показывает весомость результатов проводимых Б. Б. Булатовым исследований и его научный авторитет, чем сухие статистические данные о количестве опубликованных статей и показатель их цитирования.

Во многом благодаря усилиям Б. Б. Булатова сформирован и поддерживается статус Омской академии МВД России как флагмана «ведомственной» науки. Актуальность титульной темы, выбранной Борисом Борисовичем для своих научных разработок, подтверждается тем, что под его профессиональным научным наставничеством ученые Сибири успешно защищают кандидатские и докторские диссертации, в которых обстоятельно исследуются различные аспекты государственного принуждения.

В этом отношении отдельно необходимо сказать о том, что Б. Б. Булатов является руководителем научной школы «Обеспечение интересов

личности и государства в досудебном уголовном производстве», созданной в Омской высшей школе милиции МВД СССР еще в конце 60-х годов. Его взгляды на решение наиболее острых проблем достижения баланса частных и публичных интересов при применении мер государственного принуждения в уголовном процессе позволяют обеспечить должное научное обоснование предложений по совершенствованию действующего законодательства, оптимизации практики его применения.

Талант ученого здесь проявляется в его умении, как научного руководителя, найти новый взгляд на проблемы, не имеющие, казалось бы, научной привлекательности, а в процессе их изучения аргументировать нетривиальные ответы на возникшие вопросы.

С легкой руки юбиляра создана научная платформа для дальнейшей разработки важных в государственном масштабе проблем, выстроены мощный фундамент и несущие стены прочного здания, внутренне украсить которое может ум каждого пытливого и добросовестного исследователя правовых и гуманитарных проблем уголовно-процессуального принуждения.

*Начальник Омской академии МВД России
кандидат политических наук
генерал-майор полиции
Сергей Константинович Буряков*

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Т. Н. Москалькова

Правовые и гуманитарные проблемы института уголовно-процессуального принуждения в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации

Уголовно-процессуальное принуждение — сложное многоаспектное социально-правовое явление, доктринальный институт, являющийся объектом многолетней научной полемики ученых и специалистов-практиков, правовой инструмент, реализующий комплекс уголовно-процессуальных мер, установленных законодательством и направленных на принудительное ограничение конституционных прав и свобод граждан в рамках уголовного судопроизводства.

Такое ограничение имеет законодательно установленное основание, связанное с назначением уголовного судопроизводства, цель которого, в соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, включает: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Как видно из правового содержания этого института, данные уголовно-процессуальные меры носят принудительный характер и дуалистичны по своей природе: с одной стороны, их цель — обеспечить исполнение обязанностей участниками уголовного процесса в интересах разрешения уголовного дела (раскрытие преступления и изобличение виновного), не допустить, предупредить нарушения со стороны участников уголовного процесса в ходе производства по уголовному делу.

С другой стороны, уголовно-процессуальная норма отражает гуманитарный смысл института уголовно-процессуального принуждения: «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию» (ч. 2 ст. 6).

Иными словами, гуманитарная составляющая уголовно-процессуального института принуждения отражает принципы уголовного судопроизводства, представленные в главе 2 УПК РФ: равенство перед законом и судом всех участников уголовного процесса, законность при производстве по уголовному делу, уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, презумпция невиновности, состязательность сторон, обеспечение подозреваемому, обвиняемому, подсудимому права на защиту, обеспечение возможности обжалования процессуальных действий и решений и др.

Гуманитарная и социальная направленность уголовно-процессуального принуждения тесно связана с такой этической категорией, как «социальная справедливость».

В специальной литературе справедливо обращается внимание на то, что уголовно-процессуальное принуждение неразрывно связано с социальной справедливостью, ею обосновывается и служит средством ее достижения: «понятие справедливости в уголовном процессе выступает в качестве высшего нравственного критерия для регулирования и оценки действий субъектов путем применения к ним тех или иных форм государственного воздействия» [1, с. 136].

По мнению Н. Г. Стойко, «восстановление справедливости является одним из социальных назначений установленного порядка производства по уголовным делам» [2, с. 85].

Результаты правозащитной практики Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее — Уполномоченный) отражают высокий уровень социального запроса граждан на восстановление социальной справедливости. В указанной сфере государственного правоприменения создан эффективный механизм ее обеспечения и восстановления. В этой связи деятельность института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации является дополнительным государственным инструментом в механизме обеспечения и защиты конституционных прав и свобод гражданина, которые в рамках уголовного судопроизводства могут быть нарушены.

Результаты правозащитной практики Уполномоченного последних лет свидетельствуют о том, что из общего количества обращений, поступающих в аппарат Уполномоченного, одну из наиболее многочисленных категорий обращений составляет защита прав участников уголовного судопроизводства.

За последние пять лет свыше 3 тыс. жалоб, поступивших Уполномоченному, касалось необоснованного избрания и продления мер пресечения в виде содержания под стражей, в 90% из них заявители ставили вопрос о длительных сроках содержания под стражей.

Тема необходимости ограничения сроков содержания под стражей неоднократно освещалась в Докладах о деятельности Уполномоченного, начиная с 2016 г., в связи с периодическим выявлением фактов грубейших нарушений прав граждан на разумный срок уголовного судопроизводства. Данная проблема не теряет своей актуальности и в настоящее время.

Право на свободу и личную неприкосновенность гарантировано Конституцией Российской Федерации, закреплено во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.), Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹.

Конституционное право на свободу и личную неприкосновенность означает, что человек не может быть лишен свободы и заключен под стражу по произволу власти. Вынесение постановления об избрании в качестве меры пресечения в виде заключения под стражу всегда ущемляет право на свободу и личную неприкосновенность.

Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивали, что заключение под стражу в качестве меры пресечения, а равно применение иных принудительных мер, ограничивающих право на свободу, может быть оправдано публичными интересами, если оно отвечает требованиям необходимости для целей защиты конституционно значимых ценностей.

Анализ поступающих к Уполномоченному жалоб и материалов правоприменительной практики показывает, что органы дознания и предварительного следствия при принятии решения о возбуждении перед судом ходатайства о применении (продлении) меры пресечения в отношении

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Действие настоящего документа прекращено в отношении Российской Федерации с 16 марта 2022 г. Федеральным законом от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ.

обвиняемого в виде заключения под стражу, а суды — при рассмотрении такого ходатайства, проверяя его законность и обоснованность в рамках судебного контроля, не всегда учитывают всю совокупность данных, характеризующих личность обвиняемого, его жизненную ситуацию, имеющиеся у него заболевания.

При этом нередко, в нарушение разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения по приговору суда наказания в виде лишения свободы на длительный срок, являющиеся основанием для заключения обвиняемого под стражу только на первоначальных этапах производства по уголовному делу, необоснованно признаются вполне достаточными для продления срока ареста на более поздних стадиях предварительного расследования.

Верховный Суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание на то, что мера пресечения в виде заключения под стражу может применяться только в том случае, когда другие виды мер пресечения (домашний арест, залог, запрет определенных действий, поручительство) не могут обеспечить сбор доказательств и когда подтверждены обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 108 УПК РФ, дающие право судье вынести решение о заключении человека под стражу.

Однако ситуация практически не меняется. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, ходатайства органов следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу удовлетворяются почти в 90% случаев (в 2020 г. из 96 665 поданных ходатайств судом удовлетворено 84 919; в 2021 г. из 99 298 — 87 905; в 2022 г. из 98 481 — 87 687, в 1 полугодии 2023 г. из 47 601 — 41 700), а ходатайства о продлении срока содержания под стражей удовлетворяются в 97% случаев [9] (в 2020 г. из 201 362 поданных ходатайств судом удовлетворено 194 896; в 2021 г. из 202 499 — 196 519; в 2022 г. из 203 279 — 197 032, в 1 полугодии 2023 г. из 90 980 — 88 094)².

Изучение материалов правозащитной практики Уполномоченного позволяет нам согласиться с точкой зрения специалистов, справедливо обращающих внимание на существующие проблемы в этой сфере: «Ана-

² Данные судебной статистики Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).

лиз складывающейся судебной-следственной практики не позволяет говорить об отсутствии случаев необоснованного и незаконного избрания и применения данной меры пресечения. Существование таких фактов определяется как сохраняющимися проблемами правового свойства, так и ненадлежащей работой со стороны отдельных дознавателей, следователей, судей. В связи с этим вопросы законности и обоснованности ограничения прав личности при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу продолжают оставаться актуальными» [3, с. 4].

Особенно остро стоит проблема избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении ненасильственных преступлений, в том числе в сфере предпринимательской деятельности. Ранее в ежегодных докладах Уполномоченного о своей деятельности обращалось внимание на данные проблемы в части ограничения применения самой жесткой меры пресечения, а также ее срока в отношении лиц, совершивших ненасильственные преступные деяния.

Некоторые предложения Уполномоченного, высказываемые на протяжении нескольких лет³, находят свое отражение в принимаемых нашим государством мерах законодательного регулирования оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, продолжая путь гуманизации. Так, принят Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым уточнены основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и продления сроков содержания под стражей в отношении субъектов предпринимательской деятельности и членов органов управления коммерческих организаций. Это уже не первая корректировка определения субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности в уголовном процессе.

Требуется существенное сокращение случаев применения строгой меры пресечения в отношении лиц, обвиняемых в совершении ненасильственных преступлений, а также скорейшее принятие иных инициатив в данной сфере.

В этой связи мы разделяем правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, который, в рамках поручений (от 12 января 2023 г.) Президента Российской Федерации В. В. Путина, подготовил законопро-

³ Доклады о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018–2021 годы.

ект, направленный на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями.

Проект федерального закона № 381316-8 о внесении соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в настоящее время находится на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации⁴.

К числу системных проблем, связанных с нарушением конституционных прав граждан, относится также отсутствие в УПК РФ нормы о предельных сроках содержания под стражей на судебной стадии уголовного судопроизводства.

Если на стадии предварительного расследования максимальные сроки содержания под стражей четко регламентированы законом, то на этапе рассмотрения уголовного дела судом по существу такие ограничения не установлены. Это влечет длительное нахождение в условиях изоляции от общества лиц, вина которых еще не установлена вступившим в силу приговором суда, что нарушает конституционный принцип презумпции невиновности.

В своей практике по рассмотрению жалоб граждан на нарушения их прав в уголовном судопроизводстве Уполномоченному часто приходится сталкиваться со случаями, когда судом постановляются приговоры с назначением наказания в виде лишения свободы на срок, соответствующий фактическому нахождению обвиняемых под стражей. Тем самым такие осужденные лишаются права на подачу ходатайств об условно-досрочном освобождении или замене наказания более мягким его видом, что нарушает конституционный принцип равенства перед законом.

Уголовно-процессуальным законодательством установлен механизм правовой защиты от необоснованного и незаконного заключения под стражу в виде судебного контроля, а также в форме апелляционного и кассационного обжалования судебных актов.

Вместе с тем практика свидетельствует, что механизм обжалования судебных актов об избрании и продлении ареста не всегда эффективен.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями : проект федерального закона № 381316-8. URL://sozd.duma.gov.ru/bill/381316-8 (дата обращения: 15.11.2023).

Это обусловлено тем, что в случаях, когда вышестоящий суд отменяет незаконное решение об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей либо о ее продлении, обвиняемый из СИЗО не освобождается, поскольку суд исходит из того, что на данный момент обвиняемый находится под стражей уже по новому постановлению — о продлении данной меры пресечения.

Таким образом, практика рассмотрения Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации обращений на необоснованное избрание и продление меры пресечения в виде содержания под стражей позволила выявить ряд системных проблем нормативно-правового регулирования данных отношений, требующих дальнейшей научной проработки и разрешения.

Первое. Отсутствие пресекательного срока. Семантическое содержание термина «пресекательный, «преклюзивный» означает «преграждать, препятствовать». В этой связи мы солидарны с точкой зрения В. П. Грибанова, который отмечает: «уже из существа самого термина ... вытекает вывод о том, что к пресекательным могут быть отнесены лишь такие сроки, социальное назначение которых состоит в том, чтобы при известных обстоятельствах преградить путь, воспрепятствовать действию каких-либо правовых явлений или процессов» [4].

Правоприменительная практика отражает существующие законодательные пробелы в этой сфере. Если сроки нахождения под стражей в период предварительного расследования законом достаточно конкретно регламентированы, то в период ознакомления с материалами дела и последующего его рассмотрения в суде обвиняемый может находиться под арестом без ограничения времени. Эта проблема требует безотлагательного разрешения.

Второе. Нарушение принципа презумпции невиновности. Длительное содержание под стражей до постановления судом приговора вступает в противоречие с гарантированным Конституцией Российской Федерации принципом презумпции невиновности, поскольку фактическое положение следственно-арестованных соответствует отбыванию наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях строгого режима. Такое положение дискредитирует гуманистический и правовой смысл государственных мер принуждения.

В специальной литературе справедливо подчеркивается, что «по данной конституционной гарантии (презумпции невиновности) можно судить об уровне демократичности, гуманности и справедливости того или иного общества. Данное положение есть неотъемлемый элемент

правового государства, предпосылка нормального человеческого общежития» [5, с. 571].

Третье. Нарушение принципа справедливости. Правоприменительная практика демонстрирует, что принцип справедливости не всегда верно понимается специалистами. В научной литературе ученые-процессуалисты ставят акцент на том, что «в уголовном судопроизводстве справедливость представляет собой юридико-этическую категорию, что предполагает преломление нравственных принципов сквозь призму закона» [6, с. 43].

Однако результаты правоприменительной практики свидетельствуют о том, что пренебрежение нравственными основами процессуальной деятельности, гуманистической составляющей уголовно-процессуальной нормы, формальный подход к реализации процессуальных мер ведут к существенному нарушению прав человека, фактически обесценивают право на справедливое разрешение дела и лишают гражданина перспективы восстановления справедливости.

Нередко по делам, по которым обвиняемые находятся под стражей, судами назначается наказание в виде лишения свободы на срок, соответствующий фактическому нахождению в следственном изоляторе. Тем самым такие осужденные лишаются права на условно-досрочное освобождение и замену наказания более мягким, что нарушает принцип справедливости.

Четвертое. Проблемы правоприменительной практики. Правоприменители арест зачастую рассматривают в качестве безальтернативной меры пресечения, основываясь, по сути, лишь на одной тяжести преступления. Особенно остро эта проблема стоит по экономическим делам в отношении руководителей предприятий, обвиняемых в совершении квалифицированных видов мошенничества. В результате длительного пребывания под стражей предприниматели зачастую разоряются, лишаются своего бизнеса, что не только приводит к росту безработицы, но и наносит существенный ущерб российской экономике в целом. Указанные выше законодательные новеллы существенно снизили социальную остроту этой проблемы, однако правоприменительная практика в этой сфере все еще требует повышенного внимания с целью соразмерности и справедливости применяемых мер процессуального принуждения.

В специальной литературе справедливо подчеркивается, что «между нормами права и нормами нравственности в уголовном процессе существует неразрывная связь. Нравственность представляет собой мораль-

ное право в виде долженствования, неписаного закона, в то время как право регулирует поведение людей посредством установившихся в обществе определенных норм, зафиксированных в законе» [7, с. 42; 8].

Следуя философскому послыу Протагора «Человек есть мера всех вещей» и образу весов, являющихся античным символом меры и справедливости, резюмируем, что справедливость и гуманизм — из «проблемы» уголовно-процессуального принуждения должны стать эталонной «мерой весов», на которой чаша прав человека как высшей ценности всегда должна перевешивать несправедливость и беззаконие.

Список источников

1. *Васильева Е. Г.* Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа, 2003.

2. *Стойко Н. Г.* Новое уголовно-процессуальное право России и проект Уголовно-процессуального кодекса РФ // Российский бюллетень по правам человека. 2000. Вып. 13.

3. *Судницын А. Б., Воронов Д. А.* Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу: учеб. пособие. Красноярск, 2020.

4. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.

5. *Цыбулевская О. И.* Презумпция невиновности: нравственный аспект // Юридическая техника. 2010. № 4.

6. *Кривошеев С. И.* Справедливость в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4.

7. *Прокофьева С. М.* Сущность гуманизма в уголовном судопроизводстве. URL: <http://www.iolr.org/wp-content/uploads/2016/04/Прокофьева-С.М.-Сущность-гуманизма-в-уголовном-судопроизводстве.pdf> (дата обращения: 15.11.2023).

8. *Прокофьева С. М.* Гуманизация уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.

Н. В. Азарёнок

Методологическая роль и значение категорий преступлений в уголовном процессе и при применении мер пресечения

Профессор Борис Борисович Булатов — яркий представитель омской школы процессуалистов, чьи научные труды составляют основу современного уголовного процесса. Еще в 2003 г. в своем фундаментальном труде «Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве»

он писал: «Стремясь обеспечить в сфере уголовного процесса баланс между интересами личности, особенно конституционными правами и свободами граждан, и необходимостью осуществления уголовного судопроизводства, законодатель регламентирует основания, условия, порядок и пределы используемых при производстве по уголовным делам мер государственного принуждения» [1, с. 6].

Уголовное право при регулировании общественных отношений традиционно использует такой уголовно-правовой институт, как «категории преступлений», предусмотренные ст. 15 УК РФ. Так, в зависимости от характера и степени общественной опасности, деяния, предусмотренные УК РФ, подразделяются на преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие (ч. 1 ст. 15 УК РФ). По мнению Т. Ю. Орешкиной, «отнесение преступлений к одной из четырех категорий в ч. 1 ст. 15 УК РФ создало систему, подразделяющуюся на элементы в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния. Пределы санкции статьи Особенной части, которые выражают мнение законодателя о совокупной общественной опасности деяния, включая оценку и характера, и степени его общественной опасности, выступают в виде критерия, позволяющего отнести умышленное преступление к одной из четырех категорий, а неосторожное преступление — к одной из двух категорий [2, с. 43–52].

Как указывает В. Н. Воронин, категоризация преступлений является одним из важнейших инструментов уголовного права, и от того, насколько точно будет определена категория преступления, будут зависеть законность и объективность назначаемой судом ответственности [3, с. 141]. Категоризация преступлений, предусмотренная в УК РФ, имеет системообразующее значение как для уголовного права, так и для организации всего уголовного производства, регулируя вопросы подсудности, состава суда, подследственности, прекращения уголовного дела, уголовного преследования и наконец, применения мер процессуального принуждения.

Так, в ч. 3 ст. 32 УПК РФ указано, что если преступления совершены в разных местах, то уголовное дело рассматривается судом, юрисдикция которого распространяется на то место, где совершено большинство расследованных по данному уголовному делу преступлений или совершено наиболее **тяжкое** из них (здесь и далее выделено мной. — Н. А.). При формировании состава суда действует правило ч. 3 ст. 30 УПК РФ, предусматривающее, что рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке осуществляется в верховном суде республики, краевом или областном

суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, окружном (флотском) военном суде — судом в составе трех судей, за исключением уголовных дел о **преступлениях небольшой и средней тяжести**. В части 4 этой же статьи указано, что рассмотрение уголовных дел в кассационном порядке осуществляется судебной коллегией по уголовным делам кассационного суда общей юрисдикции, кассационным военным судом в составе трех судей, за исключением уголовных дел о **преступлениях небольшой и средней тяжести**.

Ряд вопросов подследственности также разрешается на основе категоризации преступлений. Например, производство дознания по уголовным делам об **иных преступлениях небольшой или средней тяжести**, не предусмотренных п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, допускается только на основании письменного указания прокурора (п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК РФ). Кроме этого следователи Следственного комитета РФ осуществляют предварительное следствие по тяжким и особо тяжким преступлениям, совершенным несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних (п. «г» ч. 2 ст. 151 УПК РФ). В соответствии с ч. 3 ст. 152 УПК РФ: «если преступления совершены в разных местах, то по решению вышестоящего руководителя следственного органа уголовное дело расследуется по месту совершения большинства преступлений или наиболее **тяжкого** из них».

УПК РФ, регулируя основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования, связывает их с той или иной категорией преступления. В частности, прекращение в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), с назначением меры уголовно-правового характера (ст. 25¹ УПК РФ), с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), возможно только в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления **небольшой или средней тяжести**.

Наконец, при применении мер процессуального принуждения также учитывается категоризация преступлений. Так, в соответствии с ч. 10 ст. 105¹ УПК РФ срок применения запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 статьи, устанавливается и продлевается судом в соответствии со статьей 109 УПК РФ с учетом особенностей, определенных настоящей статьей, и с момента вынесения судом решения о его установлении не может превышать по уголовным делам: 1) о преступлениях небольшой и средней тяжести — 12 месяцев; 2) о тяжких преступлениях — 24 месяца; 3) об особо тяжких преступлениях — 36 месяцев. Кроме этого, вид и размер залога по ч. 3 ст. 106 УПК РФ «определяются судом с учетом характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого либо об-

виняемого и имущественного положения залогодателя. При этом по уголовным делам о **преступлениях небольшой и средней тяжести** размер залога не может быть менее пятидесяти тысяч рублей, а по уголовным делам о **тяжких и особо тяжких преступлениях** — менее пятисот тысяч рублей. К несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК РФ в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении **тяжкого или особо тяжкого преступления**. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении **преступления средней тяжести**.

В УПК РСФСР 1960 г. и действующем УПК РФ категории преступлений, предусмотренные ч. 1 ст. 15 УК РФ, закреплялись в виде таких понятий, как «тяжесть предъявленного обвинения», «тяжесть совершенного преступления» или «преступления определенной тяжести», «подозрение или обвинение в совершении преступления определенной тяжести» и «квалификация преступления».

Так, согласно первоначальной редакции ст. 99 УПК РФ 2001 г.: «При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также **тяжесть предъявленного обвинения**, данные о личности обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства». Действующая редакция ч. 8 ст. 107 УПК РФ предусматривает, что в зависимости **от тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств** подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем запретам, указанным в ч. 7 настоящей статьи, либо некоторым из них.

Кроме этого, в тексте закона используется термин «тяжесть совершенного преступления». Согласно ч. 1 ст. 20 УПК РФ, в зависимости от характера и **тяжести совершенного преступления** уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке. В соответствии со ст. 99 УПК РФ при решении вопроса об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определении ее вида при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, должны учитываться также **тяжесть преступления**, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

УПК РФ в ряде статей (например, ст. ст. 25, 25¹, 27, 28, 29 и др.) содержит также такое понятие, как **«подозрение или обвинение в совершении преступления определенной тяжести»**. Согласно ст. 25 УПК РФ, суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

И наконец, в УПК РФ используется термин «квалификация преступления». Например, согласно ч. 2 ст. 105¹ УПК РФ запрет определенных действий в качестве меры пресечения применяется в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ (за исключением требований, связанных с видом и размером наказания, **квалификации преступления**, возраста подозреваемого или обвиняемого) и с учетом особенностей, определенных настоящей статьей. Кроме этого, руководитель следственного органа вправе давать следователю письменные указания о квалификации преступления — ч. 3 ст. 39 УПК РФ.

Таким образом, на сегодняшний день категории преступлений, предусмотренные ст. 15 УК РФ, используются в виде таких понятий, как «тяжесть предъявленного обвинения», «тяжесть совершенного преступления» или «преступления определенной тяжести», «подозрение или обвинение в совершении преступления определенной тяжести» и «квалификация преступления». Это обуславливает необходимость их разграничения и установления назначения как в уголовном процессе в целом, так и при применении мер процессуального принуждения в частности.

Концептуальное разрешение возникшей ситуации видится в следующем. *Первое.* Понятие «тяжесть предъявленного обвинения» не соответствует положениям как ст. 15 УК РФ, так и ст. 7 УПК РФ, где установлены такие требования к процессуальным решениям, как законность, обоснованность и мотивированность (ч. 4). Ни о какой «тяжести» в УПК РФ речи не идет.

Второе. «Квалификация преступления» является уголовно-процессуальной категорией, отражающей мыслительный процесс правоприменителя по «установлению и юридическому закреплению точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой

нормой» [4, с. 5]. При этом отдельного процессуального решения о квалификации преступления УПК РФ не предусматривает. Изначально квалификация дается в постановлении о возбуждении уголовного дела. Именно данный процессуальный документ является отправным для определения тяжести совершенного преступления или преступления определенной тяжести и подозрения или обвинения в совершении преступления определенной тяжести. Это значит, что после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, где дается первоначальная уголовно-правовая квалификация, дальнейшее ее подтверждение или изменение происходят в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, в обвинительном постановлении или в обвинительном акте (ст. ст. 47, 171, 172, 175, 220, 225, 226⁷ УПК РФ).

Третье. Категория преступления при применении мер пресечения выступает не обстоятельством, учитываемом при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ), а является одним из оснований для избрания меры пресечения (ст. 97 УПК РФ) [5, с. 58–60]. Поэтому категория преступления должна проверяться и обосновываться так же, как и иные основания. В отличие от квалификации, которая первоначально дается в постановлении о возбуждении уголовного дела, подозрение и обвинение всегда строго персонифицированы, равно как и применение мер пресечения. Поэтому квалификация в постановлении о возбуждении уголовного дела позволяет установить тяжесть преступления, что необходимо для определения подследственности уголовного дела, но не для решения вопроса о применении либо не применении к конкретному лицу меры пресечения. Однако для применения мер пресечения к конкретному лицу одной категории «тяжести» недостаточно, необходимо установить степень причастности лица (подозрение или обвинение) к данному преступлению, что является безусловным основанием для избрания меры пресечения.

Таким образом, методологическая роль и значение категории преступлений в уголовном процессе в целом состоит в том, что они переносятся в УПК РФ напрямую из УК РФ как данность и служат системообразующими критериями для организации всего уголовного производства в части подсудности, состава суда, подследственности, прекращения уголовного дела, уголовного преследования и других структурных компонентов. Однако при рассмотрении сугубо процессуальных вопросов, в частности мер пресечения, категории преступлений предстают в виде соответствующего основания, подлежащего установлению и проверке.

На основе изложенного предлагается использовать категории преступлений, предусмотренные ст. 15 УК РФ в уголовном процессе следующим образом.

1. Отказаться от понятия «тяжесть предъявленного обвинения».
2. «Тяжесть совершенного преступления» или «преступления определенной тяжести» использовать в качестве критерия, определяющего общие вопросы уголовного производства (подсудность, состав суда, подсудственность, основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования).
3. Понятие «квалификация преступления» в самом общем виде на досудебном производстве имеет два уровня реализации, позволяющие отнести деяние к той или иной категории: первоначальный (базисный) — в постановлении о возбуждении уголовного дела на основе материалов доследственной проверки, необходимый в первую очередь для того, чтобы определить подсудность; вторичный (персонифицированный) — в акте подозрения или обвинения на основе собранных в ходе предварительного расследования доказательств.
4. При применении меры пресечения в качестве основания должно учитываться подозрение или обвинение в совершении преступления определенной категории тяжести.

Список источников

1. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
2. Орешкина Т. Ю. Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12(52).
3. Воронин В. Н. Индивидуализация наказания. М., 2017.
4. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999.
5. Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Поворот в практике избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения? // Российская юстиция. 2018. № 9.

В. А. Азаров

Уголовно-процессуальное принуждение: заметки на полях трех диссертаций

Актуальность вынесенной в наименование статьи тематики перманентна. Это связано с тем обстоятельством, что применение при производстве по уголовному делу принуждения всегда (и порой весьма

существенно) ограничивает права, свободы и законные интересы его участников. Именно этим объясняется повышенный интерес специалистов к теоретическим, законодательным и практическим проблемам уголовно-процессуального принуждения. К примеру, только в нашей личной библиотеке насчитывается более 40 авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, успешно защищенных по данной тематике.

За последние 20 лет нам довелось участвовать (в основном в качестве официального оппонента) в обсуждении двенадцати представленных к публичной защите кандидатских и докторских диссертаций, посвященных разным аспектам применения мер уголовно-процессуального принуждения при осуществлении судопроизводства по уголовным делам.

Внимательное изучение этих работ подвигло к научной полемике с их авторами. Нижеприведенные оценки и суждения, высказанные отдельным соискателям, полагаем, могут быть полезны читателю, которому интересны проблемы уголовно-процессуального принуждения.

В частности, 28 ноября 2010 г. в диссоте Кубанского государственного университета защищена кандидатская диссертация В. В. Демирчян [1], в адрес которой мною были высказаны следующие сомнения и оценки.

1. В. В. Демирчян, предлагая конкретизировать пределы ограничения субъективных прав подозреваемого, обвиняемого в ходе применения к ним мер уголовно-процессуального принуждения, определяет понятие неприкосновенности частной жизни как право на невмешательство в личную жизнь, неразглашение личных и семейных тайн, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых и телеграфных и иных сообщений, а также информации личного характера, невозможность проникновения в жилое помещение без воли лиц, в нем проживающих, гарантированное от противоправных посягательств со стороны государственных органов в отношении субъектов уголовного процесса, к которым применяются правоограничительные меры, в том числе носящие принудительный характер. На этой основе в первом положении, выносимом на защиту, предлагается закрепить неприкосновенность частной жизни в качестве принципа уголовного процесса.

Данное предложение, с нашей точки зрения, избыточно. Подобная идея выдвигалась и ранее, однако, убедительных аргументов в пользу ее практической реализации и закрепления в уголовно-процессуальном праве, к сожалению, не приведено.

К тому же отдельные предписания, в целом составляющие неприкосновенность частной жизни, уже закреплены в нормах-принципах уголовно-процессуального закона.

2. В том же самом положении В. В. Демирчян предлагает: «Ввиду социальной и уголовно-процессуальной значимости данного права ... в ст. 10 УПК РФ предусмотреть недопустимость задержания, заключения под стражу и иного ограничения прав в отсутствие оснований, а также сверх сроков, установленных УПК РФ».

Первая часть настоящего положения, с нашей точки зрения, очевидна, поскольку любой теоретический и практический вопросы в сфере уголовно-процессуальной деятельности необходимо рассматривать с позиций оценок Конституции РФ о наивысшей ценности человека, его прав и свобод. А в данном случае рассматриваемое положение закреплено как в ст. 10 УПК РФ, так и в ст. ст. 22, 23 Конституции РФ.

Во второй части вышеупомянутого научного результата автор, упоминая уголовно-процессуальные сроки, не учел пробелы, имеющиеся, например, в ст. 162 УПК РФ. Так, относительно срока содержания под стражей чч. 3, 4 ст. 109 УПК РФ однозначно говорят о том, что он не может превышать 18 месяцев и дальнейшее его продление не допускается. В статье же 162 УПК РФ не определен предельный срок расследования уголовного дела. Из этого следует потребность объяснений указанных разночтений и согласования анализируемых сроков.

3. В третьем положении (из числа основных) утверждается, что «ограничение прав подозреваемого, обвиняемого — это совокупность действий (бездействие) и решений властных субъектов уголовного судопроизводства ... направленных на сокращение объема принадлежащих подозреваемому, обвиняемому прав, стеснение его в осуществлении этих прав, лишение возможности воспользоваться каким-либо принадлежащим ему правом ... Ограничение прав подозреваемого, обвиняемого достигается путем применения мер процессуального принуждения, принятия решений производства следственных действий, а также иных решений и процессуальных действий властных субъектов уголовного судопроизводства».

Эти выводы соискателя представляются нам аксиоматичными и не требующими доказывания. Общеизвестно, что ограничению прав свойственен принудительный характер, оно сокращает объем прав либо лишает субъекта возможности их использования. На наш взгляд, предполагаемый вывод очевиден и не требует специального обоснования.

4 июня 2015 года в диссовете Уральского государственного юридического университета защищена кандидатская диссертация Р. Г. Бикмиевым [2]. Наши суждения и оценки научных достижений диссертанта состояли в следующем.

1. В параграфе 2.3 главы 2, именуемом «Судебное заседание и виды судебных решений при временном отстранении от должности подозреваемого или обвиняемого», рассматриваются процедуры проведения судебного заседания как формы правосудия в досудебном производстве и система судебных решений, а также требования, предъявляемые к процессуальным документам. Соискатель достаточно скрупулезно анализирует судебный порядок рассмотрения ходатайства следователя (дознавателя) и выявляет соответствующие проблемы в этом направлении, однако четкий алгоритм и структура механизма судебного контроля при отстранении от должности в досудебном производстве по уголовному делу в тексте диссертации автором так и не представлены.

2. Высказывая мнение по поводу применения временного отстранения от должности наряду с избранием меры пресечения [2, с. 167], Р. Г. Бикмиев не рассматривает вопросы о том, что 1) суд может отказать в удовлетворении ходатайства в применении той меры пресечения, о которой просит следователь, и 2) каким образом надлежит отстранять обвиняемого, подозреваемого от должности в случае применения меры пресечения, не связанной с лишением свободы. На наш взгляд, в первом варианте принятие своевременного решения об отстранении от должности будет являться безусловной гарантией недопустимости оказания противодействия процессу расследования со стороны подозреваемого (обвиняемого). Во второй ситуации, считаем, вопросы, связанные с отстранением от должности, должны решаться в обязательном порядке, если преступление сопряжено с выполнением подозреваемым (обвиняемым) должностных полномочий. Здесь требуются дополнительные объяснения диссертанта.

3. Автором отмечено, что, по общим правилам уголовного судопроизводства, в судебном заседании вправе участвовать прокурор, следователь, дознаватель, а также подозреваемый, обвиняемый и адвокат [2, с. 206]. Действительно, в ст. 114 УПК РФ не предусматривается возможность участия в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о временном отстранении подозреваемого, обвиняемого от должности потерпевшего и его представителя. Однако, по нашему мнению, потерпевший и его представитель все же вправе участвовать

в судебном заседании при рассмотрении этих ходатайств, а также они могут обжаловать принятое судом решение, что обеспечит возможность реализации права данных участников уголовного судопроизводства на защиту своих интересов. В этой связи небезынтересны пояснения автора в отношении объема прерогатив и действительной роли потерпевшего и его представителя в процедуре рассмотрения ходатайства о временном отстранении подозреваемого, обвиняемого от должности.

4. Диссертантом в параграфе, посвященном особенностям применения временного отстранения от должности в отношении отдельных категорий лиц, проведен содержательный этимологический анализ юридической терминологии, используемой законодателем. В частности, весьма продуктивно интерпретируются и сравниваются такие понятия, как «должность», «служащий», «должностное лицо», «должностные полномочия», «служебные полномочия», «профессиональная деятельность» [2, с. 179–203].

В связи с этим уместно было бы провести системный анализ и таких категорий, как «дисквалификация» и «деквалификация», что значительно обогатило бы этот раздел диссертационного исследования. Тем более что некоторые ученые-процессуалисты отстранение от должности порой называют дисквалификацией. Однако, на наш взгляд, уголовно-процессуальное понятие временного отстранения от должности лишь вытекает из более общего понятия дисквалификации. Как представляется, дисквалификация означает объявление кого-либо недостойным или неспособным занимать определенную должность или исполнять конкретную работу. Отстранение от должности чаще всего на практике обосновывается дискредитацией занимаемой должности.

30 марта 2018 г. в диссоте Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева С. И. Вершининой защищена докторская диссертация [3]. В этой монографической работе С. И. Вершинина впервые в науке уголовно-процессуального права применила оригинальный подход, позволивший под углом зрения именно нормативно-правовой сущности данного феномена рассматривать государственно-правовое принуждение как обособленную совокупность правовых норм, обеспечивающих государственное принудительное воздействие в сфере правоприменения.

При высокой общей оценке результатов проведенного исследования, в рамках публичной защиты С. И. Вершининой нами были высказаны следующие сомнения и возражения.

1. В обсуждаемой диссертации предлагается новая и в целом — достаточно убедительная **классификация форм применения норм процессуального принуждения**. В частности, они поделены на упрощенные, основные, контрольные и исключительные [3, с. 210–211].

Любая научная классификация, как известно, может считаться безупречной **лишь при наличии абсолютно определенного критерия** размежевания анализируемых объектов. Вместе с тем критерий, уложенный автором в основание предлагаемой классификации, не до конца выдержан. На странице 16 диссертации он сформулирован как «различия в структуре и содержании **уголовно-процессуальной деятельности**», а на странице 210 — «структурные и содержательные особенности **реализуемых ... норм**» (выделено нами. — В. А.). Уголовно-процессуальная деятельность, конечно же, явление гораздо более многозначное, нежели **правовые нормы**, лежащие в основе ее реализации. В силу этого требует однозначного уточнения формула приведенного критерия.

2. Соглашаясь с выводом о том, что «меры пресечения, содержащиеся в главе 13 УПК РФ, несмотря на свое название, имеют не столько пресекательный, сколько превентивный характер» [3, с. 43] (что, кстати, прямо следует из содержания оснований их избрания), обращаем внимание на их безальтернативное причисление в диссертации к **пресекательным видам** уголовно-процессуального принуждения [3, с. 44]. Данное противоречие нуждается в объяснениях автора.

3. Не вполне последовательны оценки С. И. Вершининой о ранге и субъектах выполнения задачи раскрытия преступлений. В этой связи, в частности, утверждается: «Вряд ли разумно ставить одни и те же задачи для различных видов правовой деятельности» [3, с. 52]. И в то же время делается вывод о причастности органов предварительного расследования к раскрытию преступлений [3, с. 53, 54 и др.].

Представляется, все же, что законодатель **совершенно определенно** поставил данную задачу перед органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (см. ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Кроме того, из ряда норм УПК РФ (ст. ст. 21, 73 и др.) вытекает, что задача раскрытия преступлений также стоит и перед органами предварительного расследования.

Эта **общая задача** на практике выполняется совместными усилиями как органов расследования, так и представителей оперативных аппаратов соответствующих правоохранительных ведомств. Но она тре-

бует **буквального закрепления** в УПК РФ по схеме, имевшей место в ст. 2 УПК РСФСР.

4. Не можем согласиться с выводом об избыточности п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, формулирующего задачу защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений [3, с. 57]. Предлагаемое изъятие данного предписания из УПК РФ не компенсирует наличие в ст. 6 УПК РФ положения о необходимости «защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод», в котором акцент смещен в направлении обеспечения социальных благ участников, вовлекаемых в производство следственных и процессуальных действий.

Смысл же п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ — в персональной защите именно субъектов, пострадавших от преступных посягательств. И такая их персонификация — несомненное достижение УПК РФ, впервые поставившего потерпевшего от преступления в более приоритетное (по сравнению с другими участниками) положение.

5. Отмечая основательность и глубину исследования в диссертации одной из самых острых принудительных мер — задержания подозреваемого в совершении преступления, мы не разделяем сомнения и оценки автора в трактовке его целей и мотивов [3, с. 237–238]. Установление причастности лица к преступлению — традиционная цель задержания подозреваемого. В связи с этим неверно утверждение о необходимости установления причастности к преступлению до момента задержания подозреваемого. Сам факт его задержания чаще всего лишь создает реальные возможности обретения доказательств его причастности к преступлению. И основания задержания (см. чч. 1 и 2 ст. 91 УПК РФ) практически всегда возникают до (а не после, как утверждает автор) окончательного установления причастности лица к преступлению. После задержания такого лица, что вполне естественно, резко расширяются возможности органа расследования для проверки предположения о его причастности.

Вряд ли правильно в этой связи считать целями задержания предупреждение попыток подозреваемого скрыться, воспрепятствовать установлению значимых обстоятельств и т. д. Эти намерения лица, если о них становится известно следователю, всегда мотивировали последнего на принятие решения о его задержании в качестве подозреваемого, и это — правильная оценка ситуации. Поэтому вряд ли следует, как это считает С. И. Вершинина, исключать требование о необходимости мотивировки решения о задержании подозреваемого из текста УПК РФ [3, с. 242, 253].

Надеемся, что представленные в этой статье размышления, суждения и оценки в состоянии послужить основой для отыскания направлений дальнейших научных изысканий в сфере применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Список источников

1. Демирчян В. В. Ограничение права подозреваемого, обвиняемого на неприкосновенность личности и частной жизни в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.

2. Бикмиев Р. Г. Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого в уголовном судопроизводстве: сущность, значение и правовые последствия : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015.

3. Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017.

А. Н. Ахпанов

Очерк развития казахстанского института уголовно-процессуального принуждения

Краткая характеристика института уголовно-процессуального принуждения в Республике Казахстан.

1. За три десятилетия в РК принято два уголовно-процессуальных кодекса — 1997 и 2014 гг. Перманентно вносились изменения и дополнения, в том числе за период с 2015 по 2022 гг. — более 1200 поправок в УПК и УК. Многие из них относились к общим и специальным вопросам регулирования мер процессуального принуждения. В структуре УПК раздел 4 традиционно включает три главы: задержание подозреваемого, меры пресечения (7 видов) и иные меры процессуального принуждения (6 разновидностей)¹.

Если в начале 90-х гг. прошлого века РК разделял 3–4-е места в мировом рейтинге по индексу тюремного населения, то в настоящее время вследствие рационального регулирования и политики гуманизации, в том числе института уголовно-процессуального принуждения, данный показатель кардинально улучшился. В 2023 г. Казахстан занимал уже 99-е место среди 223 стран. В местах лишения свободы отбывают наказание менее 30 000 осужденных.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : закон от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 21.10.2023).

При населении Казахстана в 20 млн человек в среднем ежегодно применяется около 25 000 мер пресечения и 12 000 случаев уголовно-процессуального задержания. В структуре мер пресечения около половины составляют содержание под стражей, 1/3 — подписка о невыезде и надлежащем поведении, домашний арест имеет тенденцию к увеличению до 1/10. Залог — около 1000 случаев, остальные меры пресечения — незначительное число.

Снижение степени уголовной и уголовно-процессуальной репрессии было обусловлено рядом факторов. Содержание под стражей в качестве меры пресечения (ч. 1 ст. 147 УПК РК — при условии грозящего наказания на срок свыше 5 лет лишения свободы) применяется по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, удельный вес которых в структуре преступности за последнее десятилетие составляет от 10 до 30%. Увеличение данного показателя объясняется тем, что по действующей формуле расчета раскрываемости преступлений принимаются во внимание только тяжкие и особо тяжкие преступления, число которых стабильно. В то время как в стране в три раза сократилось общее количество ежегодно регистрируемых уголовных правонарушений (с 360 тысяч в 2013 г. до 122 тысяч — на ноябрь 2023 г.) [1].

Кроме того, к лицам, подозреваемым, обвиняемым в совершении преступлений в сфере экономической деятельности, как правило, запрещается применение меры пресечения в виде содержания под стражей. Исключение составляют дела об уголовных правонарушениях, предусмотренных ст. ст. 217, 218, 218-1, 231, 234, 248 и 249 УК РК, но при условии, что они пытались скрыться или скрылись от органов уголовного преследования или суда либо подозреваются в совершении преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации). В среднем ежегодно данная мера пресечения применяется Службой экономических расследований Агентства РК по финансовому мониторингу лишь к 200 подозреваемым.

Одной из причин уменьшения сферы принуждения в уголовном процессе явились изменения ст. 83 Конституции РК и внедрение с 2020 г. трехзвенной модели уголовного процесса. Полномочия прокурора при осуществлении функций существенно расширены Законами РК от 19 декабря 2020 г. № 384-VI и от 27 декабря 2021 г. № 88-VII².

² О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты прав граждан в уголовном процессе и противодействия коррупции : закон РК от 19 декабря 2020 г. № 384-VI. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 21.10.2023) ; О внесении изменений и дополнений в не-

Прокурор осуществляет от имени государства уголовное преследование на всех стадиях уголовного процесса. Органы расследования обязаны согласовывать с прокурором основные процессуальные решения, ограничивающие конституционные права граждан. Следователь, дознаватель согласовывают с прокурором постановления о:

— признании лица подозреваемым *(в случаях, не терпящих отлагательства, до согласования органы расследования вправе признать лицо подозреваемым, допросить в качестве такового, провести неотложные следственные действия)*;

— квалификации деяния подозреваемого, ее изменении или дополнении *(аналог привлечения в качестве обвиняемого)*;

— прерывании сроков досудебного расследования;

— возбуждении ходатайства перед следственным судьей о применении мер пресечения в виде содержания под стражей, домашнего и экстрадиционного ареста, о продлении их сроков, их изменении или отмене;

— прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по всем основаниям.

Между тем сосредоточение исключительно в руках прокурора, в лучших традициях инквизиционного процесса, множества функций — прокурорский надзор, руководство досудебным расследованием, подмена ведомственного процессуального контроля, процессуальный прокурор, возглавление следственной (следственно-оперативной) группы, осуществление от имени государства уголовного преследования, производство предварительного следствия в рамках дискреционной подследственности, выдвижение и поддержание государственного обвинения — стало способом восполнения вакуума вследствие передачи большинства его полномочий следственному судье (ст. ст. 52–56 УПК РК).

Для восстановления уголовно-процессуальной системы сдержек и противовесов, реанимации процессуальной самостоятельности следователя рационален отказ от трехзвенной модели и возврат прокурору права на санкционирование следственных действий. На подобный подход справедливо и пророчески для Казахстана обращал внимание проф. В. В. Кальницкий еще 20 лет назад [2, с. 112–114].

Минимизации процессуального принуждения может способствовать реальное, а не фиктивное установление в РК разумных сроков досу-

которые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения трехзвенной модели с разграничением полномочий и зон ответственности между правоохранительными органами, прокуратурой и судом : закон РК от 27 декабря 2021 г. № 88-VII. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000088> (дата обращения: 21.10.2023).

дебного расследования (чч. 1, 2–7 ст. 192 УПК РК). Для сравнения — в настоящее время Верховным Судом РК ставится вопрос о введении, вслед за главным судебным разбирательством [3] (ч. 5 ст. 322 УПК РК — действует с 2015 г.), разумных сроков рассмотрения уголовных дел в апелляционной и кассационной инстанциях [4].

Назрела необходимость введения разумных сроков досудебного расследования по нераскрытым преступлениям в случаях неустановления лиц, их совершивших. Разумные сроки могут исчисляться в пределах установленных УК РК сроков давности привлечения виновного к уголовной ответственности. Одновременно надо поставить вопрос об утрате нормы УПК РК о прерывании (ранее — приостановлении) сроков досудебного расследования. Такие дела должны оставаться в производстве следователя, дознавателя. Но при этом раскрытием преступлений обязаны заниматься сотрудники оперативных подразделений органов дознания, за которыми будут числиться уголовные дела в Комитете по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК, вплоть до их раскрытия. Статистические карточки о раскрытии преступлений могут выставляться следователем, дознавателем после признания ими лица подозреваемым. С момента появления в уголовном деле подозреваемого для обеспечения его прав и законных интересов должно начинаться исчисление фиксированных сроков расследования [5, с. 336–340].

2. В УПК РФ (как и РК) не удавалось достичь четкого разграничения фактического и процессуального (юридического) задержания. В нем не урегулированы отношения, возникающие во время и непосредственно после физического захвата, поимки лица. В этой связи в уголовно-процессуальный закон предлагалось внести изменения и дополнения относительно порядка, сроков проверки причастности доставленного к преступлению для установления оснований, условий и мотивов задержания [6].

Очевидно, что начало трехчасового срока для составления протокола задержания предпочтительно исчислять не с момента захвата (фактического задержания) лица (ч. 5 ст. 48 УПК РК), а с момента его доставления в орган уголовного преследования. В эти три часа, по нашему мнению, не следует включать время, затраченное на производство неотложных следственных действий на месте происшествия и перемещение лица в орган уголовного преследования. Безусловно, что трех часов зачастую явно недостаточно для проведения следователем (дознавателем) неотложных следственных и процессуальных действий в целях установления причастности лица к совершению преступления, выяснения данных о его личности и других обстоятельств предмета доказывания, составления протокола

и непосредственно для фактического перемещения задержанного с места происшествия или места захвата в орган уголовного преследования.

Профессор Б. Б. Булатов относит к предмету судебного контроля при решении вопроса о заключении под стражу проверку судьей обоснованности задержания подозреваемого. При признании судьей незаконности и необоснованности задержания теряет смысл обсуждение вопроса о мере пресечения к задержанному [7, с. 86].

Несомненно, что доставление органом уголовного преследования к следственному судье *каждого* задержанного подозреваемого, в том числе и освобожденного из ИВС ввиду избрания менее строгой меры пресечения, неподтверждения подозрения или по иным основаниям, позволит усилить защиту его прав и законных интересов. Будут предупреждаться и пресекаться случаи незаконного и необоснованного начала досудебного расследования и уголовно-процессуального задержания, применения пыток и других недозволённых методов расследования.

В этой связи целесообразно имплементировать в УПК РК положения пп. 34 и 36 Рекомендаций Комитета ООН по правам человека от 16 декабря 2014 г. и п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. о том, что «каждое ... лицо, задержанное по уголовному обвинению, срочно предстает перед судьей или другим должностным лицом, которое по закону имеет право осуществлять судебную власть ...»³.

3. Несмотря на явные преимущества залога, как менее строгой меры пресечения, в правоприменительной практике РК наблюдался резкий рост и стремительное снижение его показателей:

Залог	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	20	333	3149	14572	13902	4731	1430	1284	1013	760	830
Уд. вес, %	0,05	1,5	10,6	53,9	52,7	21,0	6,6	5,1	4,2	3,5	3,4

Пик применения залога приходился на 2015 и 2016 гг. Рекорд объясняется активным продвижением на тот момент Указания Генерального прокурора РК 7/15 (ноябрь 2013 г.) о широком применении залога в качестве альтернативы аресту, что и повлекло искусственное повышение статистических показателей [8].

³ *Международный пакт о гражданских и политических правах* ГАООН от 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 21.10.2023) ; *Рекомендации Комитета ООН по правам человека к статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах* (приняты на 112-й сессии 7–31 октября 2014 г.). URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/564f3bdb4.html> (дата обращения: 21.10.2023).

Указание подталкивало органы уголовного преследования формально оценивать фактические данные и доказательства как основания применения залога. Нередко размер залога уменьшался ниже низшего предела и фактически по характеру правоограничений он подменял подписку о невыезде и надлежащем поведении. Формальным применением залога не достигалась ее цель. Далее — в период с 2017 по 2022 гг. наблюдается резкое уменьшение случаев его применения. Такие показатели обусловлены тем, что с декабря 2017 г. законодатель его санкционирование передал от прокуроров к следственным судьям. Судебный порядок санкционирования залога наряду с предварительным согласованием решения с прокурором несколько усилил гарантии прав подозреваемого. Но окончательно не разрешил прежние проблемы, породив новые.

Нами предлагается комплексный подход по устранению действительных, а не мнимых препятствий для применения залога. Одним из них является принцип саморегуляции правоотношений, который воплощается в добровольности внесения залога, учете процессуальной позиции самого подозреваемого (отношение к подозрению), его материального положения и уверенности органов расследования и следственного судьи в высокой степени вероятности обеспечения надлежащего поведения данной мерой пресечения.

4. В рамках проекта Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов» Комитетом по законодательству и судебно-правовой реформе Мажилиса (нижняя палата) Парламента РК рассматривается вопрос о введении новой меры пресечения — имущественное поручительство.

Вопрос об обособлении имущественного поручительства от залога в качестве новой меры уголовно-процессуального пресечения ставился нами в казахстанской науке уголовного процесса более четверти века назад [9; 10]. Ввиду политического курса на справедливое уголовное судопроизводство он имеет возможность законодательного воплощения. Предпосылки к дополнению системы мер пресечения имущественным поручительством обусловлены эффективностью обеспечительного способа правомерного поведения привлекаемого к уголовной ответственности лица при следовании гуманистическим началам, конституционному принципу неприкосновенности личности, разумном балансе публично-правовых и частных интересов, неотвратимости уголовной ответственности и гуманизации уголовной политики.

Нами выделены признаки и свойства процессуальной формы имущественного поручительства, допускающие отнесение его к самостоятельной мере уголовно-процессуального пресечения: предмет правового регулирования, условия, основания и процессуально-правовой механизм применения, обеспечительные гарантии, правовые последствия. В отличие от залога, имущественное поручительство имеет другой предмет правового регулирования (движимое и недвижимое имущество), иной и достаточно сложный механизм применения, разные гарантии обеспечения надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Процедура имущественного поручительства в уголовном процессе может быть аналогичной порядку залога недвижимого и движимого имущества, установленному гражданским законодательством. Данная мера пресечения успешно применяется в зарубежной следственной и судебной практике.

На основании результатов научных исследований, осуществленных под моим руководством, нами представлен авторский проект статьи 145-1 УПК РК «Имущественное поручительство» [11, с. 32–40].

«Статья 145-1. Имущественное поручительство»

1. Имущественное поручительство состоит в предоставлении подозреваемым, обвиняемым, подсудимым или иным лицом (поручитель) надлежащего ему на праве собственности имущества в обеспечение выполнения подозреваемым, обвиняемым, подсудимым обязанностей по явке к лицу, осуществляющему производство по делу, по его вызову и иных обязательств, предусмотренных частью первой статьи 136, частью второй статьи 137, частью третьей статьи 140 настоящего Кодекса.

2. В качестве поручителей могут выступать юридическое или физическое лицо, за исключением несовершеннолетних, признанных судом недееспособными, привлекаемых к уголовной ответственности, осужденных, признанных банкротами.

3. Предметом имущественного поручительства может являться движимое и недвижимое имущество, не обремененное какими-либо обязательствами перед третьими лицами, свободное от их притязаний, ареста, оперативного управления, хозяйственного ведения, залога, аренды, доверительного управления или иного запрещения, а также не входящее в перечень имущества, не подлежащего конфискации по приговору суда (приложение к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Казахстан).

4. Доказывание ценности имущества, отсутствие обременений и покрытия иных расходов при оформлении правоограничений по распоря-

жению имуществом, а также расходов на восстановление первоначально-го состояния имущества возлагается на поручителя.

5. Подозреваемый, обвиняемый, подсудимый или поручитель обязаны представить лицу, осуществляющему производство по делу, оригиналы правоустанавливающих документов, которые хранятся при уголовном деле до его разрешения либо изменения или отмены данной меры пресечения.

6. При применении меры пресечения в качестве имущественного поручительства за подозреваемым, обвиняемым, подсудимым или иным лицом сохраняется право владения, пользования имуществом с установлением ограниченного запрета на распоряжение им.

7. Лицо, осуществляющее производство по делу, вправе проверять по документам и фактически наличие, состояние, сохранность, условия эксплуатации (пользования) имущества, являющегося предметом поручительства.

8. Перед вынесением постановления о возбуждении ходатайства перед судом о даче санкции на применение данной меры пресечения лицом, осуществляющим производство по делу, разъясняются подозреваемому, обвиняемому и подсудимому его права, обязанности и последствия их неисполнения, а поручителю — обязательства по обеспечению надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, его явки по вызову, а также последствия неисполнения этих обязанностей.

9. Имущественное поручительство применяется только с санкции следственного судьи либо по постановлению суда.

10. Исполнение решения следственного судьи или суда об ограничении права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или поручителя на распоряжение имуществом осуществляется судебным исполнителем в установленном гражданским законодательством порядке по аналогии с залогом недвижимого имущества.

11. Основания, условия и порядок применения меры пресечения в виде имущественного поручительства определяются в соответствии с частями второй-тринадцатой статьи 145 настоящего Кодекса».

5. Конституционным Судом РК 11 апреля 2023 г. принято нормативное постановление по обращению гражданина М. о соответствии Конституции РК отдельных положений части второй статьи 146 УПК РК⁴.

⁴ О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан отдельных положений части второй статьи 146 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 года : нормативное постановление Конституционного Суда РК № 9 от 11 апреля 2023 г. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 21.10.2023).

Решением признано соответствие Конституции положений пунктов 1, 2 и 3 части второй указанной статьи в данном Конституционным Судом истолковании: ограничения, предусмотренные при домашнем аресте, которые применяются судами в отдельности либо в совокупности, должны обеспечивать соблюдение прав арестованного и его защитника, гарантированных Конституцией Республики Казахстан, включая права на жизнь и охрану здоровья, признание правосубъектности, защиту своих прав и свобод всеми не противоречащими закону способами, судебную защиту и получение квалифицированной юридической помощи, а также вытекающих из них процессуальных прав, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан [6].

В этой связи Мажилисом Парламента РК в ст. 146 УПК РК предлагается внести следующие поправки (*выделено курсивом. — А. А.*).

«2. При применении домашнего ареста в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого могут быть применены одно или несколько ограничений:

1) запрет выхода из жилища полностью или в определенное время *без разрешения органа, ведущего уголовный процесс, за исключением экстренных случаев и чрезвычайных ситуаций;*

2) запрет на ведение телефонных переговоров, отправление корреспонденции и использование средств связи *без разрешения органа, ведущего уголовный процесс, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 5 настоящей части и частью третьей настоящей статьи;*

3) запрет на общение с определенными лицами и принятие кого бы то ни было у себя *без разрешения органа, ведущего уголовный процесс, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей настоящей статьи.*

3. В постановлении суда о домашнем аресте устанавливаются конкретные ограничения, применяемые к подозреваемому, обвиняемому, а также указывается орган или должностное лицо, осуществляющее надзор.

Ограничения, предусмотренные при домашнем аресте, которые применяются судами в отдельности либо в совокупности, не должны нарушать прав арестованного и его защитника, гарантированных Конституцией Республики Казахстан, включая права на жизнь и охрану здоровья, признание правосубъектности, защиту своих прав и свобод всеми не противоречащими закону способами, судебную защиту и получение квалифицированной юридической помощи, а также вытекающих из них процессуальных прав, закрепленных в настоящем Кодексе, в том числе: право на контакты с совместно проживающими членами семьи, защитником

и законным представителем, подачу жалоб и ходатайств в установленном законом порядке, участие в процессуальных действиях.

Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования средств связи для вызова экстренных служб, участия в дистанционных следственных действиях и судебных заседаниях, а также для контактирования с контролирующим органом (осуществляющим надзор), дознавателем, следователем, прокурором, судом.

О каждом использовании средств связи подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган (осуществляющий надзор).

В то же время, как представляется, статья 146 УПК также может быть усовершенствована, исходя из рецепции законодательного опыта Российской Федерации:

— абзац второй части третьей целесообразно дополнить после слов «членами семьи, защитником и законным представителем,» словами «а также с нотариусом для удостоверения доверенности на представление интересов подозреваемого в сфере предпринимательства в месте исполнения этой меры пресечения,»

— следует дополнить ее частью 3-1 в редакции: «Ограничения могут быть изменены следственным судьей, судом по ходатайству подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, его защитника, законного представителя, а также лица, осуществляющего досудебное расследование».

Кроме того, должен приниматься во внимание разумный баланс: при достижении целей домашнего ареста — обеспечение публично-правовых интересов уголовного правосудия (часть первая статьи 8, часть первая статьи 136, часть первая статьи 138 УПК), при защите конституционных прав и законных интересов подозреваемого — обеспечение его неотъемлемых, естественных и неотложных потребностей для осуществления нормальной жизнедеятельности.

Данный баланс может быть достигнут при создании в РК условий для полноценного применения к домашне-арестованным подозреваемым электронных средств контроля. Для минимизации пределов правоограничений домашнего ареста в соответствии с п. 4 части второй статьи 146 УПК РК суд может обязать подозреваемого носить на себе электронные средства контроля (ЭСК).

В этой связи с финансовой, материальной и организационной сторон нуждается в детальной регламентации на уровне УПК и межведомственных Правил исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста 2014 г. вопрос о порядке применения ЭСК, обеспечивающих эффективное и своевременное слежение за перемещением лица в границах заданного периме-

тра и определенных маршрутов передвижения. Ведение электронного контроля на мониторах контролера-оператора должно быть индивидуальным, позволяющим предупреждать и пресекать отклонения от маршрута и выход за установленный периметр, обеспечивать его оперативное взаимодействие с патрульно-постовыми службами, оперативными подразделениями правоохранительных и специальных органов. При наличии соответствующих оснований должна допускаться фиксация, в том числе при помощи негласных следственных действий, непроцессуальных контактов и незаконных действий подозреваемого и иных лиц.

Применение ЭСК на основе браслетов в Казахстане широко не практикуется, за исключением незначительного числа случаев в деятельности Антиторрупционной службы. Использование сервисной модели применения ЭСК значительно снизит стоимость их технической эксплуатации и иные расходы в сравнении с содержанием лица под стражей. Расходы на ЭСК могут быть включены в процессуальные издержки и их возмещение возложено на подозреваемых, обвиняемых, осужденных.

Список источников

1. Сведения об основных показателях по зарегистрированным уголовным правонарушениям / Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/indicators> (дата обращения: 21.10.2023).

2. Кальницкий В. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью следственных действий в порядке ст. 165 УПК РФ неэффективен // Процессуальный контроль в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан. Современные проблемы и перспективы развития : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Алматы, 5–6 декабря 2003 г. Алматы, 2003.

3. Азаров В. А., Рожков Д. Г. Обеспечение разумного срока уголовного судопроизводства в суде первой инстанции. Омск, 2013.

4. В Астане создадут три кассационных суда. URL: <https://vlast.kz/novosti/57558-v-astane-sozdadut-tri-kassacionnyh-suda.html> (дата обращения: 21.10.2023).

5. Ахпанов А. Н. Актуальные вопросы теории и практики казахстанского уголовного процесса // Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Астана, 2019.

6. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003.

7. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.

8. *Исаев Н. М.* Выступление заместителя Генерального прокурора РК 28 марта 2014 года на брифинге в Службе центральных коммуникаций. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Msl0kXqGQ8Q> (дата обращения: 21.10.2023).

9. *Ханов Т. А.* Правовые и организационные вопросы применения имущественных мер пресечения в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан : дис. ... канд. юрид. наук. Караганда, 1999.

10. *Кусаинова Л. К.* Имущественное поручительство в системе мер уголовно-процессуального пресечения : дис. ... канд. юрид. наук. Караганда, 2010.

11. *Ахпанов А. Н.* Имущественное поручительство в системе мер уголовно-процессуального пресечения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 2023. Т. 19. № 2.

А. М. Баранов

Принуждение в уголовном процессе России: парадоксы доктрины

Убеждение и принуждение образуют собой метод государственного регулирования обществом. Было бы наилучшим для всех, если бы государство обходилось только убеждением при регулировании общественных отношений, но государство всегда вынуждено применять принуждение. В основе процессуального права, а уголовного судопроизводства — в особенности, всегда было принуждение, и только там и тогда, когда появлялась возможность ограничиться убеждением, принуждение становилось излишним. Однако оно все равно присутствовало как потенциально возможное и, безусловно, применимое в случае недостаточности разрешения общественных отношений на основе убеждения [1, с. 242–243].

Подчеркивая объективную природу принуждения, профессор В. М. Корнуков отмечает, что согласие участников правоотношений подвергнуться самоограничению не лишает меры процессуального принуждения их объективно-принудительного характера, а лишь устраняет субъективное чувство принуждения [2, с. 18].

В науке уголовного процесса существует теория субъективного характера мер процессуального принуждения, согласно которой критерием отграничения процессуального принуждения от сферы свободного волеизъявления является психическое отношение гражданина к возложенной на него обязанности, теория самоограничения личности [3, с. 44, 49].

В уголовном судопроизводстве принуждение и ограничение прав и свобод личности неизбежны и объективны [4, с. 10–14]. Проблема заключается в том, совпадают ли цели и интересы личности, общества и государства при применении принуждения в уголовном судопроизводстве, насколько объем и степень, средства и способы государственного принуждения необходимы и достаточны для регулирования общественных отношений в борьбе с преступностью и торжества законности как политико-правового режима в обществе.

Более ста лет тому назад ответ на данный вопрос был дан министром юстиции Австрии Ю. Глазером. «Полное осуществление цели государства невозможно без глубокого нарушения частных интересов... Уголовный процесс служит осуществлению одной из важнейших задач государственной власти, он был одним из наиболее ранних, постоянных и существенных ее проявлений, от соответствия уголовного процесса его цели общественное благо зависит, быть может, более, чем от чего-либо другого. Но уголовный процесс более всего вторгается в область частных прав и интересов, он подвергает их наибольшей опасности» [5, с. 13–15].

Применение принуждения государством возникает там и тогда, когда граждане не исполняют либо исполняют неудовлетворительным образом свои обязанности по отношению к обществу и государству. Конечно же, принуждению должно предшествовать убеждение [6, с. 87]. Более того, государство вначале должно увеличить степень воздействия посредством убеждения и уже после значительного изменения правосознания осуществлять изменения в законе, ограничивая принуждение, а не наоборот. Следовательно, прежде чем ограничить право государства на применение принуждения и ограничение свобод личности, важно усилить в обществе воздействие на личность посредством морали, традиций и обычаев*.

На сегодняшний день большинством авторов под принуждением в уголовном судопроизводстве понимается физическое, психическое или иное воздействие уполномоченных на то государственных органов на сознание и поведение субъектов уголовно-процессуальных отношений путем применения к ним в установленном порядке предусмотренных за-

* Удивительнее всего то, что к практическому значению морали и традиций в современную эпоху пришли не теоретики западного права. К необходимости возрождения традиций как смене формы государственного воздействия на общество пришли власти Китая. Они стали возрождать традицию посещения чайных. Считается, что посещение чайной способствует воспитанию законопослушного и добропорядочного гражданина. (Из репортажа выпусков новостей телеканалов «Россия», «НТВ» от 20 сентября 2003 г.)

коном принудительных мер, связанных с наступлением для указанных субъектов определенных ограничений личного, имущественного или иного характера [7, с. 167–168; 8].

В советский период в науке уголовного процесса сформировалось два доктринальных подхода к пониманию принуждения.

Согласно первой позиции принуждения нет, если обязанности выполняются добровольно, независимо от характера и содержания обязанностей [3, с. 53–55]. Уязвимость этой доктрины заключалась в противоречии двух составляющих. Первая часть заключалась в том, что уголовное судопроизводство по своей сути представляет собой принуждение. Вторая часть этой доктрины утверждала, что принуждение имеет место только тогда, когда нет добровольного исполнения обязанностей. Это противоречие снималось за счет политико-правовой идеологии, объявлявшей исполнение правовых обязанностей долгом советского человека перед государством.

Согласно второй позиции принуждение имеет место там, где обязанности носят правоограничительный характер, независимо от добровольного или нет исполнения обязанности [2; 9, с. 98–99]. В этой доктрине противоречие заключалось в понимании принудительной сущности уголовного процесса.

С началом реформы уголовного судопроизводства с 1991 г. и изменения доктринального подхода принудительной сущности уголовного судопроизводства на правозащитную (правообеспечительную). В статье 6 УПК РФ получила закрепление теория ограничения полномочий правоохранительных органов государства в уголовном процессе.

Под лозунгом обеспечения прав личности в основу уголовного судопроизводства как метода регулирования общественных отношений в сфере борьбы с преступностью было положено не принуждение, а убеждение. Однако, согласно этой доктрине, любое ограничение прав личности предлагается рассматривать как принуждение, вне зависимости от добровольности исполнения субъектом правоотношений своих обязанностей. Уже на уровне принятия решения, потенциально ограничивающего права личности, у государства возникает обязанность обеспечения соответствующего права, а у вовлекаемых лиц нет корреспондирующей обязанности. Из норм закона, регулирующих правовой статус большинства участников, в принципе выпала категория «обязанности».

Казалось бы, с точки зрения формальной логики, если в уголовном судопроизводстве доктрину «всеобъемлющего принуждения» заменили на доктрину «правозащитную (правообеспечительную)», то тогда огра-

ничение принудительного потенциала государства должно компенсироваться добровольностью исполнения своих обязанностей участниками процесса. А наличие обязанностей у участников процесса и их добровольное исполнение — не расцениваться как ограничение права.

Устранение обозначенного противоречия в современной доктрине принуждения в уголовном процессе и является задачей науки уголовного процесса.

Список источников

1. Баранов А. М. Принуждение и убеждение как методы государственного регулирования уголовно-процессуальных отношений // Актуальные проблемы права России и стран СНГ — 2004 : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (7–8 апреля 2005 г.). Ч. II. Челябинск, 2005.

2. Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978.

3. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985.

4. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003.

5. Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу : сочинение Юлія Глазера. СПб., 1884. Т. 1.

6. Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2006.

7. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

8. Калиновский К. Б. Уголовный процесс : конспект лекций. URL: https://kalinovsky-k.narod.ru/p/lecture_notes/6 (дата обращения: 22.10.2023).

9. Курс советского уголовного процесса: Общая часть. М., 1989.

С. И. Вершинина

О закономерностях функционирования института уголовно-процессуального принуждения

Институт уголовно-процессуального принуждения, несмотря на повышенное внимание к нему ученых, не является совершенным ни с точки зрения научного обоснования его содержания и структуры, ни по качеству правового оформления в законодательстве. В качестве причин сложившейся ситуации следует назвать: недостаточность теоретического обоснования правовой конструкции процессуального принуждения;

противоречивость и нелогичность построения правовой модели принудительного воздействия в действующем УПК РФ; несоответствие этой модели признакам, характеризующим любую систему. На одном из таких признаков — закономерностях функционирования системы — остановимся в данной статье.

Институт уголовно-процессуального принуждения, как и любое другое системное образование, характеризуется наличием объективно существующих, устойчивых взаимосвязей не только с окружающей правовой действительностью, но и наличием взаимосвязей внутри системы, между ее элементами. Данные взаимосвязи, понимаемые как закономерности [1], обуславливают функционирование и развитие института процессуального принуждения как целостной, самодостаточной системы, а их учет и отражение в законах позволяет обеспечить максимальную эффективность практической деятельности. К сожалению, законодатель не уделяет должного внимания закономерностям функционирования института процессуального принуждения, что порождает значительное количество пробелов, недостатков, нелогичности в правовом регулировании мер принуждения, на наличие которых совершенно справедливо обращают внимание ученые [2–6].

Первая закономерность: взаимосвязь уголовно-процессуального принуждения с процессуальными обязанностями участников судопроизводства. Проблема правовой модели процессуального принуждения в том, что эта связь практически нивелирована. Хотя процессуальные обязанности находятся за пределами института уголовно-процессуального принуждения, существующая между ними связь раскрывает первопричину принудительного воздействия в уголовном процессе и оправдывает само существование рассматриваемого института: принуждение необходимо как правовое средство обеспечения процессуальных обязанностей. Процессуальная обязанность, не обеспеченная принуждением, превращается в фикцию, а принуждение, применяемое вне связи с какой-либо обязанностью, является произволом.

Следует отметить, что выявленная взаимосвязь проявляется лишь в части обязанностей участников, вовлекаемых в уголовное судопроизводство и не характерна для государственно-властных полномочий органов расследования, прокурора и суда. Публичность полномочий должностных лиц и принадлежность к государственной власти исключают их из круга субъектов принуждения, они сами являются носителями полномочий на применение процессуального принуждения. Иная ситуация у частных лиц, вовлекаемых в уголовный процесс. Присущие им инте-

ресы могут не совпадать с публично значимыми целями уголовного судопроизводства, что ставит под угрозу исполнение возложенных на них процессуальных обязанностей. Нивелировать такие угрозы и призвано уголовно-процессуальное принуждение.

Определяя в качестве субъектов принуждения вовлеченных участников, следует обозначить существующие между ними отличия, проявляющиеся в различной заинтересованности в достижении целей уголовного судопроизводства. По этому критерию выделяются две группы: 1) участники, интересы которых прямо противопоставлены результатам процессуальной деятельности; 2) участники, объективно не заинтересованные в противостоянии расследованию. У участников первой группы (подозреваемый, обвиняемый) вероятность ненадлежащего поведения достаточно высока, так как приобретаемый лицом статус предполагает возможность наступления для них неблагоприятных последствий. Соответственно, с момента приобретения статуса появляются основания полагать, что лицо может уклоняться от исполнения обязанностей, в связи с чем становится целесообразным применение принуждения в превентивном порядке, так сказать, «на опережение». В отношении участников второй группы (остальные вовлеченные участники) таких оснований нет, что исключает превентивное принуждение, но делает целесообразным применение принуждения *post factum* с целью пресечения уже начавшегося противоправного поведения либо в качестве меры уголовно-процессуальной ответственности. В этом мы видим **вторую закономерность: вид и содержание процессуального принуждения, допускаемого в отношении участника судопроизводства, обусловлены его процессуальными интересами и занимаемым статусом**. К сожалению, и эта закономерность не учитывается в полной мере в УПК РФ, допускающем применение превентивного принуждения к участникам, объективно не заинтересованным в противостоянии расследованию, например, отобрание у свидетеля обязательства о явке (п. 1 ч. 2 ст. 111 УПК РФ).

Еще одна устойчивая взаимосвязь наблюдается при решении вопроса о применении к обвиняемому меры пресечения. Во-первых, процессуальный статус обвиняемого (подозреваемого) предопределяет обязательность ограничения его прав и свобод, в той или иной степени, в период производства по уголовному делу, что исключает диспозитивность, предусмотренную УПК РФ (ч. 1 ст. 97). Во-вторых, абстрагируясь от перечисленных в ст. 98 УПК РФ мер пресечения, следует признать, что ее выбор фактически ограничен двумя из предлагаемых мер: заключить под стражу либо отобрать подписку о невыезде, так как, избирая меру пресечения,

уполномоченное лицо руководствуется лишь наличием либо отсутствием оснований для заключения обвиняемого под стражу. Если такие основания установлены, выбор меры очевиден — это заключение под стражу, при отсутствии оснований применяется мера, не связанная с содержанием под стражей. В-третьих, несмотря на многочисленность предлагаемых законом мер пресечения, основания их избрания (ст. 97 УПК РФ) находятся в прямой причинно-следственной связи лишь с одной мерой — заключением под стражу. Трудно представить, что орган расследования применит не связанную с изоляцией меру пресечения, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется, продолжит свою преступную деятельность либо иным путем будет препятствовать производству. Сказанное позволяет сформулировать *третью закономерность — установление обстоятельств, свидетельствующих о намерениях обвиняемого скрыться либо препятствовать производству по уголовному делу, находится в причинной-следственной связи с применением заключения под стражу.*

Вместе с тем из буквального понимания ст. 97 УПК РФ следует, что неустановление обстоятельств, обозначенных в качестве оснований избрания меры пресечения, не только исключает избрание заключения под стражу, но и не позволяет применить более мягкие меры пресечения, не связанные с содержанием под стражей, хотя, как показано выше, необходимость применения таких мер в превентивном порядке вполне оправдана и логична. Устранение данного дефекта возможно посредством закрепления собственных оснований для избрания так называемых мягких мер пресечения, к которым относятся три общие меры — подписка о невыезде, личное поручительство и запрет определенных действий, и две специальные, применяемые к несовершеннолетним и военнослужащим. Учитывая, что все эти меры обеспечивают одни и те же обязанности обвиняемого — являться по вызову и не препятствовать производству по уголовному делу, а обременения, составляющие их содержание, принципиально не отличаются (за исключением запрета определенных действий), обозначить для каждой меры собственное основание вряд ли получится, соответственно, проблема выбора одной из них так и остается неразрешенной.

Сказанное позволяет посмотреть на сложившуюся ситуацию с другой стороны и выделить факторы, обуславливающие характер, содержание и объем принуждения, применяемого к оставляемому на свободе обвиняемому. В частности, принципиальное значение имеет не то, как эта мера принуждения называется, а то, какие обязанности возлагаются на обвиняемого и какие обременения смогут их обеспечить. Например, для

обеспечения явки по вызовам достаточно отображения подписки о невыезде; эта же обязанность для некоторых обвиняемых, в силу их возраста или иных признаков, может быть дополнительно обеспечена обязательствами других лиц (поручителей, законных представителей и др.); если на обвиняемого возлагаются иные обязанности, например, не общаться с определенными лицами, не покидать дом в ночное время и т. д., перечень применяемых обременений также должен расширяться. Следовательно, чтобы понять, какие обременения должны применяться к обвиняемому, следует определиться с перечнем и содержанием возлагаемых на него обязанностей.

В рассматриваемом контексте каждое отдельное обременение (обязательство, запрет, ограничение и т. д.) нельзя считать самостоятельной мерой принуждения; они есть части, элементы комплексной меры, применяемой к обвиняемому, находящемуся на свободе. Признание законом обременений в качестве самостоятельных мер пресечения необоснованно расширяет границы системы мер процессуального принуждения и делает выбор правоприменителей крайне сложным. Конечно же, перечень обременений должен устанавливаться законодательно, с обозначением условий и порядка их применения. Однако вряд ли для их реализации необходимо судебное решение. Согласие обвиняемого на применение принудительных средств — необходимое и достаточное условие для надлежащего исполнения им обязанностей по соблюдению ограничений и запретов.

Следовательно, мера принуждения, применяемая к обвиняемому, остающемуся на свободе, характеризуется следующими обязательными признаками: 1) наличие обязательства обвиняемого исполнять возложенные обязанности; 2) определенность процессуальных обязанностей, возложенных на обвиняемого; 3) разнообразие и соразмерность принудительных средств возложенным обязанностям. Отсюда **четвертая закономерность: перечень обременений, составляющих содержание меры принуждения, применяемой к находящемуся на свободе обвиняемому, обусловлен и соразмерен возложенным на него процессуальным обязанностям.**

Мы обозначили лишь некоторые закономерности функционирования института уголовно-процессуального принуждения, так и не нашедшие своего закрепления в уголовно-процессуальном законе. Дальнейшее изучение взаимосвязей и соотношений элементов процессуального принуждения и их отражение в законодательстве позволят разрешить значительное количество проблем в данной сфере и сделают процесс применения мер принуждения понятным и предсказуемым.

Список источников

1. Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/zakonomernost> (дата обращения: 22.10.2023).
2. Булатов Б. Б., Муравьев К. В. Институт мер пресечения в УПК Российской Федерации: динамика развития и перспективы совершенствования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.
3. Дежнев А. С., Булатов Б. Б. Проблемы регулирования и применения органами расследования мер уголовно-процессуального принуждения (часть 1) // Законодательство и практика. 2020. № 1(44).
4. Дикарев И. С., Байманов С. С. Вопросы дальнейшего развития системы мер уголовно-процессуального принуждения // Вестник военного права. 2020. № 4.
5. Травников А. В., Лаков А. В., Кутуев Э. К., Латыпов В. С. Меры уголовно-процессуального принуждения на досудебных стадиях. М., 2020.
6. Тутынин И. Б. Тенденции развития уголовно-процессуального законодательства и связанное с этим положение процессуального принуждения имущественного характера // Закон и право. 2021. № 8.

Б. Я. Гаврилов

Значение трудов Б. Б. Булатова в эволюции позиции государства по избранию меры пресечения в виде содержания под стражей

Профессор Б. Б. Булатов, являясь видным российским ученым-процессуалистом, внес значительный вклад в развитие теоретико-правовых основ применения мер пресечения, включая заключение под стражу, и в изучение их эффективности в уголовном судопроизводстве. В успешно защищенной им в 2004 г. диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве» рассмотрены различные меры процессуального принуждения, а также институт возмещения вреда, причиненного незаконным применением меры государственного принуждения в уголовном судопроизводстве, что безусловно способствовало преодолению ряда кризисных явлений, сложившихся в уголовном законодательстве, регулирующем вопросы применения мер пресечения.

Значимость научных исследований Б. Б. Булатова заключается и в том, что в течение более двух десятилетий в числе ключевых проблем российского законодательства уголовно-правового комплекса обозначена задача

снижения уровня уголовной репрессии, включая декриминализацию ряда составов преступлений, снижение размеров уголовно-правовых санкций за отдельные виды противоправных деяний. В числе причин, обуславливающих необходимость изменения государством своей уголовной политики в части установления уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы и уголовно-процессуальных правил применения следователями, дознавателями, судами мер государственного принуждения, была сложившаяся в конце 90-х гг. XX в. крайне негативная обстановка в местах лишения свободы, где на 1 января 2001 г., включая следственные изоляторы, содержалось 1 млн 10 тыс. граждан. Так, только в 1999 г. следователями ОВД и прокуратуры, дознавателями с санкции прокурора, а также судами при рассмотрении уголовных дел было заключено под стражу 455 тыс. подозреваемых, обвиняемых, подсудимых. Это побудило руководство уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации в лице ее руководителя Ю. И. Калинина [1] и руководство Следственного комитета при МВД России (автор статьи занимал должность заместителя начальника), принять экстраординарные меры в избежание негативных последствий в виде имевших место в ряде исправительных учреждений фактов дезорганизации их деятельности.

Решение проблемы виделось, в первую очередь, в необходимости внесения существенных изменений в действующее уголовно-процессуальное и уголовное законодательство.

Так, ч. 2 ст. 96 УПК РСФСР предусматривала возможность заключения под стражу в силу одной опасности совершенных преступлений, к которым в тот период времени относились все виды квалифицированных краж (например, кража ведра гвоздей на сумму 165 руб. из сарая на территории дачного участка или кража от подъезда дома двумя подростками велосипеда (из материалов уголовных дел) и т. д.). Изменить крайне негативную ситуацию по инициативе указанных лиц удалось путем принципиального пересмотра Федеральным законом от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ данной нормы, исключив из нее указанное «одиозное» условие заключения граждан под стражу, что обеспечило сокращение почти на 100 тыс. числа заключенных под стражу граждан в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

Сущность еще одного фактора, обуславливающего заключение под стражу столь значительного числа граждан, заключалась в ошибке законодателя в оценке общественной опасности кражи личного имущества с такими квалифицирующими признаками, как совершение данного преступления «группой лиц по предварительному сговору» и «с причинени-

ем значительного ущерба гражданину» (санкция по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР предусматривала до 5 лет лишения свободы), что имело место при отнесении законодателем Федеральным законом от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ всех видов квалифицированных краж личного имущества граждан к кражам чужого имущества с установлением санкции по ч. 2 ст. 158 УК РФ до 6 лет лишения свободы, как это ранее предусматривалось ч. 2 ст. 89 УК РСФСР («Хищение государственного и общественного имущества»).

Автором был разработан проект соответствующего федерального закона, который в установленном порядке депутатами Государственной Думы Российской Федерации был внесен на ее рассмотрение и принят в виде Федерального закона от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ, которым диспозиция ч. 2 ст. 158 УК РФ была дифференцирована на две самостоятельные части (часть вторую с санкцией до 5 лет лишения свободы, к которой были отнесены кражи с указанными выше признаками данного деяния, и часть третью, к которой отнесены кражи и хищения и другие с санкцией до 6 лет лишения свободы), что обеспечило снижение числа заключенных под стражу еще на 100 тыс. граждан.

Указанные меры с одновременным вступлением в действие УПК РФ, позволили многократно сократить число заключенных под стражу граждан (табл. 1).

Таблица 1. Сведения о числе заключенных под стражу подозреваемых, обвиняемых

Инициаторы применения меры принуждения	Период						
	2000	2001	2003	2016	2019	2020	2022
Следователи прокуратуры	48539	48765	44661	-	-	-	
Следователи СК РФ	-	-	-	23613	19409	18938	19991
Следователи ОВД	286164	247829	127808	75422	60118	53185	53709
Дознаватели ОВД	16761	11719	16782	6796	4902	4043	3875
Всего заключено под стражу	351464	308313	189251	105831	84429	76166	77575

Соответственно существенно (до 462 тыс. на 1 января 2023 г.) сократилось и число содержащихся в местах лишения свободы, что обеспечило значительное улучшение криминогенной обстановки в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Однако провозглашенный государством курс на либерализацию уголовно-правовых санкций принял в ходе дальнейшего (2003–2011 гг.) реформирования уголовного законодательства радикально-либеральный характер в части установления их размеров, в том числе за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, включая коррупци-

онные деяния, путем исключения из уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы их нижних границ (федеральные законы от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ и от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ; последним нижние границы данного вида наказаний были исключены из 68 составов преступлений, включая тяжкие и особо тяжкие деяния), что составило согласно ч. 2 ст. 56 УК РФ два месяца лишения свободы. Например, по ч. 4 ст. 111 УК РФ лишение свободы судом может быть назначено от 2 месяцев до 15 лет, что влечет за собой возможность превращения судебской дискреции в судебный произвол и, по сути, порождает коррупционность данного уголовного закона.

Это было негативно воспринято как видными российскими учеными-криминологами (А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло [2]), так и практиками (Б. Я. Гаврилов [3] и др.), однако данная негативная практика продолжилась в последующие годы. Так, Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ в УК РФ введена ст. 200⁵ УК РФ, устанавливающая ответственность за подкуп при осуществлении закупок, в которой наказание в виде лишения свободы предусмотрено по ч. 2 до семи лет, по ч. 3 — до восьми лет и по ч. 5 — до десяти лет без указания нижних границ данного вида наказания.

Тем не менее, продолжая политику по либерализации наказания, в проекте федерального закона, внесенном в Государственную Думу РФ в октябре 2020 г. Пленумом Верховного Суда РФ, предусматривающем введение уголовного проступка, предложено отнести к ним 122 состава преступлений, в том числе 55 — в сфере экономики включая 22 преступления в сфере экономической деятельности. При этом санкции за отдельные из них предусмотрены в виде лишения свободы до 4 лет.

Соглашаясь с данной позицией, автор отмечает, что на необходимость такого решения указывали такие видные российские ученые, как С. Г. Келина [4, с. 71], С. В. Максимов [5, с. 130], Е. В. Рогова [6, с. 7–45], В. Ф. Цепелев [7, с. 631–633] и др., а также практикующие юристы (В. В. Гордиенко, Б. Я. Гаврилов и др.), в своих публикациях предлагающие дифференцировать уголовно наказуемые деяния, в зависимости от их тяжести путем градации на преступления и уголовные проступки, что призвано обеспечить реальную правовую оценку преступных деяний с учетом степени их общественной опасности и лица, его совершившего. Следует также отметить, что идея выделения в законодательстве уголовных проступков высказывалась еще до принятия УК РФ и была изложена в проекте Кодекса уголовных проступков, подготовленном в 1974 г. рабочей группой В. И. Курляндского [8].

Следует также учитывать, что предлагаемое деление противоправных деяний на уголовные преступления и проступки ранее имело место в российском дореволюционном законодательстве. Сегодня оно присутствует в значительном количестве стран в том числе бывших республик СССР, что убеждает в необходимости принятия Федеральным Собранием Российской Федерации данного законопроекта.

Список источников

1. Калинин Ю. И. Лесоповал с человеческим лицом // Российская газета. 2002. №186.
2. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006.
3. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: монография. М., 2008.
4. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. М. Кудрявцев, С. Г. Келина. М., 1987.
5. Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации : монография / под общ. ред. С. В. Максимова. М., 2014.
6. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) // Публичное и частное право. 2016. № 4(32).
7. Цепелев В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : мат-лы IV междунар. науч.-практич. конф., посв. 250-летию образования МГУ им. М. В. Ломоносова, 27–28 мая 2004. М., 2005.
8. Кодекс уголовных проступков : проект. М., 1974.

В. Н. Григорьев

Б. Б. Булатов у истоков исследования правовой природы и нормативно-правового регулирования задержания осужденного

Ko'proq gapiring, indamang (uzb.)

Скажи больше, не промолчи

По мотивам поговорок народов Узбекистана

Булатов Борис Борисович — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации. В 2005 г. Булатову присвоено ученое звание профессора, в 2006 г. — генерал-майора милиции.

Борис Борисович родился 31 января 1954 года в г. Богданович Свердловской области. В 1971 г. по направлению УВД Курганской области поступил на очную форму обучения в Омскую высшую школу милиции МВД СССР. В 1975 г. окончил обучение с отличием. На протяжении всех лет учебы активно занимался в научном кружке кафедры уголовного права и процесса, неоднократно выступал с сообщениями по проблемам уголовно-процессуального законодательства на научных конференциях слушателей и студентов.

По окончании учебы в 1975 г. Б. Б. Булатов был одним из первых выпускников, оставленных на преподавательской работе. Успешно сочетал учебно-педагогическую и научно-исследовательскую деятельность. В 1977 г. по решению Ученого совета Омской высшей школы милиции МВД СССР лейтенант милиции Булатов Б. Б. был рекомендован на очное обучение в адъюнктуру Московской высшей школы милиции. 10 октября 1977 г. он был зачислен адъюнктом кафедры уголовного процесса этого вуза и успешно сдал все экзамены кандидатского минимума. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Вопросы эффективности мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и их применения органами предварительного расследования» [1].

С января 1981 г. по сентябрь 1985 г. Б. Б. Булатов работал в должностях старшего преподавателя, доцента кафедры уголовного права и процесса Тюменского факультета Омской высшей школы милиции МВД СССР. В 1985 г. он был переведен на службу в Пермь, где работал на разных должностях, руководил Пермским филиалом Юридического института МВД России. С 2004 по 2018 гг. возглавлял Омскую академию МВД, в настоящее время — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В 2004 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве» в Московском университете МВД России [2]. Как председатель диссертационного совета, где состоялась защита, я сразу определил колоссальное приращение научного знания, которое несла в себе его диссертация, что подтвердилось в ходе блистательной защиты единогласными результатами голосования за присуждение ученой степени доктора юридических наук, а также последующей востребованностью работ автора по теме диссертации.

Борис Борисович принадлежит к числу талантливых ученых, снискавших себе известность фундаментальными трудами в науке уголовного процесса. Основная сфера его научных изысканий — правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения, где он проявил себя как тонкий знаток многогранной реальной практики и великий гуманист.

Зная все на текущий момент о предмете своего исследования, Борис Борисович не мог не обратить внимания на его межпредметные связи. Результатом такого внимания стали весьма плодотворные исследования правовой природы и нормативно-правового регулирования задержания осужденного, неординарные выводы и перспективные рекомендации в данном направлении правоохранительной деятельности.

Вместе со своим научным наставником, известным советским и российским ученым профессором В. В. Николюком Борис Борисович обоснованно отмечает, что предусмотренное Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации задержание осужденных — это самостоятельный, существующий наряду с уголовно-процессуальным и административным (полицейским) вид задержания. По своей правовой природе оно является мерой принуждения уголовно-исполнительного характера, преследует цели пресечения уклонения осужденного от отбывания наказания и обеспечения его участия в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене назначенного наказания более строгим [3].

Анализ юридической литературы по теме исследования [4–12] свидетельствует о том, что не все признаки (характеристики) задержания осужденного являются очевидными, по некоторым существуют различные точки зрения. Среди таких признаков можно назвать нормативно-правовое регулирование задержания осужденного, его правовую природу, а также документальное оформление задержания осужденного.

В приведенной выше формулировке задержания осужденного [3] правильно подчеркнута самостоятельность задержания осужденных по отношению к иным предусмотренным видам задержания, в частности — уголовно-процессуальному, административному. Однако представляется не совсем точным ставить их в один ряд, указывать, что оно существует «наряду» с ними. В основе такого вывода — разность нормативного источника существования и различные организационно-правовые сферы применения. Предусматривая задержание осужденных, УИК РФ никак не регулирует уголовно-процессуальное либо административное задержание. К тому же задержание осужденного применяется в уголовно-исполнительной сфере, где не место для таких мер принуждения, как уголовно-процессуальное либо административное задержание. Первое применяется в сфере уголовного судопроизводства, второе — в сфере охраны общественного порядка или при производстве по делам об административных правонарушениях.

Как убеждают многочисленные исследования [5; 4; 6], при традиционном нормативистском подходе в современных процессуальных и кри-

миналистических исследованиях изученными в основном оказываются лишь те стороны изучаемого объекта, которые отражены в законе, например, применительно к задержанию подозреваемого — основания, процессуальное оформление, сроки и т. д. Многочисленные элементы этой деятельности, прямо в законе не отраженные, оказываются вне поля зрения ученых. Такой подход, и в этом следует согласиться с уважаемым профессором, не только обедняет теоретические направления изучения деятельности подразделений и сотрудников системы ФСИН России, но и лишает практических работников целостного представления обо всей процедуре предпринимаемых при этом действий. Многие элементы задержания, в частности не получившие отражения в законодательстве, оказываются менее исследованными. В результате остается не до конца решенной проблема построения обобщенной модели деятельности по задержанию осужденного, а также последовательного описания комплекса образующих ее действий, раскрытия современных приемов ее организации и тактики, как это сделано применительно к уголовно-процессуальному задержанию [5, с. 103–107; 10, с. 37–41].

В отличие от традиционного подхода, в качестве основы исследования в таких ситуациях обоснованно предлагается использовать анализ самой деятельности подразделений и сотрудников системы ФСИН России, а не ее законодательной модели или отраслевой принадлежности регулирующих норм. Задержание следует рассматривать как целостную динамическую систему, которая охватывает все действия, начиная с приглашения лица в служебное помещение, в случае оказания сопротивления — его захвата, доставления в служебное помещение, водворения в помещение изоляции и кончая разрешением вопроса о применении к задержанному мер этапирования.

Такой подход позволяет эффективно и убедительно раскрыть понятие задержания осужденного, типичные ситуации, возникающие при задержании, правовую природу деятельности по задержанию и многие другие вопросы.

К сказанному следует добавить, что более перспективным представляется определять правовую природу задержания осужденного как многослойную, а не как меру принуждения исключительно уголовно-исполнительного характера [3; 9]. В последнем случае правовая природа действия определяется на одном лишь факте главного источника нормативно-правового регулирования — что данная мера действительно предусмотрена в УИК РФ. Однако при этом игнорируются многослойность деятельности при задержании осужденного и тот факт, что составляющие

ее действия могут иметь различные источники нормативно-правового регулирования и протекать в различных реальных отношениях. Среди последних и оперативно-розыскные, и административные, и уголовно-процессуальные, и прокурорско-надзорные.

В целом привнесенное профессором Булатовым Б. Б. новое знание в сферу понимания и толкования правовой природы и нормативно-правового регулирования задержания осужденного существенно обогащает юридическую науку и открывает перспективные направления для изучения новых пластов нормативно-правовой реальности государственного принуждения в правоохранительной сфере.

Список источников

1. Булатов Б. Б. Вопросы эффективности мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и их применения органами предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980.

2. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

3. Булатов Б. Б. Задержание осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора (отбывания наказания) // Мудрый юрист. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/65183-zaderzhanie-osuzhdenного-zlostno-uklonyayushhegosya-ispolneniya-prigovora-otbyvaniya> (дата обращения: 21.11.2023).

4. Григорьев В. Н. Два подхода к исследованию деятельности подразделений и сотрудников системы ФСИН России (на примере задержания осужденного) // Университетские правовые диалоги : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., 30–31 марта 2023 г. : Ч. II / под ред. Е. В. Титовой. Челябинск, 2023.

5. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого : монография. М., 1999.

6. Григорьев В. Н. К вопросу об исследовании деятельности подразделений и сотрудников системы ФСИН России по задержанию осужденного // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Вып. 3. М., 2023.

7. Николюк В. В. К вопросу о задержании осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания // Международная ассоциация содействия правосудию. 28/09/2020. URL: <https://www.iauaj.net/node/2882> (дата обращения: 21.11.2023).

8. Омельин В. Н. О задержании лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, сотрудниками территориальных органов ФСИН России // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты : мат-лы междувуз. науч.-практ. конф., посвященной памяти Заслуженного деятеля науки РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. А. И. Зубкова и Дню российской науки. Рязань, 2018.

9. Пидусов Е. А. Задержание лица, заподозренного в совершении преступления, как система деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 1.

10. Трухин С. А. Задержание осужденного, который уклоняется от наказания: кому и как оформлять // Уголовный процесс. 2020. № 6.

11. Симоненко А. В. Задержание осужденных как правовое состояние // Уголовная юстиция : Russian Journal of Criminal Law. 2018. № 11.

12. Якубина Ю. П. Законодательное регулирование задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Вып. 3(29). URL: <https://readera.org/zakonodatelnoe-regulirovanie-zaderzhanija-osuzhdennyh-uklonjajushhihsja-ot-142198005> (дата обращения: 21.11.2023).

К. Б. Калиновский

Меры пресечения: роль психического и физического принуждения

Меры пресечения в качестве средства ограничения свободы обвиняемого, как известно, предусматривают применение принуждения, которое может быть психическим либо физическим [1]. Однако роль этих видов принуждения, как представляется, недооценивается в российской уголовно-процессуальной науке. Представим тезисы, демонстрирующие эту роль, и ее возможное развитие.

На наш взгляд, именно вид принуждения предпочтительно использовать в качестве основания для классификации мер пресечения и построения их системы. В настоящий момент в юридической литературе в качестве базовых, системообразующих господствуют иные классификации, например, применяемые как по судебному решению, так и без него. Если же классификация проводится по характеру принудительного воздействия, то наряду с психологическим и физическим выделяются административно-властное и имущественное [2, с. 54; 3]. Между тем последние две разновидности воздействия в любом случае сводятся к психологическому и физическому ограничению прав обвиняемого. Полагаем, что именно вид принуждения определяет иные значимые признаки рассматриваемых мер: степень строгости (последовательность изложения мер в ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), вид ограничиваемого права и, во многом, процедуру применения, включая необходимость судебного контроля.

Классификация мер пресечения по виду принуждения была обозначена еще в первом учебнике профессора М. А. Чельцова [4, с. 334, 335] и развернута нами с 2003 г. как системообразующая эти меры [5] в выдержавшем 8 изданий учебнике [6, с. 286–329]. На ее базе сегодня можно выделить три группы мер пресечения: физически-принудительные (заключение под стражу, домашний арест), психолого-принудительные (подписка о невыезде и надлежащем поведении; залог, примененный без возложения запретов определенных действий; поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым; и залог, вносимый третьим лицом) и смешанно-принудительные (запрет определенных действий и залог, сопряженный с возложением запретов).

Каждой группе присущи сходные признаки. Физически-принудительные меры сопряжены с изоляцией обвиняемого от общества, т. е. они физически ограничивают право на свободу и личную неприкосновенность, гарантированное ст. 22 Конституции РФ. По этой причине они избираются и применяются только судом в состязательной процедуре и на конкретный, специально установленный срок.

Психолого-принудительные ограничивают свободу обвиняемого психическим воздействием, возлагая на него (а иногда и третьих лиц) моральное обязательство надлежащего поведения. Эти меры не посягают на само ядро прав, гарантированных ст. 22 Конституции РФ, и обычно связаны с некоторыми условиями их осуществления, а также сопряжены с ограничением права, предусмотренного ч. 1 ст. 27 Конституции РФ, свободно передвигаться на территории Российской Федерации. Названные меры обычно не имеют собственных сроков и могут применяться без решения суда (установление законодателем срока залога, а также судебной процедуры применения как дополнительные гарантии не являлось обязательным и не меняет его юридической природы. Иное дело — обращение залога в доход государства, что допустимо лишь по решению суда). Их психологическая сущность — согласие заинтересованных лиц, а точнее, их обязательство надлежащего с процессуальной точки зрения поведения.

Смешанно-принудительные меры пресечения в значительных долях сочетают в своем содержании как психическое, так и физическое принуждение, а потому одновременно обладают признаками принудительных мер из обеих вышеуказанных групп. Выделение смешанно-принудительных мер было обусловлено введением законодателем запрета определенных действий как новой меры пресечения. Эта третья группа, на наш взгляд, не подрывает саму идею использования всего двух видов принуждения

как основания систематизации мер пресечения, а наоборот, делает классификацию мер пресечения логически завершенной.

Единство применяемого принуждения позволяет выявить и устранить необоснованные различия в правовом регулировании мер пресечения внутри одной группы. Так, Конституционный Суд РФ в постановлении от 6 декабря 2011 г. № 27-П признал неконституционным отсутствие специального срока домашнего ареста, исходя из необходимости регулирования мер пресечения, сопряженных с физическим принуждением, схожими между собою по своим сущностным характеристикам правилами.

Другим примером могут служить решения Конституционного Суда РФ, связанные с выявлением сущности залога. В постановлении от 17 июня 2021 г. № 29-П и определении от 28 ноября 2019 г. № 3270-О Суд касался случаев, когда необходимо было отменять залог по ходатайству обвиняемого или иного залогодателя. Если сущность залога состоит в том, что его цели обеспечиваются за счет взятых обвиняемым либо иным залогодателем обязательств под угрозой утраты заложенного имущества, то отказ от обязательств очевидно указывает на неэффективность этой меры и создает специальное основание для отмены залога или замены его другой мерой.

В этой связи верно отмечено, что право на ходатайство о применении залога является квинтэссенцией ч. 2 ст. 106 УПК РФ; закон от согласия обвиняемых на применение данного вида процессуального принуждения постепенно проделал путь до их реального субъективного права распорядиться своим имуществом [7].

В сравнении залога с поручительством, как представляется, в правовом регулировании сохраняются необоснованные различия. К личности залогодателя, не являющегося обвиняемым, подозреваемым, ст. 106 УПК РФ не предъявляет никаких требований, в то время как по смыслу ч. 1 ст. 103 УПК РФ поручителем может быть лишь лицо, заслуживающее общественного доверия и доверия у обвиняемого, подозреваемого. Очевидно, что психологическое принуждение не может обеспечить надлежащее поведение подследственного за счет влияния на него залогодателя, имеющего отрицательную социальную репутацию, но располагающего необходимой денежной суммой. Ведь цель залога не в том, чтобы пополнить казну в случае нарушения его условий, а в том, чтобы предотвратить такие нарушения.

В группе психолого-принудительных мер неоднозначно решен вопрос о получении согласия обвиняемого на избрание и применение некоторых из них. Многие юристы восприняли в штыки тезис о том, что

подписка о невыезде дается добровольно [8]. Однако Конституционный РФ многократно подтвердил, что отказ дать подписку препятствует применению этой меры (но может повлечь избрание другой) (определения от 26 января 2010 г. № 66-О-О, от 22 января 2014 г. № 27-О, от 23 июня 2015 г. № 1289-О от 20 декабря 2018 г. № 3401-О и др.).

Наконец, законодатель необоснованно исключил из содержания ряда психолого-принудительных мер базовые обязательства обвиняемого о надлежащем поведении: не покидать место жительства без соответствующего разрешения и иным путем не препятствовать производству по делу.

Список источников

1. Булатов Б. Б., Николюк В. В., Цоколова О. И. Меры пресечения в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие. М., 2005.

2. Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996.

3. Мельников В. Ю. Применение мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых // Российский судья. 2007. № 7.

4. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1948.

5. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб., 2003.

6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 8-е изд., перераб. М., 2023.

7. Булатов Б. Б., Еришов О. Г. О правовом регулировании и применении залога в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2012. № 7.

8. Лисицин Р. Д. Требуют ли нормы международного права согласия подозреваемого или обвиняемого на применение меры пресечения, не связанной с лишением свободы? // Адвокат. 2013. № 1.

Э. К. Кутуев

К вопросу разграничения прокурорского надзора и судебного контроля при применении мер пресечения

Данная статья посвящается уважаемому юбиляру, моему другу и единомышленнику в уголовном процессе в части института мер пресечения, профессору Булатову Борису Борисовичу

Вопрос разграничения и сочетания прокурорского надзора и судебного контроля является одним из широко обсуждаемых в теории уголовного процесса. Именно дополняя друг друга, данные формы контроля

и надзора призваны гарантировать законность и обоснованность уголовного судопроизводства. До начала 1990-х гг. на досудебных стадиях предпочтение отдавалось прокурорскому надзору, а также процессуальному контролю начальника следственного отдела, при практически полном отсутствии внимания к судебному контролю [1, с. 4–5].

Невозможно не согласиться с мнением некоторых исследователей, считающих прокурорский надзор и судебный контроль двумя взаимосвязанными формами процессуального контроля, которые осуществляются разными органами государственной власти и в разных организационно-правовых формах, но при этом эффективность осуществления их деятельности обусловлена их взаимосвязью и взаимозависимостью. Именно механизм судебного контроля эффективен при инициировании судебных дел прокуратурой и активном участии прокурора в судебном процессе, а результативность прокурорского надзора обусловлена результатами судебного рассмотрения дел [2, с. 16].

Однако существует разница, обусловленная различиями, заложенными в самих терминах «контроль» и «надзор». Так, надзор представляет собой постоянную деятельность субъекта, а контроль заключается в выполнении отдельных проверочных полномочий. Исходя из предписаний ч. 2 ст. 37 УПК России, можно утверждать непрерывность прокурорского надзора в процессе досудебного производства. В отношении судебного контроля закон устанавливает ограниченный перечень деятельности [1, с. 284–285].

Рассматривая разграничение понятий «прокурорского надзора» и «судебного контроля», согласимся, что несмотря на то что деятельность суда по реализации предоставленных законодателем контрольных полномочий влияет на законность принимаемых должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу, основных процессуальных решений, она не охватывает всей деятельности по расследованию преступлений и, соответственно, не может заменить прокурорского надзора. Прокурор, в отличие от суда, действует на всем протяжении досудебного производства, а прокурорский надзор, соответственно, имеет длительный характер, распространяется на все без исключения уголовные дела и не требует обязательной инициативы заинтересованных участников уголовного судопроизводства [3, с. 49].

Также необходимо подчеркнуть разницу судебного контроля и прокурорского надзора на досудебных стадиях, которая заключается в непрерывности прокурорского надзора, в отличие от судебного контроля, в ограниченности контрольных полномочий суда, инициатива поднадзорной деятельности прокурора не ограничена, в отличие от суда, который мо-

жет реализовать свои контрольные полномочия только при определенных обстоятельствах, оперативность прокурорского надзора обусловлена отсутствием многочисленных атрибутов, свойственных судебному контролю (гласности, состязательности сторон и пр.) [1, с. 15–16].

По поводу соотношения судебного контроля с правосудием существуют два противоположных мнения: а) судебный контроль в той или иной степени относится к правосудию и б) судебный контроль — это судебная деятельность, отличная от правосудия.

Ряд авторов отдают явное предпочтение либо судебному контролю, либо прокурорскому надзору.

Так, И. Л. Петрухин высказывает мнение о том, что большая загруженность, текучесть кадров, избирательность прокурорского надзора влияет негативно на осуществление данного вида деятельности и соответственно прокурорский надзор не в полной мере выполняет свое предназначение [4, с. 7]. А. С. Барабаш, в свою очередь, предлагает, напротив, расширить функции прокурорского надзора в рамках надзора за законностью и обоснованностью всех действий и решений органа предварительного расследования и устранения выявленных нарушений закона. Принятие этого решения делает независимым суд [5, с. 10].

Стоит подчеркнуть, что в последнее время увеличивается излишняя бюрократическая загруженность как прокуроров, так и руководителей следственных органов, что лишает смысла возвращение прокурорского надзора на прежние «рельсы», которое само по себе мало что даст и изменит без кардинального пересмотра самого надзора, в части исключения ненужных, формальных действий, которые навязываются сотрудникам прокуратуры их ведомственными требованиями. Прокурорский надзор, собственно говоря, как и ведомственный контроль, эффективен тогда, когда прокурор имеет достаточно времени для продуманной, неспешной и полной реализации своих полномочий. А так как в настоящее время прокурор сам не успевает с выполнением постоянно увеличивающихся задач, то оно в ряде случаев становится формальным. Прежней результативности прокурорского надзора можно не получить в силу перечисленных обстоятельств. Поэтому ведомственный контроль в ряде случаев может стать более эффективным при обеспечении прав, свобод и законных интересов обвиняемого при применении мер пресечения, поскольку он доступнее для следователя и оперативнее по сравнению с надзором, применительно к следственной деятельности.

Рассматривая прокурорский надзор в рамках применения мер пресечения, необходимо отметить, что в советском уголовном судопроиз-

водстве прокурор обладал значительными властными полномочиями, особенно в сфере применения мер пресечения. Именно он санкционировал постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлевал сроки содержания под стражу в досудебном производстве. Эти решения могли быть обжалованы только вышестоящему прокурору. Такое положение дел существовало до вступления в действие Закона Российской Федерации от 23 мая 1992 г. № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», в соответствии с которым УПК РСФСР был дополнен положениями о судебной проверке, проверке законности и обоснованности ареста и продления срока содержания обвиняемых под стражей.

Но особенно кардинальному изменению полномочия прокурора в части применения мер пресечения подверглись со вступлением в действие Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“».

Рассматриваемый Закон был принят в связи с созданием Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации (ныне Следственный комитет Российской Федерации) и с вытекающим отсюда значительным сужением процессуальных полномочий прокурора в пользу нового участника уголовного судопроизводства — руководителя следственного органа Следственного комитета Российской Федерации и стремлением разграничить надзорные и процессуальные функции в уголовном судопроизводстве, оставив прокурору присущие ему надзорные функции [6, с. 65].

Исследуя полномочия прокурора при применении мер пресечения, нельзя обойти вниманием вопрос о процессуальных функциях прокурора, в рамках которых эти полномочия реализуются.

Вопрос о процессуальных функциях прокурора в науке спорен. Так, В. А. Лазарева считает, что каждый субъект выполняет одну функцию, ту, которая соответствует его роли в уголовном процессе и определяет формы взаимодействия с другими субъектами; надзор прокурора за соблюдением законов в ходе предварительного расследования не является его функцией — такой процессуальной функции УПК России не предусматривает [7, с. 9]. Следовательно, прокурорский надзор в уголовном процессе следует рассматривать через анализ тех процессуальных функций, которые предусмотрены законом.

Стоит подчеркнуть, что прокурор, выступая в качестве участника уголовного судопроизводства, не утрачивает и не меняет свой правовой статус должностного лица, осуществляющего надзор за соблюдением

Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории России, включая предусмотренный в качестве отдельной отрасли прокурорского надзора надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, следует учитывать, что в судебных стадиях уголовного судопроизводства надзорная функция отсутствует как таковая. А вот если не будет функции уголовного преследования, не будет и самих судебных стадий, поскольку они возникают лишь при наличии такого юридического факта, как инициирование прокурором уголовного иска.

Вывод о том, что прокурор выполняет в ходе досудебного производства две функции — уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (что предусмотрено ч. 1 ст. 37 УПК РФ), имеет самое непосредственное отношение к вопросу об участии прокурора в применении мер пресечения. Но исходя из того, что уголовное преследование осуществляют и другие участники уголовного судопроизводства, а надзор — функция исключительно прокурорская, на этапах досудебного производства, связанных с ограничением прав участников уголовного судопроизводства, в частности обвиняемого, при применении мер пресечения, именно надзор выходит на первый план в числе функций, выполняемых прокурором. Это обуславливает наделение прокурора при применении мер пресечения полномочиями, призванными служить гарантией прав, свобод и законных интересов обвиняемого.

В современной уголовно-процессуальной литературе в отношении понятия судебного контроля в уголовном судопроизводстве, его соотношения с правосудием, видов, форм и других аспектов судебного контроля единого мнения не сложилось, чему в немалой степени способствует отсутствие определения в УПК РФ.

Несомненно, что прокурорский надзор и судебный контроль имеют равноправное значение в уголовном судопроизводстве, подменяют друг друга и не противопоставляются. Это два элемента гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов обвиняемого при применении в отношении него мер пресечения. В частности, самой строгой из них — заключения под стражу.

Список источников

1. Химичева О. В. Досудебное производство по уголовным делам: Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.

2. Чепурнова Н., Смольников С. Судебный контроль и прокурорский надзор // Законность. 2007. № 5.

3. Боташев Р. А., Хатуяева В. В. К вопросу о соотношении судебного контроля и иных форм контрольно-надзорной деятельности в досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 2.

4. Петрухин И. Л. Проблема судебной власти в современной России // Государство и право. 2000. № 8.

5. Барабаш А. С. Прокурорский надзор за предварительным следствием: возвращение к основам // Законность. 2011. № 4.

6. Колесников О. В. Становление института руководителя следственного органа в связи с вступлением в силу Федерального закона от 5 июля 2007 года и дальнейшее его развитие // Мир юридической науки. 2011. № 2.

7. Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.

К. В. Муравьев

Вопросы совершенствования системы мер пресечения в работах Б. Б. Булатова

31 января 2024 г. — 70-летний юбилей нашего Учителя — Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Бориса Борисовича Булатова. Творческий путь прекрасного педагога, руководителя, ученого весьма интересен, насыщен разнообразными событиями. При этом на протяжении долгих лет имя профессора ассоциируется с омской научной школой и темой уголовно-процессуального принуждения.

С 1971 г. Борис Борисович связывает свою жизнь с Омской высшей школой милиции МВД СССР. После ее окончания с отличием в 1975 г. он, один из лучших выпускников, остается работать преподавателем на кафедре уголовного процесса, куда возвращается и после завершения адъюнктуры Московской высшей школы милиции МВД СССР (1977–1980 гг.). В 1981 г. перспективный ученый получает приглашение продолжить служебную деятельность в Тюменском факультете ОВШМ, а в 1985 г. — в Пермском филиале Горьковской высшей школы милиции МВД СССР — ныне Нижегородской академии МВД России. Получив значительный опыт работы на преподавательских и руководящих долж-

ностях, в 2004 г. он вновь возвращается в г. Омск начальником Омской академии МВД России, здесь получает звание высшего начальствующего состава «генерал-майор милиции», ученое звание профессора, почетное звание Заслуженного юриста Российской Федерации.

Борис Борисович возглавлял Альма-матер более четырнадцати лет. Несмотря на ежедневную значительную занятость, связанную с решением разнообразных масштабных задач служебной деятельности образовательной организации, руководитель был открыт для подчиненных, всегда находил время для непосредственного общения с преподавателями академии и других вузов, которые приезжают для повышения квалификации или участия в научно-представительских мероприятиях. Борис Борисович относится с заботой и вниманием к своим коллегам. В повседневных буднях демонстрирует профессионализм и эрудицию, обладает прекрасным чувством юмора. В коллективе имеет непререкаемый авторитет, пользуется искренней любовью. Многие сотрудники академии с горечью восприняли его объявление о решении уйти в отставку. Однако позднее радостным для всего вуза, а особенно для коллектива кафедры уголовного процесса, стало известие о том, что он остается на должности профессора. И вот уже на протяжении пяти лет наш Учитель продолжает работу на родной кафедре.

Важной частью разносторонней жизни Б. Б. Булатова была и остается уголовно-процессуальная наука. Интересы ученого охватывают широкий спектр фундаментальных и прикладных проблем, стержнем же научного интереса, главной темой исследований являются вопросы государственного принуждения в уголовном судопроизводстве.

В 1980 г. он защищает диссертацию кандидата юридических наук [1] (под руководством известного ученого — Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. А. Чувилева). Одним из интересных решений в диссертации стало предложение о включении в перечень, установленный ст. 89 УПК РСФСР, «промежуточной» меры пресечения — «надзор милиции за поведением обвиняемого (подозреваемого)». Реализация данного предложения должна была привести к сокращению числа лиц, подвергаемых досудебному аресту, и расширению практики применения мер, не связанных с лишением свободы. По мнению ученого, «поднадзорному» следовало бы запретить покидать место жительства, от него требовалась явка в определенное время или по вызову в правоохранительные органы. Надзор должен был возлагаться на должностных лиц, функциональные обязанности которых предполагают систематический обход закрепленной территории (участковых, инспекторов по делам несовершеннолетних). При постоянном наблюдении

за поведением обвиняемого (подозреваемого) предотвращалось бы нежелательное поведение обвиняемого (прежде всего, побег). В то же время «подследственный» не лишался бы свободы, сохранял возможность трудиться на прежнем месте и быть в кругу семьи. Предлагаемая в начале 1980 гг. ученым Б. Б. Булатовым мера пресечения «надзор милиции» виделась более эффективной, чем, например, предусмотренный Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РСФСР 1923 г. домашний арест, связанный со значительными материальными и организационными издержками [2, с. 60–61].

В 2003 г. Борис Борисович защищает диссертацию «Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве» [3] (научный консультант — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор В. В. Николюк). Его монографическое исследование является одним из первых подготовленных в условиях действия УПК РФ. В диссертации среди многих важных вопросов рассмотрены теоретико-правовые, организационные и прикладные проблемы применения мер пресечения, в том числе и возрожденного домашнего ареста. При этом Б. Б. Булатов констатирует, что в «новом» законе отсутствуют полнота и четкость регламентации содержания данной меры обеспечения. Судя по назначению домашнего ареста, все ограничения и запреты, сопровождающие ее применение, должны «привязываться» к месту жительства обвиняемого (подозреваемого), являющегося одновременно и местом его относительной изоляции от общества. Совершенно не проработан, практически не создан механизм фактического применения домашнего ареста, объективно нельзя обеспечить охрану находящихся под домашним арестом обвиняемых (подозреваемых). В отношении них в лучшем случае может быть организован надзор со стороны участковых уполномоченных милиции. Недостатками правового регулирования являются также невозможность применения мер ответственности в виде денежного взыскания за нарушение установленных судом ограничений, неурегулированность порядка контроля и надзора за выполнением запретов [4, с. 95–109].

Призыв ученого-специалиста в области принуждения «услышан» законодателем. Несколько раз (в 2011, 2013, 2016 и 2018 гг.) в ст. 107 УПК РФ, регламентирующую домашний арест, вносятся значимые изменения, связанные с его совершенствованием. В настоящий момент подробнейшим образом регламентированы порядок применения данной меры, в том числе исчисление срока, определены условия ее исполнения, субъекты и формы контроля за исполнением (в том числе с возможностью при-

менения к арестованному аудиовизуальных, электронных и иных технических средств). Вместе с тем, несмотря на предпринятые усилия, домашний арест так и не стал реальной альтернативой заключению под стражу. Более того, существовавшая возможность применения домашнего ареста без запрета выхода за пределы жилого помещения, а также исчисление его срока и зачет в срок наказания по правилам заключения под стражу без учета примененных при этом ограничений вступали в противоречие с принципом справедливости. В этой связи следует признать оправданным появление в апреле 2018 г. новой меры пресечения — запрет определенных действий (п. 4¹ ст. 98, ст. 105¹ УПК РФ).

Следует учитывать, что Б. Б. Булатов на доктринальном уровне оказал важное влияние на расширение системы мер пресечения посредством введения «запретов». Именно под его научным руководством защищена кандидатская диссертация, содержащая указанные предложения [5].

Важно обратить внимание, что на протяжении многих лет Б. Б. Булатов наставляет молодых адъюнктов, а также докторантов, при этом предоставляет соискателям значительную самостоятельность в реализации собственных идей. Многие кандидатские диссертации, разрабатываемые под его руководством, проводятся в русле развития научных идей наставника, посвящены вопросам повышения эффективности процессуального принуждения [6]. В работах докторантов, которых консультирует Борис Борисович, также не обходится без разделов, в которых исследуются соответствующие проблемы [7, с. 188–270; 8, с. 65–82, 321–405]. Большим подспорьем для соискателей является возможность защиты диссертации в «родном» диссертационном совете. Талантливый ученый и организатор Б. Б. Булатов уже два десятилетия умело возглавляет диссертационные советы, которые создаются на базе Омской академии МВД России.

Заслуженный юрист Российской Федерации Б. Б. Булатов является соавтором ряда Комментариев к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [9], учебников, учебных пособий и курсов лекций. В числе научных изданий под его редакцией в 2008 г. вышел в свет академический курс по дисциплине «Уголовный процесс» [10]. В последующем данный учебник, рекомендованный Учебно-методическим отделом высшего образования, неоднократно переиздавался в издательстве «Юрайт». Профессор скрупулезен и взыскателен при руководстве авторскими научными коллективами и при проведении собственных изысканий.

Борис Борисович продолжает написание научных статей. Одну из них мне посчастливилось написать в соавторстве со своим научным консультантом [11]. При рассуждении о динамике развития и перспективах

совершенствования системы мер пресечения в УПК РФ мы обратили внимание на специфику «новой» меры пресечения. В соответствии с ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ суд с учетом фактических обстоятельств дела и данных о личности подозреваемого, обвиняемого может возложить один или несколько запретов определенных действий. Различного рода запреты в этом случае применяются автономно, могут выступать содержанием самостоятельной меры пресечения. С другой стороны, обязанность по соблюдению одного или нескольких запретов может возлагаться на подозреваемого, обвиняемого при избрании залога или домашнего ареста (ч. 1¹ ст. 97 УПК РФ). В этом случае запреты являются дополнением к основным мерам, которые ограничивают право собственности или изолируют лицо от общества в жилом помещении.

Нами поставлена под сомнение правильность существующего законодательного вектора, при котором расширяются ограничения и запреты, возлагаемые на подозреваемого, обвиняемого для обеспечения нормального хода производства по делу, но при этом не допускается синхронное применение нескольких мер пресечения. Следует учитывать в основном позитивные оценки относительно возможности комбинирования нескольких мер пресечения, содержащиеся в юридической литературе [12, с. 19; 13, с. 84–91; 14, с. 20]. Одновременное применение нескольких мер допускается в большинстве зарубежных стран. Вместе с тем российская модель не допускает параллельное избрание двух и более мер уголовно-процессуального воздействия (ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

Правоприменителю весьма сложно выполнить требование об экономии процессуального принуждения, в соответствии с которым более строгая мера пресечения может избираться только после обсуждения возможности применения более мягкой меры (ч. 1 ст. 105¹, ч. 1 ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Четкое ранжирование принудительных мер в настоящий момент отсутствует: хотя они и названы в законе в определенной последовательности (ст. 98 УПК РФ), это еще не свидетельствует о большей строгости одних мер пресечения по отношению к другим. Так, предусмотренный п. 1 ч. 1 ст. 105¹ УПК РФ запрет оставлять в определенные периоды времени пределы жилого помещения связан с ограничением конституционного права на свободу. При этом следующий в списке — залог, также избираемый по решению суда, не ограничивает данного права и, по сути, является лишь финансовым способом обеспечения обязательства подозреваемого, обвиняемого о явке в компетентные органы, недопущении совершения новых преступлений и действий, препятствующих производству по уголовному делу (ч. 1 ст. 106 УПК РФ). Следовательно, строгость залога по отношению к иным мерам пресечения весьма условна.

Таким образом, действующая в УПК РФ модель допускает возложение на преследуемое лицо совокупности ограничений, определенных применительно к конкретному способу их обеспечения. Выбор оптимальной меры воздействия требует оценки и эффективности ограничений, которые являются содержанием меры пресечения, и результативности способа их обеспечения. Это непродуктивно. Оптимальным может стать вариант, при котором лицо, ведущее производство, будет самостоятельно выбирать ограничения (запреты, обязательства), составляющие содержание принудительного воздействия, и способы их обеспечения. Иначе говоря, система мер пресечения должна включать два автономных элемента. Первый — это ограничения и обязательства (лишение физической свободы, ограничение выезда из государства, из населенного пункта без разрешения органа, ведущего судопроизводство, изъятие паспорта и других документов, воздержание от общения с определенными лицами и др.). Второй — это способы обеспечения исполнения ограничений и соблюдения обязательств: личное обязательство (подписка), поручительство иных лиц, денежное обеспечение (залог), контроль со стороны органов власти.

От ограничений и обязательств, выступающих содержанием принуждения, важно отличать процессуальные обязанности подозреваемого, обвиняемого (не препятствовать производству по делу, являться в органы расследования и в суд по первому требованию и т. д.). Их следует прямо закрепить в законе при регламентации правового статуса участников. Доказательства, подтверждающие невыполнение (вероятность неисполнения) данных обязанностей, будут становиться процессуальным основанием для применения принудительных мер.

Анализ творческого пути и научных публикаций Б. Б. Булатова о совершенствовании системы мер пресечения не является исчерпывающим, невозможно описать масштабность и глубину предложений юбиляра по обозначенной теме в силу ограниченного объема статьи. Вместе с тем следует заключить, что публикации Заслуженного юриста Российской Федерации Б. Б. Булатова весьма полезны как начинающим, так и снискавшим авторитет ученым, а также процессуалистам-правоприменителям. Хочется пожелать Учителю здоровья на долгие лета и смысленных, дерзающих учеников, надежных соратников, а также новых идей и их успешной реализации!

Список источников

1. Булатов Б. Б. Вопросы эффективности мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и их применения органами предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980.

2. Булатов Б. Б. Эффективность мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей. Омск, 1984.
3. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003.
4. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
5. Воронов Д. А. Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008.
6. Баландюк О. В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.
7. Дежнев А. С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013.
8. Муравьев К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017.
9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. М., 2004.
10. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М., 2008.
11. Булатов Б. Б., Муравьев К. В. Институт мер пресечения в УПК РФ: динамика развития и перспективы совершенствования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.
12. Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.
13. Диваев А. Б. Меры пресечения в уголовном процессе: теоретические основы : монография. Новокузнецк, 2020.
14. Рудич В. В. Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020.

В. В. Николук

Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права

Вступительная часть. Решение теоретических проблем отраслевого образования предполагает обращение к такому элементу системы права, как «подотрасль права». В отличие от категорий «институт права» и «отрасль права», ставших обязательным атрибутом исследований системных

аспектов права, о «подотрасли права» даже не всегда упоминают в ходе ведущихся дискуссий по указанной тематике. Объяснение этому можно найти в том, что, во-первых, подотрасли права отводится, как правило, промежуточное положение в структуре отрасли права, и во-вторых, не всегда происходит реальное объединение правовых институтов в такое структурное подразделение права, как подотрасль (С. А. Айвазян). Однако существует и точка зрения, согласно которой подотрасль права не является промежуточным нормативным образованием между отраслью права и правовым институтом. Ей свойственны признаки самостоятельного предметно-функционального системного явления, соотносимого с отраслью права (С. А. Белоусов).

Научные представления о подотрасли права. Анализ соответствующих литературных источников позволяет сформировать минимальный набор критериев, с помощью которых правовое образование можно идентифицировать как подотрасль. Степень же научной разработанности проблемы «подотрасль права» в проекции на некоторые отрасли права (например, уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право), может быть охарактеризована как «незначительная». Между тем в юридической практике соответствующие нормативные общности признаются самостоятельными не только на уровне нормативного материала, но и на доктринальном уровне (А. В. Денисова), что делает суперактуальным качественное научное сопровождение данных процессов.

Категория «подотрасль права» становится актуальной и активизируется тогда, когда в определенной отрасли права происходит объединение нескольких родственных институтов одной и той же отрасли права. Подчеркивается при этом, что в составе подотрасли присутствуют, как правило, общий институт, группа институтов, законодательно выделенные общие положения или нормы-принципы для институтов либо ассоциация общих норм (С. С. Алексеев, В. В. Лазарев).

Связующее звено, способствующее объединению в подотрасли правовых институтов, — предмет правового регулирования, детерминируемый совокупностью однородных общественных отношений (С. А. Айвазян). В литературе в этой части дополнительно отмечается, что характерным для подотрасли общественным отношениям должны быть свойственны «высокая степень специализации и дифференциации входящих в ее состав правовых институтов» (А. В. Минбалева).

В качестве рабочего автором настоящей статьи используется следующее определение подотрасли права, отражающее сразу несколько подхо-

дов (С. С. Алексеев, О. С. Иоффе, Н. С. Нерсисянц, М. С. Жук, В. В. Бабу-рин, А. В. Минбалева, С. А. Айвазян, Е. А. Белоусов) к выделению этапов отраслеобразования: *подотрасль права представляет собой объединение нескольких специализированных предметно взаимосвязанных институ-тов в рамках одной отрасли права с формулированием законодателем для них общих положений (принципов), с помощью которых обеспечивается полное регулирование однородных общественных отношений.*

Процесс формирования новой подотрасли в основной отрасли пра-ва связан, по общему правилу, с моментом обретения внутри нее соот-ветствующей нормативной общностью статуса принципиально нового специального института. Для подотрасли права характерен понятийный аппарат, указывающий на специфику и юридическое своеобразие данной нормативной общности.

В практическом аспекте полезность оперирования таким структур-ным элементом системы права, как подотрасль, усматривается в том, что ее выделение «обнажает» несогласованности и противоречия как в системе права в целом, так и в структуре отрасли права, способствует их устране-нию. Подотрасли права катализируют процессы развития национального права, продуцируют новые правовые отрасли, а законодатель оттачивает юридическую технику, служащую инструментом распределения и органи-зации нормативного материала в рамках конкретной отрасли.

Институты уголовно-процессуального права. Итог исследований, проведенных во второй половине предыдущего столетия специалистами в области общей теории права, гражданского права и некоторых иных пра-вовых отраслей, — разработка консолидированного понятия правового ин-ститута, отвечающего ряду объективных критериев или признаков.

В обобщенном виде правовой институт определялся как основанная на законе совокупность норм, призванных регулировать в рамках предме-та данной отрасли права определенное, обладающее относительной само-стоятельностью общественное отношение. В качестве характерных право-вому институту признаков выделены: материальный признак, т. е. наличие относительно самостоятельного по своему содержанию общественного отношения; юридический признак или совокупность норм, закрепленных в законе; образующие правовой институт нормы, которые представляют систему взаимосвязанных, «сцементированных» правил, обеспечивающих достижение желаемого результата (Л. И. Дембо, С. Н. Братусь, В. С. Яку-шев, В. С. Алексеев, Ю. К. Осипов, Е. А. Киримова).

В теории уголовного процесса понятие «институт» относится к числу одного из самых употребляемых. Крайне редко можно встретить научную

публикацию, в тексте, а часто и в названии которой не фигурировал бы термин «институт», причем в самых разных значениях. Защищены десятки диссертаций, в формулировках тем которых есть термин «институт».

Учеными разработана система положений о понятии, признаках и видах уголовно-процессуальных институтов, их составе и структуре, соотношении с общими категориями теории уголовного процесса (Н. В. Лантух).

На полноценный уголовно-процессуальный институт указывают, во-первых, компактная совокупность норм права, обеспечивающих цельное, самостоятельное регулирование определенной группы взаимосвязанных общественных отношений; во-вторых, институциональные нормы воплощают в своем содержании особую юридическую конструкцию, некоторые общие положения, принципы и внешне, как правило, обособляются внутри нормативного акта в виде особой главы или иной рубрики; в-третьих, уголовно-процессуальные институты, выполняя регулятивную функцию и будучи строго предметными, соответствующими строго определенной разновидности уголовно-процессуальных отношений, должны наполняться конкретными юридическими предписаниями; в-четвертых, они образуются нормами, относящимися только к отрасли уголовно-процессуального права.

В связи с разработкой концепции конвергенции уголовно-процессуального права с арбитражным процессуальным, гражданским процессуальным и административным процессуальным правом (А. Р. Шарипова) в теории уголовного процесса предложены понятие и классификация процессуальных институтов в зависимости от их потенциала к межотраслевому сближению. На основе данного критерия выделяются универсальные (не должны иметь необоснованных межотраслевых различий сущностного характера, например, институт отводов), аналогичные (различия в нормативно-правовом их закреплении должны обуславливаться отраслевой спецификой, например, институт участников судопроизводства) и уникальные (есть только в одном виде процесса, например, возвращение уголовного дела прокурору) институты.

Подотрасли уголовно-процессуального права. Получив общетеоретические представления о механизме формирования подотрасли права, обратимся к уголовно-процессуальному праву и попытаемся выяснить, насколько актуальна для науки уголовного процесса проблема образования подотраслей уголовно-процессуального права, как «далеко она шагнула» в этом сегменте, какой нормативный массив в УПК РФ может претендовать на статус подотрасли права.

Стройной теории данного вопроса не существует, в отличие, как это было показано, от доктрины уголовно-процессуальных институтов. Подобная ситуация нами воспринимается как неестественная, если принять во внимание никем не оспариваемый вывод о наличии тесных, генетических связей между указанными элементами отрасли права, включая уголовно-процессуальное право.

Существует несколько самостоятельных теоретических позиций, на платформе которых с различной степенью аргументированности обсуждаются проблемы образования подотраслей уголовно-процессуального права. В текущий момент учеными-процессуалистами рассматриваются как самостоятельная подотрасль уголовно-процессуального права следующие правовые образования:

1) доказательственное право (Л. Б. Алексеева, К. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд, А. Ю. Афанасьев и др.);

2) совокупность норм, регулирующих предварительное расследование (Л. Б. Алексеева, Н. В. Лантух);

3) нормативный массив, охватывающий судебное разбирательство (Л. Б. Алексеева, Н. В. Лантух);

4) совокупность институтов, образующих содержание уголовного преследования (З. Д. Еникеев, Р. В. Мазюк);

5) пересмотр судебных решений (Т. Г. Бородинова);

6) нормы права, вошедшие в состав различных институтов уголовно-процессуального принуждения (С. И. Вершинина).

В основе каждой из названных точек зрения лежит ассоциация норм права, образующих автономные правовые институты, взаимосвязанные между собой предметным признаком (родственные общественные отношения). С учетом заявленной в названии статьи тематики исследования изложим свои соображения по вопросу обоснованности выделения в уголовно-процессуальном праве подотрасли, которая объединяет всю систему мер процессуального принуждения в виде конкретных процессуальных институтов.

Совокупность норм УПК РФ, регулирующих уголовно-процессуальное принуждение, как подотрасль уголовно-процессуального права.

Позиционирование уголовно-процессуального принуждения как правового института не укладывается в общепринятые представления о нем как о группе норм, объединенных для достижения общей цели путем регулирования определенного участка схожих общественных отношений. При таком подходе институт уголовно-процессуального принуждения оказывается перегруженным, будет включать ряд других

процессуальных институтов: задержания, мер пресечения и иных принудительных мер, каждая из которых сама по себе может квалифицироваться как отдельный процессуальный институт. Таким образом, утверждает С. И. Вершинина, в результате объединения норм и институтов, специализирующихся в сфере принуждения, они приобретают юридическую форму «института институтов» или подотрасли права [1, с. 87].

Придерживаясь в целом приведенной точки зрения, приведем собственные доводы в ее обоснование.

Юридическая наука исходит из того, что подотрасль права прежде всего представляет собой **объединение нескольких специализированных, предметно взаимосвязанных институтов в рамках одной отрасли права**. На первый взгляд, данный признак безоговорочно проявляет себя в конструкции уголовно-процессуального принуждения как подотрасли. Какие же уголовно-процессуальные институты входят в состав подотрасли? Данный вопрос носит принципиальный характер, поскольку именно институты формируют содержание и границы исследуемой подотрасли. При характеристике последней С. И. Вершинина ограничивается скромным списком институтов принуждения (в него вошли институты задержания подозреваемого, денежное взыскание, отдельные меры пресечения, в целом институт мер пресечения), оставляя его открытым.

Для более детального рассмотрения содержания уголовно-процессуального принуждения как подотрасли уголовно-процессуального права необходимо провести «подсчет» всех видов институтов принуждения, определить место и миссию «нейтральных», общих нормативных предписаний, дифференцировать институты в контексте их классификации, с акцентом на простые и сложные институты.

Так, С. И. Вершинина внутри обсуждаемой подотрасли видит институты отдельных мер пресечения и в целом институт мер пресечения, а среди иных мер процессуального принуждения указывает в качестве примера денежное взыскание. Но что означает применительно к процессуальным институтам выражение «в целом институт мер пресечения», если отдельно выделяются еще и институты каждой меры пресечения?

Надлежит отдельно остановиться и на другом признаке подотрасли — **формулирование законодателем общих положений или принципов, содействующих наиболее полному регулированию однородных общественных отношений**. В обсуждаемой концепции подотрасли уголовно-процессуального принуждения этот аспект не обозначен и не раскрыт.

Под общими положениями применительно к подотрасли «уголовно-процессуальное принуждение» нами подразумеваются закрепленные

в УПК РФ и других законах, вытекающие из принципов уголовного процесса и находящиеся в гармонии с ними, единые требования, которые предъявляются к каждому процессуальному решению применить любые принудительные меры по отношению ко всем участникам уголовного судопроизводства и лицам, таковыми не являющимся (третьим лицам), на различных стадиях процесса (его производства).

Очевидно, что правовое образование в виде подотрасли уголовно-процессуального права должно опираться на необходимую и достаточную совокупность (систему) требований к применению процессуальных принудительных мер, органично дополняющих друг друга, однако сохраняя собственное содержание. Данную систему наполняют следующие требования: осуществление уголовно-процессуального производства в соответствии с законными поводом и основанием; обоснованное вовлечение лица в уголовное судопроизводство; достаточные основания полагать совершение действий, препятствующих уголовному судопроизводству; соразмерность процессуального принуждения потенциальной мере ответственности; компетентность субъекта на применение меры процессуального принуждения и участие суда в случаях необходимости применения меры принуждения, существенно ограничивающей конституционные права личности.

Будучи прямо закрепленными в законе либо вытекающими из него, общие требования к применению мер процессуального принуждения в перспективе должны получить нормативное обособление в отдельных статьях УПК РФ.

Специфику и юридическое своеобразие подотрасли права подчеркивает характерный для нее **понятийный аппарат**. Часть терминов, выражающих специфику уголовно-процессуального принуждения как подотрасли, закреплены в ст. 5 УПК РФ (п. 11 — задержание подозреваемого; п. 13 — избрание меры пресечения; п. 15 — момент фактического задержания; п. 29 — применение меры пресечения; п. 47 — содержание под стражей). Этого недостаточно для чрезвычайно насыщенной специальными понятиями и терминами правового образования «уголовно-процессуальное принуждение».

Представляется целесообразным дать законодательное определение центральному, «осевому» для рассматриваемой подотрасли уголовно-процессуального права термину «меры процессуального принуждения». Крайне желательно и описание в законе понятия и видов иных мер процессуального принуждения, не указанных в разделе IV УПК РФ.

Итак, постановка вопроса о восприятии совокупности норм УПК РФ, регулирующих все меры процессуального принуждения в уго-

ловном судопроизводстве, в качестве автономной подотрасли уголовно-процессуального права, обоснованна и своевременна. В уголовно-процессуальной теории и уголовно-процессуальном законодательстве накопились достаточные знания и нормативные массивы, объективно обусловившие диалектический скачок в развитии отрасли уголовно-процессуального права.

Обсуждение и конкретизация идеи выделения уголовно-процессуального принуждения в качестве подотрасли уголовно-процессуального права позволит поставить и разрешить ряд теоретических проблем, производных от отчетливо выраженного принудительного характера уголовного судопроизводства. При такой траектории развития доктрины неизбежны точечные исследования всей системы уголовно-процессуальных институтов принуждения (действительных и лжеинститутов) как элементов, образующих подотрасль «уголовно-процессуальное принуждение». Это означает, что следует ожидать и новых оригинальных научных разработок, потребность в которых возрастает в условиях резкого увеличения в последние годы доли тяжкой и особо тяжкой преступности (примерно до 40%, Н. А. Лопашенко), эффективно противодействовать которой невозможно посредством «мягкого», «лояльного» к ней уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. *Вершинина С. И.* Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения : монография. М., 2017.

А. В. Павлов, С. В. Матюшенко

Эффективность мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей (теоретические подходы Б. Б. Булатова)

Одним из направлений совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения является сокращение случаев применения меры пресечения в виде заключения под стражу. В юридической литературе данной проблеме посвящено значительное количество научных работ [1, с. 14–19; 2, с. 140–153; 3, с. 158–165; 4, с. 26–29; и др.]. Однако это не означает, что указанный вопрос не интересовал ученых в период действия УПК РСФСР. Так, еще в 1984 г. Б. Б. Булатов обращался к изменениям, внесенным в законодательство. В частности, речь шла об Указе Президиума Верховного Совета СССР от

8 февраля 1977 г., согласно которому арест может применяться лишь по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более одного года [5, с. 4]. Курс на ограничение применения заключения под стражу в качестве меры пресечения нашел выражение и в других изменениях, внесенных в действующее тогда законодательство. Эти меры привели к некоторому сокращению доли арестов на предварительном расследовании.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что данная проблема сохранила свою актуальность. По-прежнему при решении вопроса о мере пресечения преобладают две крайности: избирается наиболее строгая или наиболее мягкая мера пресечения (заключение под стражу или подписка о невыезде и надлежащем поведении). Этот подход не способствует индивидуализации принудительного потенциала, не позволяет в полной мере принимать во внимание сведения об обстоятельствах совершенного преступления и личности обвиняемого. Современная система мер процессуального принуждения, как верно отмечает К. В. Муравьев, не отвечает требованиям эффективности и рациональности [6, с. 201].

Увеличение количества обвиняемых на свободе, избрание иных, кроме заключения под стражу мер пресечения, чревато ростом числа случаев уклонения их от органов предварительного расследования. В этой связи следует согласиться с позицией ученого, согласно которой сужение пределов применения меры пресечения в виде заключения под стражу, следует сопровождать одновременной оптимизацией иных мер пресечения. Решение этой задачи связано с определением направлений повышения эффективности данной группы мер пресечения [7, с. 2].

Б. Б. Булатов, характеризуя эффективность мер пресечения, обращает внимание на три их аспекта: первый — эффективность самого ограничения свободы (сущность принуждения, его характер); второй — эффективность правового регулирования оснований и порядка избрания; третий — эффективность деятельности по применению мер пресечения [5, с. 17–18]. Экстраполируем выделенные признаки на современное правовое регулирование и практику применения мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей.

Прежде всего следует обратить внимание на эффективность самих ограничений свободы, определяющих сущность принуждения и его характер. Система мер пресечения и определяется системой возможных запретов, они могут быть связаны с конкретными ограничениями прав (право на свободу; право на общение, в том числе при помощи средств

связи; право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им и др.). Тем не менее, не все меры пресечения связаны с непосредственными запретами. Так, если подписка о невыезде и надлежащем поведении ограничивает свободу передвижения, то такие меры пресечения, как личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым не связаны с непосредственным ограничением прав.

Предполагается, что в этих случаях принимаются меры для обеспечения надлежащего поведения лишь в случае недостаточности психологического воздействия, которые выражаются в возможности избрания более строгой меры пресечения [5, с. 8]. Содержание данных мер пресечения будет заключаться в психологическом воздействии на подозреваемого (обвиняемого) ответственных лиц (поручители, родители, командование воинской части). Но в отсутствие запретов ставится под сомнение эффективность обеспечения такими мерами пресечения надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого). Возможно, в том числе этим объясняется не столь активное их применение в практической деятельности.

Кроме того, возникают трудности с осуществлением контроля со стороны органов предварительного расследования за выполнением данными лицами взятых на себя обязательств. В этой ситуации следует предусмотреть определенные ограничения и запреты в отношении преследуемых лиц, контроль за соблюдением которых возложить на уполномоченных лиц. Не исключено, что законодатель исходил из этих предпосылок, предусматривая как введение самостоятельной меры пресечения в виде запрета определенных действий, так и включение запретов в иные меры пресечения (домашний арест, залог). Наличие запретов и обеспечивает возможность достижения целей, ради которых применяются меры пресечения.

В этой связи можно высказать предположение о необходимости введения иных запретов. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 15 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» право гражданина на выезд из Российской Федерации может быть временно ограничено в случаях, если он в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством является подозреваемым либо привлечен в качестве обвиняемого, — до вынесения решения по делу или вступления в законную силу приговора суда. В свою очередь в п. 15 межведомственного приказа предусмотрено, что при выявлении наличия у подозреваемого (обвиняемого), в отношении которого избран мера пресечения в виде запрета определенных действий, домашнего ареста или залога, документа, в соответствии с которым граждане осущест-

вляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию, Инспекция направляет сообщение в государственный орган, уполномоченный изымать паспорт, а также в государственный орган, в производстве которого находится уголовное дело, или в территориальный орган МВД России по месту исполнения меры пресечения¹.

Далее обратимся к вопросам эффективности правового регулирования мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей. Принуждение должно быть направлено на достижение положительных изменений в поведении обвиняемого, с тем чтобы исключить его ненадлежащее поведение. Оно зависит от эффективности правового регулирования оснований и порядка избрания и применения мер пресечения. Интересны рассуждения автора относительно оснований избрания мер пресечения, они имеют теоретическое и практическое значение. Во-первых, отмечается, что вывод следователя о возможности противоправного поведения должен быть обоснован и опираться на имеющиеся в деле доказательства (ставится под сомнение использование в этих целях результатов ОРД). Во-вторых, при определении содержания оснований автор не ограничивается кругом обстоятельств, предусмотренных в ст. 97 УПК РФ, а включает и обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, указанные в ст. 99 УПК РФ. Кроме того, в структуру оснований, по мнению автора, должно входить наличие данных, достаточных для подозрения в совершении преступления. Системный подход к определению оснований позволяет не только своевременно решить вопрос о необходимости избрания меры пресечения, но и сделать оптимальный выбор из перечня, предусмотренного в ст. 98 УПК РФ. Оценка трех групп фактических данных способствует более точному определению степени вероятности неправомерного поведения и соответственно позволяет правильно определить вид ограничения. Небольшая степень вероятности наступления последствий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, позволяет предупредить их с помощью мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей.

Характеризуя правовое регулирование порядка избрания меры пресечения, следует выделить два его этапа: избрание (п. 13 ч. 1 ст. 5 УПК РФ)

¹ Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог : приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31 августа 2020 г. Здесь и далее в сборнике, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и применение (п. 29 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). Правовое регулирование процессуального порядка, по мнению Б. Б. Булатова, должно отвечать следующим требованиям: 1) простота, понятность, поскольку сложная процедура применения мер принуждения является фактором, оказывающим на правоприменителя сдерживающее влияние. Простая регламентация не должна приводить к нарушениям законности, идти вразрез с существующими процессуальными гарантиями; 2) не должно отнимать много времени у следователя. В условиях его загруженности следователь отдает предпочтение той мере пресечения, порядок избрания которой проще и требует незначительного количества необходимого для этого времени [5, с. 20–21]. Вместе с тем следует заметить, что законодатель взял за основу совершенствование мер пресечения, которые требуют получения судебного решения. В условиях ограниченного времени, а также учитывая, что на получение разрешения суда потребуются значительные усилия, следователь по-прежнему ограничивается, как правило, выбором между двумя мерами пресечения. Представляется, что имеются возможности для оптимизации мер процессуального принуждения, которые принимаются на основании постановления следователя.

Относительно эффективности правового регулирования применения мер пресечения следует обратиться к п. 29 ст. 5 УПК РФ. Под применением мер пресечения понимаются процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения. Обратим внимание на то, что в указанной норме речь идет именно о процессуальных действиях. Тем не менее, в УПК РФ в этой части указывается лишь на необходимость вручения копии постановления об избрании меры пресечения и разъяснения порядка обжалования данного решения, что свидетельствует о фрагментарности регулирования данной процедуры. Нам представляется, что в ст. 101 УПК РФ необходимо возложить на следователя обязанность по разъяснению сущности применяемой меры пресечения, порядка выполнения предусмотренных в законе запретов, а также последствий их нарушения.

Заключительный аспект обусловлен эффективностью деятельности по применению мер пресечения. Меры по предупреждению уклонения лиц от органов предварительного расследования, исполнения определенных обязанностей должны состоять в проведении определенных мероприятий и проводиться службами и подразделениями органов внутренних дел с использованием имеющихся в их распоряжении сил и средств на всех этапах деятельности по раскрытию и расследованию преступлений [8, с. 62–63]. Неэффективность реализации данного этапа использо-

вания государственного принуждения в определенной мере объясняется недостатками правового регулирования применения отдельных мер пресечения. Так, к числу наиболее часто применяемых мер пресечения с уверенностью можно отнести подписку о невыезде и надлежащем поведении. Тем не менее, в УПК РФ не предусмотрены нормы, определяющие, кто и в каком порядке должен контролировать выполнение взятых лицом письменных обязательств, предусмотренных ст. 102 УПК РФ. По этой причине в случае уклонения обвиняемого следователю становится известно о его отсутствии по прошествии значительного времени.

Мы полагаем, что определенные формы контроля следователя за надлежащим поведением обвиняемого должны сохраняться и носить постоянный характер. В правоприменительной практике в целях контроля следователи устанавливают для обвиняемого явочные дни, используют средства связи, направляют сторожевой листок в адресное бюро по месту регистрации; уведомляют военный комиссариат и др.² Подобные предложения высказываются и в научной литературе. Отдельные меры по предупреждению уклонения обвиняемого предусмотрены в ведомственных приказах [6].

В заключение следует отметить, что предпринятые законодателем шаги по введению альтернативных содержанию под стражей мер пресечения не приводят к коренному изменению ситуации. По-прежнему доля применения самой строгой меры пресечения остается значительной. Разработанные профессором Б. Б. Булатовым критерии эффективности мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, вызывают теоретический и практический интерес, позволяют определить направления совершенствования правового регулирования, а также практики применения. Реализация данного подхода может способствовать более активному применению данной группы мер пресечения.

Список источников

1. Аширбекова М. Т., Попова Л. В. О нормативной регламентации запрета на заключение под стражу предпринимателей // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4.
2. Марковичева Е. В. Трансформация домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном процессе // Правосудие. 2023. № 3.
3. Руднев В. И. Избрание судами мер пресечения, альтернативных заключению под стражу // Комментарий судебной практики. Вып. 26 / отв. ред. К. Б. Ярошенко. М., 2020.

² О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений : приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619.

4. Федотов И. С. Домашний арест и запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу // Российская юстиция. 2019. № 3.

5. Булатов Б. Б. Эффективность мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей : учеб. пособие. Омск, 1984.

6. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017.

7. Булатов Б. Б. Вопросы эффективности мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и их применения органами предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980.

8. Большаков А. П. О совершенствовании розыскной деятельности следователя по предупреждению уклонения обвиняемых от органов следствия и суда // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 2(9).

А. В. Победкин

Мера пресечения — не наказание (о проекте федерального закона по ограничению применения заключения под стражу)

Острой проблемой уголовного судопроизводства остается склонность органов предварительного расследования и судов применять в отношении обвиняемого (подозреваемого) меру пресечения в виде заключения под стражу [1]. К ее решению подключился лично Председатель Верховного Суда Российской Федерации, который неоднократно на совещаниях различного уровня обращался к судьям с напоминанием о допустимости избрания этой меры пресечения лишь в крайних случаях, ориентировал на использование потенциала иных мер пресечения, в том числе залога (применяется сегодня в единичных случаях), домашнего ареста, запрета определенных действий. Увы, даже эти призывы остались без ожидаемой реакции. Заключение под стражу — среди мер пресечения, ограничивающих свободу личности, — самая популярная.

Причин несколько. Прежде всего это сам факт принятия решения об избрании меры пресечения исключительно по судебному решению. Независимость суда играет здесь неожиданную роль. Судья не рискует серьезной юридической ответственностью за необоснованное решение об избрании заключения под стражу, перспектива возможной ответственности весьма туманна и отсрочена. Ответственность же, «в ее различных формах и разновидностях — сильное средство и необходимое условие, стимули-

рующее любую профессиональную деятельность» [2, с. 305]. Единственной серьезной гарантией обоснованного решения судьи при принятии решения об избрании меры пресечения является его совесть.

Однако даже ее обостренность не всегда обеспечивает избрание заключения под стражу как единственно возможную меру пресечения. Судья весьма поверхностно погружен в материалы уголовного дела (большую часть этих материалов он попросту не видел), не воспринимает их в целом, не «чувствует» решение, которое в конкретном случае является единственно правильным.

Нельзя не учитывать и естественные человеческие слабости, которые уголовно-процессуальный закон призван купировать (к сожалению, сегодня он их зачастую стимулирует). Отказ в удовлетворении ходатайства следователя (дознателя) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу требует серьезного обоснования, глубокого погружения в материалы дела, а это требует времени. Кроме того, стоит ли рисковать? За отказ в удовлетворении ходатайства следователя (дознателя), весьма вероятно, придется отвечать, если обвиняемый (подозреваемый) скроется, уничтожит доказательства или продолжит преступную деятельность. Иногда сложно противостоять волне общественного резонанса, истерии в социальных сетях.

Законодатель, к сожалению, способствует нахождению судьи в такой «зоне комфорта», не обозначая позицию по ключевому вопросу — основаниях применения меры пресечения. В теории весьма распространена, как представляется, ошибочная точка зрения о допустимости принятия решений об ограничении конституционных прав человека в ходе досудебного производства на основании совокупности информации, включающей не только доказательства [3, с. 40–41]. Распространена такая практика и при избрании мер пресечения.

Проблема становится нетерпимой, и ее болезненность вынуждает принимать неординарные меры. Однако они должны быть законными, основываться на аксиоматичных положениях теории уголовного судопроизводства, в противном случае велика вероятность обратного эффекта.

Проект федерального закона, предусматривающий внесение в УПК изменений, ограничивающих возможность избрания заключения под стражу по уголовным делам о преступлениях ненасильственного характера¹ (на момент подготовки настоящей статьи законопроект принят Го-

¹ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым

сударственной Думой Российской Федерации в первом чтении) — мера почти отчаянная. Надо полагать, разъяснения и увещания уже недействительны.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации (далее — Пленум Верховного Суда) предлагается допустить избрание этой меры пресечения, по общему правилу, по уголовным делам о преступлениях средней тяжести насильственного характера, тяжким и особо тяжким преступлениям. В настоящее время лишь в исключительных случаях заключение под стражу избирается по уголовным делам о преступлениях средней и небольшой тяжести (соответственно пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 и ч. 2 ст. 108 УПК РФ). Итак, наиболее понятная гипотетическая ситуация: по уголовному делу о ненасильственном преступлении средней тяжести имеются достаточные доказательства, дающие основания полагать, что обвиняемый скроется, однако применить к нему заключение под стражу не допускается. Риски очевидны.

Пленум Верховного Суда, конечно, не мог не учитывать, что законопроект неоднозначен. Все преступления — деяния общественно опасные. По всем уголовным делам обстоятельства следует устанавливать правильно, а меры, принимаемые для обеспечения производства, должны соответствовать степени опасности угроз.

Судя по пояснительной записке к законопроекту, доказанность вероятности (даже самой высокой степени) совершения деяний, препятствующих судопроизводству во внимание по делам о преступлениях, не представляющих «большой общественной опасности», не принимается.

Вряд ли публичность отечественного уголовного судопроизводства (называть ли ее началом, принципом, функцией) [4, с. 73–76] согласуется с представлением о необязательности правильного установления обстоятельств по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Адекватная реакция государства на любые преступления важна с точки зрения как частной, так и общей превенции преступлений, на такую реакцию вправе рассчитывать и потерпевший, которому вряд ли удастся убедительно объяснить, что поскольку преступление небольшой (средней) тяжести, пусть даже ненасильственное, не будет большой беды, если обвиняемый скроется, воспрепятствует производству, уничтожит доказательства или продолжит совершать преступления.

в совершении преступлений насильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2023 г. № 19. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/32539/> (дата обращения: 01.12.2023).

В официальном отзыве Правительства Российской Федерации на законопроект наряду с иными замечаниями подчеркивается, что он исключает заключение под стражу в случаях, когда обвиняемые (подозреваемые) продолжают преступную деятельность, препятствуют производству по уголовному делу, а цели уголовного преследования не могут быть достигнуты применением иной меры пресечения. Такое регулирование влечет угрозу безопасности [5].

Фактически Правительство РФ обращает внимание на недостаточную публичную ориентированность законопроекта. Ограничение им возможности избрания заключения под стражу предлагается под материально-правовым «флером», а не в целях решения процессуальных задач. Заключение под стражу как мера пресечения соотносится в законопроекте не с опасностью процессуальных угроз, а с тяжестью преступления и суровостью наказания, предусмотренных уголовным законом. Между тем аксиомой, о которой можно прочесть практически в любом учебнике уголовного процесса, является положение о том, что меры процессуального принуждения применяются не в качестве ответственности за завершенное деяние, а для того, чтобы установить лицо, его совершившее и, конечно, другие значимые по уголовному делу обстоятельства.

Путь, избранный Пленумом Верховного Суда и в целом поддержанный законодателем, рискован. Он чреват разрушением доктринальных представлений о смысле принципа презумпции невиновности, которым определяются лишь правила доказывания виновности. От него не следует требовать большего и, тем более, рассматривать его как правила, определяющие пределы применения мер процессуального принуждения.

К сожалению, ошибочному взгляду на сферу действия принципа презумпции невиновности способствует правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой смысл принципа презумпции невиновности состоит и в том, что до вступления обвинительного приговора в законную силу на обвиняемого (подозреваемого) не могут быть наложены ограничения, в совокупности сопоставимые по степени тяжести с уголовным наказанием, а тем более, его превышающие².

Следуя по такому пути и далее, можно предположить, что следователь (дознатель) должен по неясным критериям оценивать «совокупность»

² По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision82643.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

мер процессуального принуждения на жесткость (термин «тяжесть» применим к наказанию, а не к мерам процессуального принуждения) и корректировать их применение с учетом возможного уголовного наказания. Однако следователь — не суд, а меры процессуального принуждения слишком разноплановы, чтобы оценить их совокупность на степень жесткости. Еще дальше: такой подход может обусловить требования о возмещении вреда, нанесенного применением мер процессуального принуждения, по причине превышения жесткости их в совокупности с грозящим, а может быть, и назначенным (!) наказанием. Стоит ли говорить, что суды по непроцессуальным причинам при назначении наказания станут ориентироваться на «совокупность» мер процессуального принуждения, применявшихся в досудебном производстве (практика и сегодня достаточно известная).

Таким образом, применение мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу должно иметь под собой процессуальные, а не материально-правовые основания. Именно такой подход соответствует смыслу принципа презумпции невиновности и позволит обеспечить публичность уголовного процесса.

Список источников

1. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека за 2018 год. URL: ombudsmanrf.org (дата обращения: 01.12.2023).
2. Кокорев Л. Д. Суд в механизме государственной власти // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2006.
3. Семенов В. А., Гладышева О. В., Репкин М. С. Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования. М., 2010.
4. Победкин А. В. О методе уголовно-процессуального регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3.
5. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/381316-8> (дата обращения: 01.12.2023).

С. Б. Россинский

Статус обвиняемого и меры уголовно-процессуального пресечения: что первично, а что вторично?

На общем фоне множества государственно-принудительных механизмов в целом и способов уголовно-процессуального принуждения в частности [1, с. 3] особое место всегда занимали и продолжают занимать

так называемые меры пресечения — специальные правоограничительные инструменты, востребованные в правоприменительной практике расследования и судебного разбирательства уголовных дел при необходимости оказания внешнего давления на predisposed к ненадлежащему поведению, в том числе представляющих опасность, подозреваемых и обвиняемых [2, с. 84]. Особый характер таких мер выражается в повышенной строгости, существенном ограничении свободы волеизъявления попавших под их воздействие субъектов, умалении ряда их конституционных и иных прав. И здесь нет ничего удивительного, поскольку особый характер уголовного преследования, предопределенный возможностью применения в отношении признанных виновными лиц уголовной репрессии, объективно вынуждает государственную власть периодически обращаться к потенциалу достаточно серьезных принудительных приемов, использовать обременительные для подозреваемых и обвиняемых способы обеспечения их надлежащего поведения, по крайней мере, по сравнению с «некриминальными» процессами (с гражданским судопроизводством, производством по делам об административных правонарушениях и т. д.). В этой связи от органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда требуется максимально точное, неукоснительное выполнение установленных законом условий и соблюдение процедур избрания (продления) любых процессуально-пресекательных мер, в первую очередь мер пресечения арестантского типа.

Одно из существующих условий правомерности избрания мер уголовно-процессуального пресечения — это известное предписание о возможности использования их потенциала лишь в отношении лиц, подвергнутых уголовному преследованию: в приоритетном порядке (по общему правилу) — обвиняемых, а в исключительных случаях — подозреваемых (ч. 1 ст. 97, ч. 1 ст. 100 УПК РФ). Причем оно уже настолько укоренилось в отечественной доктрине и системе уголовно-процессуального регулирования, что фактически превратилось в не нуждающуюся в каком бы то ни было обосновании аксиоматичную догму — воспринимается абсолютным большинством практических работников и даже ученых в качестве само собой разумеющегося, непреложного правового постулата. Во всяком случае, такое требование никогда не вызывало критических оценок, да и вообще не привлекало особого научного внимания, а преимущественно освещалось путем пересказа, зачастую даже дословного переписывания соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства [3, с. 5; 4, с. 9; 5, с. 536; и др.].

На первый взгляд, наблюдаемая научная апатия к данному условию правомерности избрания меры уголовно-процессуального пресечения является вполне очевидной и понятной — такое требование вроде бы достаточно разумно и необходимо для использования в дознавательской, следственной, прокурорской и судебной деятельности, поскольку содержит одну из важных гарантий защищенности личности от возможных практических ошибок, тем более от, увы, еще существующего правоприменительного произвола. Ведь в большинстве случаев, по крайней мере относящихся к ведению органов предварительного следствия, возможность использования установленных гл. 13 УПК РФ правоограничительных механизмов находится в прямой зависимости от привлечения в качестве обвиняемого, т. е. сопряжена с подлежащей подтверждению должным количеством доказательств уверенностью следователя в виновности лица в совершении некоего преступного деяния — казалось бы, что же в этом плохого, странного, непонятного?

Вместе с тем при более глубоком погружении в тонкости и детали данного правового условия в поле зрения неизбежно попадает один весьма неприятный нюанс, оказывающий самое пагубное влияние на правоприменительную практику, но не столько в части избрания мер уголовно-процессуального пресечения, сколько в части самого досудебного привлечения соответствующих лиц к уголовной ответственности, т. е. их признания обвиняемыми в порядке гл. 23 УПК РФ. Проще говоря, существующие правила использования органами предварительного следствия (иногда — дознания) процессуально-пресекательных приемов оказывают достаточно ощутимое «побочное действие» — приводят к преждевременным, скоропалительным, надлежащим образом необоснованным обвинениям, т. е. прямо противоречат самой сущности, самому смыслу предварительного расследования как этапу уголовного судопроизводства, направленному именно на обеспечение возможности формирования обвинительного тезиса (уголовно-правовой претензии, своеобразного «уголовного иска»), впоследствии становящегося предметом и обуславливающего пределы судебного разбирательства.

Необходимо вспомнить, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого — далеко не сугубо формальный следственный акт, переводящий лицо из одного юридического состояния в другое с его наделением рядом предусмотренных ч. 4 ст. 47 УПК РФ диспозитивных возможностей, равно как процедура предъявления обвинения — это не просто совокупность «технических» приемов, позволяющих такому лицу осознать свою правовую участь и уразуметь особенности своего положения.

Исходя из смысла ч. 1 ст. 173 УПК РФ в ее системном единстве с п. 22 ст. 5 УПК РФ и рядом других положений закона, и само постановление, и вся связанная с ним юрисдикционная процедура, как уже отмечалось выше, могут быть детерминированы лишь подлинной уверенностью следователя в изблещении человека в совершении определенного преступления, убежденностью в правильности квалификации инкриминируемого ему деяния и «положительной» судебной перспективе выдвинутой уголовно-правовой претензии. В связи чем в публикациях автора настоящей статьи привлечение в качестве обвиняемого уже неоднократно признавалось неким апогеем, кульминационным моментом всего досудебного производства, означающим (по крайней мере, по оценкам следователя) завершение познавательной фазы предварительного следствия, т. е. напрямую связывалось со следственными выводами о доказанности всех подлежащих установлению по данному делу обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ [6, с. 104; 7, с. 62].

К слову, схожие воззрения можно встретить и в публикациях других авторов. В частности, советские ученые-процессуалисты отождествляли законность и обоснованность следственного обвинения с уверенностью его автора (следователя) в абсолютной доказанности выдвигаемой претензии, в ее готовности к внесению на рассмотрение суда, с убежденностью в предстоящей непоколебимости судьбы (судей) в вопросе признания человека виновным в совершении инкриминируемого преступления, а игнорирование данного условия, напротив, расценивали как существенное нарушение принципа состязательности, презумпции невиновности и других важнейших постулатов уголовно-процессуальной деятельности. Основанные на шатких, неустойчивых позициях, на сомнительных или «натянутых» выводах постановления о привлечении в качестве обвиняемых обычно рассматривались в качестве совершенно недопустимых либо просто преждевременных следственных актов [8, с. 120; 9, с. 186; 10, с. 128; и др.]. Схожие оценки периодически давались и Конституционным Судом РФ.

В этой связи автор настоящей статьи указывал на абсолютную неприемлемость так называемых «пилотных» (первоначальных) обвинений, на всю противоестественность практики скоротечного формулирования обвинительных тезисов, не подтвержденных результатами полного, всестороннего и объективного познания значимых для уголовного дела обстоятельств, а выдвигаемых по итогам проведения ряда безотлагательных следственных (иных процессуальных) действий и (или) исследования полученных на первоначальном этапе расследования предметов либо документов. Одновременно говорилось, что такие неполно-

ценные обвинения, будучи всего лишь следственными версиями, т. е. сделанными с той или иной степенью вероятности предположениями о совершении некими людьми неких преступных деяний, на самом деле никакими обвинениями не являются, а представляют собой не более чем подозрения — официальные гипотезы, дающие лишь основания для продолжения уголовного преследования в отношении указанных лиц и дальнейшего собирания доказательств в целях их возможного привлечения к уголовной ответственности [11, с. 124, 127].

Конечно, при этом было обращено внимание на относительную условность подобных постулатов, на их полноценную пригодность только к наиболее типичным, как бы классическим условиям досудебного производства, сводящимся к уголовному преследованию всего лишь одного лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении единственного акта (эпизода) криминальной деятельности. В связи с чем разъяснялось, что в более сложных случаях, например, связанных с расследованием групповых, многоэпизодных и тому подобных преступлений, а также в случаях, предполагающих возникновение потребности «дорасследования» уголовных дел и предъявления нового обвинения ввиду активных позиций обвиняемых, защитников, других заинтересованных субъектов уголовного судопроизводства после выполнения предусмотренных гл. 23 УПК РФ требований, вполне могут производиться какие-либо еще процессуально-познавательные действия, собираться какие-либо еще доказательства и т. д. Но все подобные ситуации виделись и продолжают видиться как те самые частные исключения, лишь подтверждающие, во всяком случае, никоим образом не способные поколебать общее правило о неприемлемости «пилотных» обвинений.

Однако возможность практической реализации указанного и, как думается, единственно верного подхода к сущности и условиям досудебного привлечения человека к уголовной ответственности, к выдвижению в отношении него законного и обоснованного «уголовного иска» невольно попадает в поставленную как бы «другой рукой» того же законодателя нормативную ловушку, неизбежно упирается в тупик — в явную правовую коллизию, выраженную в несогласованности оснований для признания лица обвиняемым и условий избрания в отношении него любой из предусмотренных УПК РФ мер уголовно-процессуального пресечения. Всякий раз, осознавая объективную потребность в использовании таких правоограничительных механизмов прямо на «старте» или где-то в начальной фазе персонифицированного уголовного преследования, имея вполне достаточные основания для их применения к подозреваемым,

следователи сталкиваются с весьма неприятным выбором: ввиду явной преждевременности досудебного привлечения человека к уголовной ответственности отказаться от процессуально-пресекательных намерений и, приняв на себя все возможные риски, просто отпустить его «под честное слово» либо поступить более прагматично — пойти на «сделку с совестью» и, особо не взывая к своему внутреннему убеждению, быстро «слепить» из имеющегося материала еще не созревший, не подтвержденный достаточной совокупностью доказательств «пилотный» обвинительный тезис (набросать «на скорую руку» соответствующее постановление), после предъявления которого банально избрать требуемую меру пресечения (инициировать ее избрание перед судом), а затем спокойно продолжить производство предварительного расследования. Причем в силу понятных любому специалисту причин, как правило, выбирается именно второй вариант поведения — он намного проще, спокойнее, эргономичнее, а самое главное, выгоднее и безопаснее, поскольку позволяет избежать вполне ожидаемых в противном случае нареканий руководства.

Нетрудно догадаться, что наиболее чувствительно данная коллизия ощущается в случаях, связанных с потребностью избрания мер пресечения арестантского типа (домашнего ареста либо заключения под стражу) в отношении ранее задержанных по подозрению в совершении преступления лиц. Ведь имеющий конституционно-правовые корни известный 48-часовой лимит внесудебного ограничения свободы уж совсем не predisposed к должному обоснованию обвинительного тезиса. Тем более что первая часть указанного срока банально расходуется на доставку подозреваемого в орган предварительного следствия, а последняя поглощается 8-часовым временным отрезком, разумно зарезервированным законодателем для проведения самого судебного заседания в порядке ст. 108 УПК РФ. Поэтому в реальности в распоряжении следователя остается совсем мало времени, какие-то «жалкие крохи» — немногим более, а иногда и менее суток.

Справедливости ради следует обратить внимание, что в действующей системе уголовно-процессуального регулирования, конечно, существует некий страховочный механизм, способствующий преодолению возникающих трудностей, — предусмотренный ст. 100 УПК РФ порядок превентивного избрания мер пресечения в отношении подозреваемых, т. е. до формулирования и предъявления им полноценных и обоснованных уголовно-правовых претензий. Использование подобных возможностей заметно облегчает следственную практику, в особенности, по уголовным делам о групповых преступлениях, нередко сопряженным с одновремен-

ными задержаниями нескольких или даже многих лиц. Однако такое дозволение является не более чем «приятным» исключением из общего правила — вышеупомянутая ст. 100 УПК РФ прямо увязывает его допустимость с некими исключительными случаями, т. е. с ситуациями, явно выходящими за пределы следственной рутины и обыденности, например, предполагающими техническую невозможность оперативного производства самых безотлагательных процессуальных действий, удаленность места задержания подозреваемого органом дознания от районного центра, т. е. когда отведенное время расходуется на доставку человека в суд, и т. д. К тому же предусмотренные ст. 100 УПК РФ особые условия применения мер пресечения вовсе не рассчитаны на продолжительное время — их использование лишь позволяет получить 10- или 45-суточную (а по факту — 8- или 43-суточную) процессуальную передышку, не освобождающую от бремени привлечения в качестве обвиняемого в строго определенный законом и, следовательно, все равно не предполагающий свободы внутреннего убеждения, срок.

Ввиду изложенного в следственной практике уже много лет применяется двухэтапная технология формулирования уголовно-правовой претензии как предмета предстоящего судебного заседания. Она состоит в выдвижении в отношении подвергнутого уголовному преследованию человека двух различных по времени выдвижения, объему, содержанию и степени обоснованности обвинений: 1) «пилотного» (первоначального), предъявляемого по результатам самых безотлагательных процессуально-познавательных действий в целях создания условий для избрания меры пресечения; 2) окончательного (обвинения в окончательной редакции), предопределенного итогами всего досудебного производства, должным образом обоснованного достаточной совокупностью доказательств, выражающего внутреннюю убежденность в изобличении человека в совершении инкриминируемого ему преступления, поэтому формулируемого и предъявляемого непосредственно перед началом предусмотренной гл. 30 УПК РФ финальной части предварительного расследования. Данная технология стала уже настолько привычной, настолько глубоко укоренилась в деятельности следственных работников, что воспринимается ими как нечто бесспорное, само собой разумеющееся. А в качестве ее правовой базы используются известные положения, установленные ч. 1 ст. 175 УПК РФ, которые позволяют частично изменять или либо дополнять ранее предъявленное обвинение.

Вместе с тем ни само базовое условие, предполагающее приоритетность избрания меры пресечения в отношении обвиняемого, ни предло-

пределенная им двухэтапная прикладная технология формулирования уголовно-правовой претензии в настоящее время не имеет никакой ценности, не содержит никаких дополнительных процессуальных гарантий, никоим образом не повышает уровень правовой защищенности подвергаемых уголовному преследованию лиц. Тогда как детерминированные им деструктивные последствия видны невооруженным глазом — выражены в потребности выдвижения преждевременных и необоснованных уголовно-правовых претензий, приводящих к явной несправедливости, к превращению обвиняемых (по сути, подозреваемых) в заложников поспешной и непродуманной правотворческой политики. Наряду с этим предопределенные таким условием практические технологии существенно обременяют работу и без того сильно перегруженных следователей — вынуждают их проводить не имеющие никакого смысла процессуальные действия, готовить лишние документы, т. е. искусственно раздувать объемы следственной бюрократии и материалов уголовных дел.

На основании всего изложенного напрашивается очевидный вывод: законодателю надлежит в корне пересмотреть правовое условие, увязывающее приоритет избрания установленных УПК РФ процессуально-пресекательных механизмов с признанием соответствующего лица обвиняемым. Представляется, что возможность следователя (дознателя) избрать любую из предусмотренных ст. 98 УПК РФ правоограничительных мер (ходатайствовать об ее избрании перед судом) должна представляться вне зависимости от готовности к формулированию и выдвижению обвинительных тезисов в соответствии со ст. 173 УПК РФ. Такая возможность должна представляться начиная с момента «открытия» персонифицированного уголовного преследования, с момента признания лица подозреваемым, причем без каких-либо установленных законом 10-суточных либо иных временных лимитов. В конце концов, ни в самом уголовно-процессуальном законе, ни в разработанных на его основе прикладных, в первую очередь ведомственных рекомендациях, нельзя усмотреть ни единого намека на возможность ограничения, тем более — нарушения, прав подозреваемых ввиду несформированности в отношении него уголовно-правовой претензии.

В завершение остается лишь выразить надежду, что рано или поздно законодатель все же прислушается к высказанным предложениям и предпримет соответствующие правотворческие шаги.

Список источников

1. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.

2. *Муравьев К. В.* Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017.

3. *Гуткин И. М.* Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1963.

4. *Михайлов В. А.* Методологические основы мер пресечения. М., 1998.

5. *Курс уголовного судопроизводства* / под ред. Л. В. Головки. М., 2016.

6. *Россинский С. Б.* Привлечение в качестве обвиняемого: «реперная точка» уголовного преследования или итог предварительного следствия? // Юрист-Правоведъ. 2021. № 4(99).

7. *Россинский С. Б.* Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? // Государство и право. 2022. № 3.

8. *Строгович М. С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе / отв. ред. М. М. Гродзинский. М., 1951.

9. *Полянский Н. Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д. С. Карева. М., 1956.

10. *Карнеева Л. М.* Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971.

11. *Россинский С. Б.* О недопустимости «пилотных» обвинений в до судебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4(95).

О. В. Химичева, И. Б. Тутынин

Вклад Б. Б. Булатова в науку уголовно-процессуального права Российской Федерации

Принуждение в социуме, в государстве, в уголовном судопроизводстве интересовало мыслителей и ученых различных эпох. Работы Аристотеля, Г. В. Ф. Гегеля, Т. Гоббса, Д. Дидро, Р. Иеринга, И. Канта, Дж. Локка, Н. Макиавелли, Ф. Ницше, Ж.-Ж. Руссо и многих других дали толчок отечественной науке разработать концепт принуждения в государстве и в уголовном судопроизводстве, создать самостоятельные научные школы, предметом исследования которых явились проблемы существования и функционирования принуждения в уголовном судопроизводстве России. Одним из основателей одной из таких школ стал Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Бу-

латов Борис Борисович, который не только подготовил значительный перечень публикаций, но и воспитал целую плеяду учеников, продолжающих лучшие традиции своего учителя.

С самого начала научного пути Бориса Борисовича предметом его научного интереса стало уголовно-процессуальное принуждение, его формы и виды. Одной из первых его работ была концептуальная статья «К вопросу об уголовно-процессуальном принуждении» [1], опубликованная еще в 1977 г.

В дальнейшем наблюдается неугасаемое стремление автора расширить спектр исследуемых вопросов, углубляясь в тонкости проблематики принуждения в уголовном судопроизводстве. Опубликовав более 100 работ, в 2003 г. Борис Борисович подготовил и защитил докторскую диссертацию [2], посвященную также государственному принуждению в уголовном судопроизводстве. На основе анализа нового на тот момент УПК РФ, с учетом теоретических воззрений ряда исследователей, автор одним из первых проанализировал состояние уголовно-процессуального законодательства по вопросам принуждения, выявил первые тенденции правоприменительной практики, глубоко вник в вопросы как задержания подозреваемого и мер пресечения, так и иных мер процессуального принуждения. Отличалась новаторством и оригинальностью идея автора о необходимости выявления значимости для уголовного судопроизводства «подключения» санкций других отраслевых правовых норм, сущность и значение физического принуждения, в том числе при производстве следственных действий.

Одним из наиболее значимых результатов проведенного исследования явилось стройная система мер, их оснований и условий, а также предложения о рационализации порядка использования мер государственного принуждения.

На основе глубокого теоретического осмысления и с учетом досконального изучения проблем правоприменения Б. Б. Булатов создал комплексное, самостоятельное, новое, завершенное и современное целостное теоретическое учение о мерах государственного принуждения как средства достижения целей (решения задач) уголовного судопроизводства и обеспечения нормального его хода, в связи с чем предложил совокупность корректировок законодательства, регламентирующего меры уголовно-процессуального принуждения и иных процессуальных средств, включенных в систему мер государственного принуждения в уголовном судопроизводстве.

Причем прогностический дар получил реализацию в конкретных предложениях, часть из которых были воплощены в законодательном

процессе или еще ожидают своего внедрения (о четком разграничении фактического и процессуального (юридического) задержания подозреваемого, о допуске адвоката (защитника) для оказания юридической помощи задержанному, о порядке принятия решения о заключении под стражу и сроке, на который может быть продлено содержание под стражей обвиняемого для окончания ознакомления с материалами уголовного дела, о механизме фактического применения залога и домашнего ареста как мер пресечения, о широком процессуальном аспекте применения иных мер уголовно-процессуального принуждения) [3].

Сложно переоценить научный вклад, сделанный Борисом Борисовичем, при издании монографии, посвященной иным мерам процессуального принуждения, предусмотренным гл. 14 УПК РФ [4].

Подчеркнем, что профессионализм Бориса Борисовича предоставил ему возможность первым высказать ряд революционных идей о наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве как наименее исследованной мере процессуального принуждения и одновременно наиболее существенным образом затрагивающей права и законные интересы широкого круга лиц, в том числе не являющихся непосредственными участниками уголовно-процессуальной деятельности. Именно профессор Б. Б. Булатов разработал, не побоимся сказать, концепцию применения этой иной меры процессуального принуждения. После защиты докторской диссертации Б. Б. Булатов опубликовал ряд статей, безусловно обладающих научной новизной, глубокой теоретической осмысленностью и огромной значимостью для правоприменения, позволяющих преодолеть трудности наложения ареста на имущество при производстве по уголовному делу [5–12; и др.]. В них изложены главные и наиболее трудноразрешимые проблемы — основания, круг лиц и процессуальный порядок наложения ареста на имущество.

В связи с этим ответственно заявляем: занимаясь проблемами теории и практики применения ареста имущества по уголовному делу [13; 14], мы с удовольствием и со значительной пользой для наших работ обращались к публикациям Б. Б. Булатова, открывая для себя новое в давно, казалось бы, исследованном [15; 16]. Уверены, что если в статье начинающего научную деятельность молодого автора о мерах уголовно-процессуального принуждения нет сноска на работы Бориса Борисовича, значит исследование выполнено не в полном объеме, не проработаны все необходимые процессуальные моменты. Профессор Б. Б. Булатов не оставлен на достигнутом. Новые работы по-прежнему удивляют работоспособностью автора, глубиной научной проблематики публикаций,

широтой кругозора. Пожелаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, продолжать оставаться примером для молодых и добиваться новых научных достижений.

Список источников

1. Булатов Б. Б. К вопросу об уголовно-процессуальном принуждении // Проблемы борьбы с преступностью. Иркутск, 1977.

2. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

3. Борбат А. В., Борков В. Н., Булатов Б. Б. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты незаконного задержания (ч. 1 ст. 301 УК РФ) // Российский следователь. 2023. № 2.

4. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.

5. Булатов Б. Б., Борбат А. В., Дежнев А. С. Наложение ареста на имущество других лиц в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска // Российский следователь. 2019. № 8.

6. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Круг лиц, на имущество которых может быть наложен арест при производстве по уголовным делам // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4(71).

7. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Новеллы законодательного регулирования срока наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2016. № 1.

8. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Определение срока наложения ареста на имущество при производстве по уголовным делам (по материалам решений Конституционного Суда РФ) // Российский следователь. 2015. № 13.

9. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий, не связанных с обеспечением гражданского иска, штрафа или возможной конфискации имущества // Российский следователь. 2018. № 3.

10. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа // Российский следователь. 2017. № 12.

11. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации имущества // Российский следователь. 2017. № 18.

12. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска // Российский следователь. 2017. № 5.

13. *Тутынин И. Б.* Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера : монография. 2-е изд., доп. и испр. М., 2022.

14. *Химичева О. В.* Наложение ареста на имущество: баланс частных и публичных интересов // Академическая мысль. 2019. № 4(9).

15. *Булатов Б. Б., Дежнев А. С.* Особенности наложения ареста на ценные бумаги при производстве по уголовным делам // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3(53).

16. *Булатов Б. Б., Николюк В. В.* Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России). М., 2003.

О. И. Цоколова

Значение трудов Б. Б. Булатова для развития теории процессуального принуждения

Профессор Б. Б. Булатов — автор множества научных трудов по разным проблемам уголовного процесса, но основная часть его научных интересов относится к мерам принуждения. Тема эта всегда не только актуальна, но и очень болезненна для каждого из участников уголовного процесса: подозреваемого, обвиняемого, защитника, следователя, дознавателя, прокурора, судьи.

Б. Б. Булатов исследует тему процессуального принуждения более 40 лет, со времени обучения в адъюнктуре Московской высшей школы милиции МВД СССР. Очень ценно, что его кандидатская диссертация и предваряющая ее часть научных трудов относится к «классическому» периоду действия УПК РСФСР. Докторская диссертация защищена в период, когда УПК РФ вступил в силу. Современные работы Б. Б. Булатова позволяют осмыслить практику 20-летнего опыта действия УПК РФ.

Изложенное показывает, что Б. Б. Булатов как один из ведущих ученых в сфере уголовного процесса в своих научных трудах имел возможность проследить развитие теории мер процессуального принуждения в разных, даже противоположных общественных условиях, и при действии разного уголовно-процессуального законодательства.

Кандидатская диссертация Б. Б. Булатова «Вопросы эффективности мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и их применения органами предварительного расследования» защищена в 1980 г. в Московской высшей школе милиции МВД СССР [1]. Проблемы, поставленные

в данной работе, и предложенные решения сохраняют свою актуальность и в настоящее время.

Еще 40 лет назад Б. Б. Булатов по результатам своего исследования указывал на тенденцию к ограничению применения заключения под стражу и отмечал, что самой распространенной мерой пресечения без лишения свободы является подписка о невыезде (94,4%), по 16% случаев, по его наблюдениям, данная мера оказалась неэффективной, поскольку обвиняемые скрылись от следствия [1, с. 1, 9–10]. В современный период по-прежнему, несмотря на расширение перечня мер пресечения, не связанных с лишением свободы, в большинстве случаев применяется подписка о невыезде, тем более что порядок применения прочих мер пресечения по сравнению с 1980 г. значительно усложнился.

В своих дальнейших научных разработках Б. Б. Булатов продолжил развивать идеи, относящиеся к процессуальному институту мер принуждения. Особо следует отметить, что некоторое время спустя он, как состоявшийся ученый, выбрал более широкий подход к теме и перешел от исследования некоторых видов мер пресечения к рассмотрению государственного принуждения в уголовном процессе в целом. Его докторская диссертация «Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве», успешно защищенная в Московском университете МВД России в феврале 2004 г. [2], как раз отразила этот широкий взгляд ученого на проблемы процессуального принуждения.

Докторская диссертация Б. Б. Булатова стала первой теоретической работой после вступления в силу УПК РФ, посвященной теме принуждения в уголовном процессе. В условиях полностью измененного порядка избрания и действия мер процессуального принуждения автор сформулировал доктринальные положения, определившие тенденции развития института процессуального принуждения на предстоящий, достаточно длительный период времени.

В монографии по теме докторской диссертации Б. Б. Булатов указывает, что «... процедура уголовного судопроизводства объективно носит карательный характер. Уголовному процессу априори присущи институты принуждения, которые занимают в нем ведущее место и имеют решающее значение в плане достижения стоящих перед ним целей» [3, с. 10].

Обосновывая актуальность исследования процессуального принуждения в переходный для процессуального законодательства период, на фоне значительного количественного сокращения таких мер принуждения, как задержание подозреваемого и заключение под стражу (82,3 тыс. арестованных в июле–декабре 2002 г. против 142,7 тыс. в январе–июне 2002 г.; 119,1 тыс.

задержанных против 119,1 тыс. чел. в те же периоды времени), диссертант отмечал, что тенденции существенного уменьшения сферы уголовно-процессуального принуждения в условиях действия нового УПК РФ нуждаются в обстоятельном профессиональном анализе [2, с. 3–5].

Несмотря на прошедшие десятилетия, многие проблемы, поставленные в докторской диссертации Б. Б. Булатова, по-прежнему не решены и даже усугубились. Так, признавая приоритетными в сфере уголовного процесса права и свободы человека, диссертант доказывал, что в законодательной регламентации нуждается применение физического принуждения при выполнении дознавателем, следователем следственных и иных процессуальных действий, использование физической силы непосредственно должностным лицом, осуществляющим расследование, в ситуациях, «стихийно» возникающих при производстве по уголовному делу [2, с. 3, 14]. Уголовно-правовые санкции влияют на участников судопроизводства в основном скрыто, оказывая психическое давление и побуждая их выполнять процессуальные обязанности под угрозой применения принуждения при неправомерном поведении [3, с. 248].

Несмотря на все последующие изменения и дополнения УПК РФ и множество научных, в том числе диссертационных исследований, вопрос о допустимости и пределах физического принуждения далеко не разрешен. Как правило, диссертанты рассуждают об ограничениях прав обвиняемых (подозреваемых), обходя вопросы полномочий органа расследования на применение физической силы как составляющей процессуального принуждения. Как отражение этой проблемы — возбуждение уголовных дел в отношении сотрудников полиции, проводящих задержание подозреваемых или преодолевающих сопротивление в ходе применения иных мер принуждения.

Современные работы Б. Б. Булатова свидетельствуют о том, что он по-прежнему сохраняет широкий подход к теме процессуального принуждения. Так, на конференции «Принуждение в уголовном процессе: современные проблемы и тенденции», которую ВНИИ МВД России провел с участием ведущих ученых-процессуалистов России, Казахстана, Киргизии в «доковидные» времена, в декабре 2019 г., Б. Б. Булатов выступил с докладом, относящимся к процессуальному принуждению на стадии исполнения приговора [4, с. 15–22].

Надо отметить, что в последнее время ученый достаточно много внимания уделяет именно этой стадии уголовного процесса. Вместе с тем он участвует в научной дискуссии по широкому кругу вопросов, относящихся к процессуальному принуждению, в том числе, например,

к различным аспектам задержания, рассматривая его как принудительную меру, которая предусмотрена каждой из самостоятельных отраслей криминального права (уголовным, уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным) [5]. Анализируя состав незаконного задержания (ч. 1 ст. 301 УК РФ), он делает вывод о том, что физический захват преступника может осуществляться еще до начала доставления его к следователю и возникновения процессуальных отношений. Следователь проверяет версию о совершении преступления именно доставленным и при наличии оснований задерживает его в порядке ст. 92 УПК РФ [6].

Получила развитие в его трудах и такая тема, как принуждение имущественного характера. В его докторской диссертации значительное внимание уделено аресту имущества, и в частности, наложению ареста на имущество других лиц [2, с. 13–14, 35–39]. В последующем Б. Б. Булатов неоднократно возвращался к этому спорному (особенно по делам о коррупционных преступлениях) вопросу [7]. Продолжают развивать тему и его ученики [8].

Изложенное позволяет с уверенностью утверждать: поскольку тема процессуального принуждения является одной из основных в процессуальной науке, проблемы, требующие научного разрешения, только прибавляются, мы в предстоящие годы будем иметь возможность ознакомиться с новыми, интересными, практически значимыми научными трудами профессора Бориса Борисовича Булатова и его учеников.

Список источников

1. Булатов Б. Б. Вопросы эффективности мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и их применения органами предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980.

2. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

3. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.

4. Булатов Б. Б. Законодательная конструкция задержания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, и его правовая природа // Проблемы предварительного следствия и дознания : сб. науч. тр. № 29 (по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Принуждение в уголовном процессе: современные проблемы и тенденции»), г. Москва, 5–6 декабря, 2019. М., 2020.

5. Булатов Б. Б., Борбат А. В., Павлов А. В. Задержание в системе законодательства о борьбе с преступностью // Российский следователь. 2022. № 10.

6. Борбат А. В., Борков В. Н., Булатов Б. Б. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты незаконного задержания (ч. 1 ст. 301 УК РФ) // Российский следователь. 2023. № 2.

7. Булатов Б. Б., Борбат А. В., Дежнев А. С. Наложение ареста на имущество других лиц в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска // Российский следователь. 2019. № 8.

8. Лыга А. П. Меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2023.

В. С. Шадрин

Проблемы задержания подозреваемого и их решение в интерпретации Б. Б. Булатова

Обращение к истории задержания подозреваемого показывает, что его правовая регламентация последовательно усиливалась по мере развития доктрины отечественного уголовного судопроизводства и усиления гарантий прав вовлекаемой в уголовный процесс личности от чрезмерного или необоснованного уголовно-процессуального принуждения. В действующем в настоящее время УПК РФ она разрослась до целой главы 12. Тем не менее в ней обнаруживаются пробелы, наличие которых, увы, не компенсируется обращением к правовому регулированию отдельных аспектов задержания на начальных этапах его реального осуществления в иных, помимо уголовно-процессуального закона законодательных актах, в частности, в КоАП РФ, законах «О полиции», «О войсках национальной гвардии» и т. п., на что, возможно, полагались законодатели. В результате застарелые проблемы, связанные прежде всего с определением момента начала течения срока задержания, а также природы и характера действий по задержанию до возбуждения уголовного дела остаются по-прежнему недостаточно решенными и вынуждают вновь и вновь возвращаться к ним в науке и правоприменительной практике.

В эпоху советских УПК непреложным являлось правило, за выполнением которого бдительно следила прокуратура, что задержание до возбуждения уголовного дела недопустимо. Уже на излете действия УПК РСФСР 1960 г. А. А. Чувилов в пособии из серии «Библиотека прокурора» четко разъяснял: «Отсутствие постановления о возбуждении дела означает, что задержание произведено незаконно» [1, с. 14]. В подобных случаях под задержанием подразумевался кратковременный арест лица в порядке ст. 122 УПК РСФСР. Предшествующие ему и неразрывно связанные с ним действия не принимались во внимание, поскольку считались непроцессуальными. Как указывал В. В. Шимановский, «задержание в процессуальном смысле следует отличать от задержания, которым обо-

значается фактическое ограничение свободы лица, сопряженное с физическим задержанием и доставлением последнего, например в орган милиции и осуществляемое любым работником органа дознания, постовым или патрульным милиционером, членом ДНД, иными гражданами. Такое доставление является либо административным, либо общественным актом и не носит уголовно-процессуального характера» [2, с. 5].

Вместе с тем осознание как теоретиками, так и практиками того, что происходящее до «процессуального задержания» ограничение свободы передвижения данного лица в результате фактического (физического) задержания или, иначе говоря, захвата игнорировать сложно, привело к принятию в 1976 г. Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, ч. 2 ст. 3 которого ориентировала правоприменителей на исчисление срока задержания с момента доставления задержанного в орган дознания или к следователю.

В УПК РФ, казалось бы, предпринята попытка более справедливого решения, для чего разъяснено: «момент фактического задержания — момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, заподозренного в совершении преступления» (п. 15 ст. 5). Однако, поскольку на самом деле УПК РФ устанавливает порядок только для задержания в качестве кратковременного ареста, практика предпочитает идти своим путем. В графе протокола задержания, предназначенной для отражения времени задержания, следователи и дознаватели вместо момента фактического задержания фиксируют момент доставления заподозренного в орган предварительного следствия или дознания. При этом лица, обращающиеся в прокуратуру с жалобой на подобные действия, получают разъяснения: так и должно быть [3, с. 47]. Таким образом, содержащаяся в п. 15 ст. 5 УПК РФ дефинитивная норма играет роль лишь красивой декларации, а на деле она не работает вследствие отсутствия надлежащего правового механизма ее реализации.

Между тем такой механизм уже относительно давно разработан и предложен вниманию юридической общественности, включая наших законодателей, профессором Б. Б. Булатовым. И он заслуживает того, чтобы его полностью воспроизвести в данной статье.

«Статья 92. Задержание и доставление подозреваемого до возбуждения уголовного дела.

1. При наличии оснований, указанных в статье 91 настоящего Кодекса, лицо, совершившее или подозреваемое в совершении преступления, может быть задержано и доставлено в милицию или другой правоохранительный орган.

2. Задержание и доставление может осуществляться сотрудником милиции, другим должностным лицом правоохранительного органа, а также любым дееспособным гражданином.

3. Установив непосредственно со слов очевидцев, потерпевших наличие одного из оснований, указанных в статье 91 настоящего Кодекса, сотрудник милиции, другое должностное лицо правоохранительного органа или гражданин сообщают подозреваемому, что он задерживается за совершение преступления, и предлагают ему следовать в учреждение милиции, иной правоохранительный орган или орган местного самоуправления. Задерживающее лицо обязано назвать себя и по требованию задержанного предъявить документ, удостоверяющий личность.

4. При наличии оснований полагать, что задержанный имеет при себе оружие либо пытается скрыть или уничтожить доказательства, уличающие его в совершении преступления, задерживающее должностное лицо вправе провести личный досмотр подозреваемого и изъять имеющиеся у него предметы, документы.

5. Доставление должно быть осуществлено в возможно короткий срок.

6. Применение физической силы, специальных средств и оружия при задержании и доставлении подозреваемого допускается при наличии условий и в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, а также законодательством Российской Федерации.

7. Превышение должностными лицами и гражданами полномочий при задержании и доставлении подозреваемого влечет ответственность, установленную законом.

Статья 92¹. Порядок оформления задержания и оформления подозреваемого.

1. При доставлении в милицию подозреваемый передается дежурному или его помощнику для оформления и проверки обстоятельств задержания.

2. Должностные лица, осуществившие задержание и доставление подозреваемого, обязаны составить рапорт с указанием в нем места, времени (в часах и минутах) задержания и доставления в милицию, оснований и обстоятельств задержания, сведений о задержанном, потерпевшем, очевидцах, результатах личного досмотра и других данных, имеющих значение для проверки причастности задержанного к преступлению.

3. Если задержание и доставление подозреваемого в милицию осуществлены гражданами, им предлагается написать объяснение с указанием в нем сведений, перечисленных в части второй настоящей статьи.

4. О задержании и доставлении подозреваемого в милицию в срок не позднее одного часа составляется протокол с указанием в нем: кто, кем, когда, при каких обстоятельствах и по каким предусмотренным законом основаниям задержан; в совершении какого преступления подозревается задержанный; время его доставления в милицию. Протокол удостоверяется подписями дежурного по органу милиции или его помощника, должностного лица или гражданина, осуществивших задержание, и задержанного.

5. После составления протокола о задержании и доставлении дежурный по органу милиции или его помощник немедленно передают задержанного и имеющиеся о нем материалы дознавателю, следователю для проверки причастности подозреваемого к совершению преступления, решения вопроса о возбуждении уголовного дела, установлении оснований для водворения задержанного в ИВС» [4, с. 298–299].

Два десятилетия назад мне довелось выступать официальным оппонентом по докторской диссертации Б. Б. Булатова, посвященной государственному принуждению в уголовном судопроизводстве. В сохранившемся у меня отзыве на диссертацию от 15 февраля 2004 г. в качестве одного из оснований присуждения соискателю искомой ученой степени сказано, в частности, следующее: «следует приветствовать попытку диссертанта предложить законодателю собственный вариант выхода из лабиринта указанных выше противоречий — в виде довольно подробной регламентации задержания и доставления подозреваемого до возбуждения уголовного дела (с. 428–430)».

Указанная попытка, несомненно, удалась. Но увы, оказалась недооцененной законодателем и не привела к использованию ее результатов для приведения правовой регламентации задержания подозреваемого в надлежащее состояние, позволяющее «закрыть», наконец, отмеченные ранее проблемы. Для этого, возможно, следует привести дополнительные аргументы в поддержку реализации разработки профессора Б. Б. Булатова.

1. Пора, наконец, в полной мере осознать, что регламентацию задержания подозреваемого «необходимо отнести к уголовно-процессуальной юрисдикции» [5, с. 19], поскольку установление уголовно-правовых отношений — прерогатива уголовного процесса, а задержание лица для выяснения его причастности к совершению преступления безусловно «предполагает наличие развивающегося уголовно-правового отношения» [6, с. 3].

2. Отечественная доктрина в сфере уголовного судопроизводства в последние годы, по существу, отказалась от прежнего постулата о недопусти-

мости каких бы то ни было действий правоограничительного характера в стадии возбуждения уголовного дела, что получило в 2013 г. наглядное отражение в современной редакции ст. 144 УПК РФ.

3. Уголовно-процессуальная регламентация всех действий по задержанию подозреваемого, в том числе производимых до возбуждения уголовного дела в форме захвата и доставления заподозренного лица в соответствующий государственный орган, осуществленная в Белоруссии (гл. 12 УПК Республики Беларусь от 16 июля 1999 г.), достойно выдержала испытание временем на протяжении четверти века ее применения.

Игнорировать передовой опыт члена Союзного государства в составе России и Белоруссии в наше время, пожалуй, опрометчиво.

Список источников

1. Чувилев А. А. Прокурорский надзор за исполнением законов при задержании подозреваемых. М., 1999.

2. Шимановский В. В. Законность задержания лиц на предварительном следствии. Ленинград, 1988.

3. Барабаш А. Начало исчисления срока задержания по подозрению в совершении преступления // Законность. 2011. № 1.

4. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.

5. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном судопроизводстве. М., 1989.

6. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017.

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ, МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ И ИНЫХ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ

Б. Б. Булатов

Меры пресечения и задержание: новеллы 2022–2023 годов

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своей речи на пленарном заседании XXV Петербургского международного экономического форума подчеркнул значимость обеспечения имущественных гарантий с использованием уголовно-процессуального инструментария [1]. В Послании Федеральному собранию Российской Федерации он также обратил внимание парламентариев на необходимость пересмотреть ряд норм уголовного закона, относящихся к экономическим преступлениям, не исключая их декриминализации [2].

Уполномоченный по правам человека Т. Н. Москалькова в своем докладе за 2022 г. отмечала, что условия заключения под стражу предпринимателей по уголовным делам экономической направленности (ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ) неоднократно конкретизировались в целях минимизации давления на бизнес. Однако проблема несоразмерности и необоснованности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей остается актуальной [3].

Федеральным законом от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в действующее законодательство были внесены изменения, направленные на дальнейшее расширение гарантий предпринимателей, совершивших преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В части 2 ст. 99 УПК РФ предусматривается обязательный порядок изучения возможности избрания мер в отношении подозреваемого или обвиняемого, указанных в ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ, такой меры пресечения,

которая позволит продолжить осуществление предпринимательской деятельности и (или) управление принадлежащим имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности (за исключением изъятото или арестованного имущества), либо деятельности по осуществлению полномочий по управлению организацией, либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

Претерпела редакционные изменения ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ. В ней указаны составы преступлений, по которым возможно применение заключения под стражу в отношении субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности при наличии одного из следующих обстоятельств: подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории РФ; им нарушена избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или суда.

Если индивидуальный предприниматель либо член органа управления коммерческой организации совершили преступления не в связи с их предпринимательской, управленческой и иной экономической деятельностью, то в ходатайстве об избрании в отношении них заключения под стражу по преступлениям, предусмотренным чч. 1–4 ст. 159, ст. ст. 159¹–159³, 159⁵, 159⁶, 160, 165 и 201 УК РФ, и в приложенных к данному постановлению материалах должны содержаться конкретные сведения, подтверждающие такие обстоятельства. Таков смысл новой ч. 3¹ ст. 108 УПК РФ.

В связи с редакционными изменениями и дополнениями ст. 108 УПК РФ были скорректированы сроки содержания под стражей при расследовании совершенных преступлений (чч. 2 и 2¹ УПК РФ), а ч. 8 ст. 109 УПК РФ дополнена положением о том, что необходимость производства следственных действий не может являться единственным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей.

Ученые-процессуалисты и ранее задавались вопросом о справедливости запрета на заключение под стражу предпринимателей, полагая, что это нарушает принцип равенства перед законом и судом [4; 5, с. 5, 15; 6, с. 24–25].

Оценивая предпринятые законодателем меры, направленные на ограничение заключения под стражу по делам о налоговых преступлениях, а затем о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, Н. Н. Ковтун отмечает, что «суд столь же автоматически стал „штемпелевать“ до 94–96% ходатайств следственных органов о применении мер пресечения. При этом даже перманентные „окрики“ о том, что „не надо кошмарить бизнес“, не смогли поколебать столь согласованной практики» [7, с. 192].

А. С. Шаталов в связи с этим высказался более радикально о том, что инициирование в правовой политике особых процессуальных механизмов уголовного преследования специальных субъектов, предпринимателей и др. является вредным для общества [8, с. 69–70].

Федеральным законом от 2 ноября 2023 г. № 524-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса» норма была дополнена пунктами 27¹ и 27² о том, что понимается под преступлениями, совершенными индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, предусмотренными ст. ст. 20, 81¹, 108 и 164 УПК РФ; и преступлениями, совершенными членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению данной организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, предусмотренными ст. ст. 20, 81¹, 108 и 164 УПК РФ.

В ноябре 2022 г. были скорректированы нормы о залоге. Установлен срок действия меры пресечения и порядок его продления, закреплено право обжаловать до вынесения итогового судебного решения отказ в отмене залога или замене его более мягкой мерой¹.

В монографических работах обсуждались предложения о качественном преобразовании законодательной регламентации порядка избрания и исполнения залога. К наиболее значимым достижениям следует отнести разработку концепции имущественного принуждения в уголовном процессе И. Б. Тутыниным [9]. В числе мер совершенствования в том числе и залога автор называет: увеличение его вариативности и комбинирование с другими мерами; ограничение чрезмерного наделения гражданско-правовыми качествами; расширение использования информационных и коммуникационных технологий; введение «презумпции залога», возможности восстановления последствий имущественного ущерба и др. [10, с. 19–30].

А. П. Лыга относит залог к приоритетной мере, избираемой в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность и совершивших преступление в связи с ее осуществлением. Представляют интерес его предложения о законодательном урегулировании процессуального статуса залогодателя и о расширении перечня залогового имущества. По нашему мнению, им высказана правильная мысль о том, что соотношение частных и публичных интересов в механизме избра-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ.

ния и исполнения решения о залоге складывается не в пользу последних. Это является одним из препятствий распространения практики залога [11, с. 10–11, 19–20].

Н. А. Андроник делает вывод о низкой эффективности залога. По ее мнению, необходимо законодательно ограничить применение залога по отдельным составам преступлений экономической направленности, указанным в ч. 11 ст. 108 УПК РФ, при наличии обстоятельств, препятствующих осуществлению расследования, а также в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления против жизни и здоровья, против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Автор считает, что размер залога должен быть не менее размера причиненного преступлением материального ущерба [12, с. 10, 18].

А. В. Квык высказал мнение об изменении порядка избрания залога с судебного на внесудебный, закреплении исключительно денежного вида залога, разрешении допуска в качестве залогодателя только самого подозреваемого или обвиняемого [13, с. 1–13, 20].

Е. Ю. Замуруева пришла к выводу о том, что система мер пресечения требует новой иерархии. Оптимально расположить их в следующей последовательности: личное поручительство, залог, подписка о невыезде, запрет определенных действий, домашний арест, заключение под стражу. Приоритетный порядок отдается мерам пресечения, указанным в ст. ст. 104 и 105 УПК РФ и применяемым к предусмотренным субъектам [14, с. 12–13].

О. Д. Вастьяновой было акцентировано внимание на сложившейся противоречивой судебной практике при комбинировании залога с запретом определенных действий. Автором предложены конкретные меры, направленные на повышение эффективности совместного применения [15, с. 4, 11–12].

В целом, несмотря на противоположные, иногда исключающие друг друга предложения, все точки зрения заслуживают внимания и обсуждения. Однако вряд ли будет правильным процессуальный порядок реализации залога изменить на внесудебный. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ст. 35 Конституции РФ). Сомнительно и то, что залог по степени интенсивности принуждения ниже, чем подписка о невыезде и даже запрет определенных действий, учитывая его максимальные размеры.

Часть 2 ст. 27 УПК РФ предусматривает, что прекращение уголовного преследования не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражают, в том числе в связи с истечением сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). В этом случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.

Причем правоохранительные органы могут осуществлять преследование неопределенно долго, продлевать срок предварительного следствия, проводить дополнительные следственные действия и применять меры пресечения, в том числе и заключение под стражу.

Конституционный Суд РФ указал, что это ставит подозреваемого или обвиняемого в состояние неопределенности относительно правового положения, не гарантируя в системе действующего правового регулирования разрешения дела в разумные сроки. Поскольку в этом случае лицу не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, не допускается заключение его под стражу в порядке применения меры пресечения². Безусловно, эти же требования должны распространяться и на применение задержания как меры процессуального принуждения, связанной с лишением лица свободы. Данное правило не касается лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным заключением, в связи с чем ст. ст. 91 и 97 УПК РФ Федеральным законом от 13 июля 2023 г. № 220-ФЗ были дополнены частями третьими³.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ дополнен положениями, которые предусматривают возможность задержания лица, подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в условиях военного положения, на срок до 30 суток и предъявления ему обвинения в течение 45 суток с момента задержания. Об этом говорится в п. 11 ст. 5; ч. 1 ст. 10; чч. 2 и 3 ст. 94; чч. 1 и 2 ст. 100 УПК РФ⁴.

Содержание чч. 2 и 3 ст. 94 УПК РФ дает повод для размышлений о возможности продления задержания в условиях военного положения. Вместе с тем системный анализ ст. ст. 5, 10, 94, 100, 108 УПК РФ не позволяет ответить на этот вопрос положительно.

В законе появилось положение о регулировании ситуации, когда появляются обстоятельства, исключающие возможность непосредственного участия подозреваемого в судебном заседании в порядке ч. 4 ст. 108 УПК РФ. Суд может принять решение об участии подозреваемого в таком заседании путем использования систем видео-конференц-связи⁵.

² По делу о проверке конституционности части второй ст. 27 УПК РФ и пункта «в» ст. 78 УК РФ в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-П.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июля 2023 г. № 220-ФЗ.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ.

⁵ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ.

Прошедшая реформа по объединению научных специальностей, включенных в уголовно-правовые науки (шифр 5.1.4), оказала влияние на комплексное, межотраслевое рассмотрение теоретических и практических проблем задержания. Оно направлено на установление правовой природы и определение отраслевой принадлежности, восполнение недостаточного правового регулирования, устранение имеющихся противоречий, выявление общих признаков и отличительных черт [16–18].

Список источников

1. *Стенограмма речи Президента Российской Федерации В. В. Путина на пленарном заседании XXV Петербургского международного экономического форума 17 июля 2022 г.* URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-plenarnogo-zasedaniya-peterburgskogo-mezhdunarodnogo-ekonomicheskogo-foruma-17-06-2022.html> (дата обращения: 22.11.2023).

2. *Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина с Посланием Федеральному собранию Российской Федерации.* URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010/page/3> (дата обращения: 22.11.2023).

3. *Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год* // Рос. газета. 2023. 16 мая.

4. *Александрова И. А., Александров А. С.* Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. 2013. № 1.

5. *Фетищева Л. М.* Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

6. *Булатов Б. Б., Муравьев К. В.* Институт мер пресечения в УПК Российской Федерации: динамика развития и перспективы совершенствования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.

7. *Ковтун Н. Н.* Концепция судебной реформы (1991 г.) реализована: что бы нам еще срочно так реформировать // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения проф. Б. Я. Гаврилова) : сб. науч. ст. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 1. М., 2023.

8. *Шаталов А. С.* Результаты научных исследований уголовно-процессуальной тематики как ресурс развития отраслевого законодательства // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения проф. Б. Я. Гаврилова) : сб. науч. ст. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 1. М., 2023.

9. *Тутынин И. Б.* Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.

10. *Тутынин И. Б.* Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.

11. *Лыга А. П.* Меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2023.

12. *Андроник Н. А.* Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022.

13. *Квык А. В.* Меры пресечения, избираемые по инициативе суда на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.

14. *Замуруева Е. Ю.* Общие условия применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.

15. *Вастьянова О. В.* Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022.

16. *Булатов Б. Б., Борбат А. В., Павлов А. В.* Задержание в системе законодательства о борьбе с преступностью // Российский следователь. 2022. № 10.

17. *Борбат А. В., Борков В. Н., Булатов Б. Б.* Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты незаконного задержания (ч. 1 ст. 301 УК РФ) // Российский следователь. 2023. № 2.

18. *Николюк В. В.* Позиции ВС РФ по задержанию и заключению под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания. Практика применения // Уголовный процесс. 2023. № 7.

А. А. Бондаренко, Е. Е. Коробкова

При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу «лучше» быть предпринимателем, чем несовершеннолетним

Заключение под стражу, являясь самой строгой мерой пресечения, наиболее существенно ограничивающей конституционное право на личную неприкосновенность, остается одним из самых востребованных

объектов законотворчества. Законодатель, преследуя цель либерализации института мер уголовно-процессуального принуждения в целом и заключения под стражу в частности, идет по пути совершенствования оснований и усложнения порядка ее избрания. Подобные изменения нормативного регулирования вызывают особый интерес в тех случаях, когда они выражены в форме изъятий из общей процедуры, которыми, в частности, являются основания и порядок заключения под стражу предпринимателей и несовершеннолетних (чч. 1¹, 2 ст. 108 УПК РФ).

Реализация нормативных положений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу всегда сопровождается поиском баланса между частным и публичными интересами, а значит, принимаемые решения должны основываться на принципах справедливости и формального равенства всех участников уголовного процесса перед законом и судом. Вместе с тем сложно признать, что эволюция специальных порядков избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении представителей бизнеса и несовершеннолетних происходит последовательно и равномерно. Только за 2023 г. законодатель внес изменения в шесть нормативных положений, прямо или опосредованно касающихся и усложняющих арест предпринимателей. При этом порядок решения вопроса о содержании под стражей несовершеннолетних остается статичным. Сравним отдельные элементы.

1. *Формулирование оснований заключения под стражу.* Нормативное положение, конкретизирующее основания заключения под стражу несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 108 УПК РФ), сохраняет свою редакцию с момента принятия уголовно-процессуального закона и сформулировано, опираясь на международное законодательство (ст. 13 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29 ноября 1985 г.), определяющее содержание несовершеннолетнего под стражей до суда лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени.

Реализация международного правила в отечественном законодательстве получила форму дифференциации возможности заключения под стражу несовершеннолетнего в зависимости от тяжести совершенного преступления. При наличии к тому оснований уголовно преследуемый несовершеннолетний, как и взрослый¹, может быть заключен под стражу при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исклю-

¹ На этом делается акцент в специально выделенной главе УПК РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 423 УПК РФ данная мера принуждения в отношении несовершеннолетнего применяется в порядке, предусмотренном ст. ст. 91, 97, 99, 100 и 108 УПК РФ.

чительных случаях — при совершении преступления средней тяжести. Арест несовершеннолетнего, совершившего преступление небольшой тяжести или средней тяжести в возрасте до 16 лет, не допускается, поскольку наказание в виде реального лишения свободы этим категориям несовершеннолетних не назначается². Прослеживается естественный баланс между наличием «возможности назначения строгого наказания и возможностью оказания соразмерного уголовно-процессуального воздействия при наличии к тому оснований» [1, с. 133].

Обратим внимание, закон не раскрывает содержания «исключительности» для случаев преследования несовершеннолетнего за совершение преступления средней тяжести. На первых этапах реализации нормы правоприменитель ориентировался на перечисленные в ч. 1 ст. 108 УПК РФ условия, позволяющие заключать лицо под стражу даже в тех случаях, когда возможное наказание за совершенное преступление не превышает трех лет. Вместе с тем преступления, отнесенные к категории средней тяжести, имеют санкции и строже обозначенной (до 5 лет лишения свободы — ст. 15 УК РФ), что привело к более широкому и, на наш взгляд, правильному толкованию. В частности, суды стали понимать под «исключительностью» такие обстоятельства, как: неоднократное совершение преступлений; групповой характер и роль в нем именно несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) как ведущего; отсутствие у несовершеннолетнего родителей, попечителей и других заменяющих их лиц, постоянного места жительства, занятий, в силу чего велика вероятность того, что он скроется; установление желания на воспрепятствование производству по делу, нарушение правил избранной ранее меры пресечения, не связанной с заключением под стражу; повторное нарушение порядка и условий освобождения при условном осуждении; направленность умысла, дерзость, агрессивность преступных действий; поведение после совершения преступления; отсутствие определенных занятий; преступные связи³.

Сформировавшийся подход, когда законодатель предусматривает разрешительный — специальный порядок, а правоприменитель реагирует на расставленные акценты, опираясь на обстоятельства конкретного уголовного дела, дает позитивные результаты. Сохраняется положитель-

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий (пункт 10) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41.

³ Справка Самарского областного суда о результатах обобщения судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних. URL: http://oblsud.sam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=303 (дата обращения: 23.11.2023).

ная тенденция уменьшения количества обращений с ходатайствами в суд о заключении несовершеннолетнего под стражу — за последние десять лет их число сократилось в 13 раз: с 9217 — в 2008 г. до 714 — в 2022 г.⁴

К сожалению, подобный опыт не был воспринят законодателем при формулировании особенностей заключения под стражу представителей бизнеса. До 13 июня 2023 г. нормативное положение ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ содержало безальтернативный запрет на заключение под стражу лиц, совершивших преступления экономической направленности, что справедливо получало критическую оценку в сравнении с основаниями избрания названной меры пресечения по отношению к несовершеннолетним. Согласимся с авторами, указывающими на обоснованность подобного изъятия только в отношении граждан, находящихся в заведомо менее защищенном положении в силу физической или психической несостоятельности, к которым вряд ли можно отнести лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью с целью получения прибыли [2, с. 15; 3, с. 25].

Кроме того, анализ уголовного закона в части составов преступлений, которые перечислены как «предпринимательские» (ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ), показал, что государство за большую часть таких деяний предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, а многие отнесены к категории тяжких. То есть санкция в виде лишения свободы на весьма серьезные сроки есть, возможности «обеспечить» свое негативное поведение, направленное на сокрытие от органов расследования, воспрепятствование производству по делу, также имеются, однако, в сравнении с несовершеннолетними, соразмерной уголовно-процессуальной формы воздействия в виде водворения такого «предпринимателя» в следственный изолятор нет.

С принятием Федерального закона № 217-ФЗ от 13 июня 2023 г.⁵ законодатель, на первый взгляд, отказался от «отрицающей» формулировки нормативного положения, однако, как представляется, сам запрет не только не устранен, но оказался усиленным. Персонально для предпринимателей перечислены такие же условия⁶, которые перечислены в ч. 1 ст. 108 УПК РФ для всех иных категорий подозреваемых (обвиняемых), привлекаемых к уго-

⁴ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции / Сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=841> (дата обращения: 23.11.2023).

⁵ О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ.

⁶ Чтобы определить, совершено ли преступление в сфере предпринимательской деятельности, должна быть установлена личность подозреваемого (обвиняемого), поэтому соответствующее этому условие в качестве исключительного не предусмотрено.

ловной ответственности за совершение преступлений с санкцией в виде лишения свободы на срок менее трех лет: подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или суда.

Другими словами, независимо от категории преступления, характера и направленности причиненного вреда — в отношении государства, частных лиц, или деяние затронуло только коммерческих субъектов, — правоприменителю не оставили выбора, кроме как, даже при наличии прогноза противоправного поведения подозреваемого (обвиняемого), «позволить» ему скрыться или нарушить режим избранной меры пресечения, а потом (если не будет поздно), водворить последнего в следственный изолятор. Должного обоснования такого подхода на обсуждение юридической общественности не представлялось⁷.

Спорность безальтернативного запрета на заключение предпринимателя под стражу наиболее рельефно прослеживается по сложносоставным уголовным делам, когда лицо обвиняется в совершении нескольких преступлений. При расследовании уголовного дела может не фиксироваться прямого нарушения избранной меры пресечения, лицо не скрывается, вместе с тем, вероятность его противоправного поведения повышается с увеличением объема производства за счет выявленных новых преступлений. Очевидна разница между единичным случаем совершенного преступления и серией преступлений в несколько десятков. В доступных для изучения авторами уголовных делах о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности обвиняемые находились в розыске как скрывшиеся от органов расследования, потому что у следователя в силу прямого запрета не было возможности избрать меру пресечения в виде заключения под стражу, хотя противоправное поведение преследуемого лица прогнозировалось по количеству совершенных преступлений, характеру и размеру причиненного вреда, имелось оперативное подтверждение возможного противоправного поведения.

Представляется, что правовая конструкция «исключительности», которая толкуется с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела и лично-

⁷ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об уточнении оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и продления сроков содержания под стражей в отношении субъектов предпринимательской деятельности и членов органов управления коммерческих организаций) : проект федерального закона № 253849-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/253849-8> (дата обращения: 23.11.2023).

сти подозреваемого (обвиняемого), фактически применяемая в отношении несовершеннолетних, показала свою эффективность и должна быть принята законодателем как уместная и для тех, кто совершил преступление в сфере предпринимательской деятельности. При этом категория «исключительности» не устраняет обязанности каждый раз обсуждать возможность избрания альтернативной заключению под стражу меры пресечения.

2. *Порядок избрания меры пресечения.* Запрет заключения под стражу предпринимателей дополняется и усложненным порядком как самого избрания меры пресечения, так и в целом расследования уголовного дела. Упомянувшимся выше Федеральным законом № 217-ФЗ ст. 108 УПК РФ дополнена требованием к содержанию постановления о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства — если органы расследования считают, что общеуголовные преступления, перечисленные в ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ, совершены не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, то обстоятельства, это подтверждающие, должны найти отражение в ходатайстве в виде конкретных фактических сведений. Этим же Законом предусмотрена более четко гарантированная процедура продления сроков предварительного расследования до 3 месяцев (60 суток), предусматривающая согласование соответствующего ходатайства с руководителем следственного органа (прокурором) уровня субъекта РФ.

В отношении несовершеннолетних подобное или иное усложнение порядка не предусмотрено и не является предметом обсуждения субъектами, обладающими законодательной инициативой. Единственное, на чем делается акцент, это необходимость в каждом случае обсуждать возможность отдачи несовершеннолетнего под присмотр в порядке, установленном ст. 105 УПК РФ (ст. 423 УПК РФ), заметим, без специального нормативного требования к содержанию ходатайства следователя. Одновременно с этим обращает на себя внимание «отсутствие в УПК РФ обязанности по закреплению в материалах уголовного дела самого факта обсуждения вопроса об отдаче несовершеннолетнего под присмотр (ч. 2 ст. 423). Этот пробел не позволяет объективно оценивать качество исполнения данной процессуальной обязанности должностным лицом, осуществляющим производство по уголовному делу» [4, с. 100–105]. Судебная практика свидетельствует о том, что при рассмотрении ходатайства следователя об избрании в отношении несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе судебного заседания в каждом случае обсуждается вопрос о возможности отдачи его под присмотр. При отсутствии такой возможности суд приводит в постановлении или в приговоре

убедительные данные, свидетельствующие о невозможности применения альтернативной меры пресечения⁸.

Стоит в этой связи обратить внимание на то, что нормы об основаниях, процедуре избрания исключительно ювенальной меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним, а также положения, определяющие ее содержание, очень долгий период времени размещались в главе «Производство по делам несовершеннолетних». Такой прием законодательной техники воспринимался специалистами позитивно. Однако они, по воле законодателя, покинули специальную главу, объединяющую процессуальные правила для несовершеннолетних, и появился риск утраты ими статуса специализированных норм, имеющих преимущество над общими нормами, спровоцировав тем самым усложнение правового регулирования меры пресечения в виде заключения под стражу [5].

Представленные рассуждения, основанные на сравнении формулирования оснований и порядка избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, и в отношении несовершеннолетних, даже без возможного продолжения подводят к выводу — при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу «лучше» быть предпринимателем, чем ребенком. В правильном ли направлении мы движемся?

Список источников

1. *Муравьев К. В.* Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017.

2. *Фетищева Л. М.* Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

3. *Булатов Б. Б., Муравьев К. В.* Институт мер пресечения в УПК Российской Федерации: динамика развития и перспективы совершенствования // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2021. № 6.

4. *Дежнев А. С.* Реализация социальных функций семьи при передаче несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого под присмотр // *Уголовное право.* 2011. № 6.

5. *Коробкова Е. Е.* Организация российского законодательства об уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних // *Мировой судья.* 2022. № 11.

⁸ *Определение Верховного Суда РФ от 16 октября 2007 г. № 16-007-47 ; Определение Верховного Суда РФ от 24 сентября 2009 г. № 38-О09-26 ; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 ноября 2012 г. № 93-О12-4сп.*

Б. Б. Булатов (мл.)

О возможности применения мер уголовно-процессуального принуждения к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера

Процессуальное положение лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, было предметом широкой дискуссии на страницах научной печати. В большей части обсуждению подвергались вопросы возможности реализации психически больным лицом своих прав, а также его личного участия при производстве по уголовному делу. Причины такого интереса известны. Потребовалось соответствующее внимание Конституционного Суда РФ¹, после которого в УПК РФ были внесены соответствующие изменения².

В настоящей статье обратим внимание на вопрос о возможности применения мер процессуального принуждения в отношении лица, страдающего психическим расстройством.

Специальной мерой принуждения, которая может применяться к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, является временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 435 УПК РФ). По своему характеру данная мера принуждения приближена к заключению под стражу, с присущей спецификой, обусловленной психическим состоянием лица, в отношении которого она применяется, и необходимостью не только изоляции, но и излечения последнего.

Как указал Конституционный Суд РФ, перевод лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, представляет собой временную принудительную меру в рамках уголовно-процессуальных отношений. Эта мера способствует предупреждению совершения в дальнейшем лицом, психическое расстройство

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2007 г. № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 48. Ч. 2, ст. 6030. С. 13208–13216.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 323-ФЗ.

которого связано с возможностью причинения им существенного вреда самому себе либо окружающим и которое (как в силу им содеянного, так и вследствие заболевания) представляет опасность не только для себя, но для общества, общественно опасных деяний. Одновременно с этим такая мера обеспечивает необходимые условия для обследования и лечения этого лица, включая производство дополнительной судебно-психиатрической экспертизы, если его психическое состояние первоначально не позволяло дать ответ на все требующие специального исследования вопросы³.

В части возможности применения мер пресечения и иных мер процессуального принуждения в рамках производства о применении принудительных мер медицинского характера ситуация не столь однозначна. В юридической литературе по данному вопросу встречаются разные суждения. Например, П. С. Элькин писал, что при производстве по применению принудительных мер медицинского характера меры пресечения не избираются [1, с. 60–61]. Т. А. Михайлова считала, что в определенных случаях по данной категории уголовных дел должны применяться специальные меры изоляции, предусмотренные для душевнобольных, представляющих опасность для общества. Эта изоляция предусматривает помещение такого лица в психиатрическую больницу и его лечение [2, с. 33].

Во многом схожей позиции придерживаются современные авторы.

Р. М. Шагеева полагает, что меры пресечения по данной категории уголовных дел не могут быть применены. Однако целесообразно говорить о применении мер безопасности к психически больному лицу, которые могут быть связаны с изоляцией от общества (помещение в специальное психиатрическое учреждение), и без изоляции, с установлением надзора (присмотр законных представителей, других лиц, медицинских учреждений) [3, с. 95].

Ж. А. Бажукова ставит под сомнение возможность содержания лица, в отношении которого ведется особое производство, под стражей. В частности, указывает, что в случае, когда у лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, отмечается обострение психического расстройства, требующее срочной госпитализации, либо заключением судебно-психиатрической экспертизы у него диагностировано заболевание психики с рекомендацией применения к подэкспертному принудительного лечения, мера пресечения в виде содержания под стражей применена быть не может [4, с. 21–24].

³ По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К. : постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2018 г. № 20-П.

Приведенные суждения понятны. Закон в данной части действительно не содержит однозначного и исчерпывающего правового регулирования.

С одной стороны, лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, формально не является ни подозреваемым, ни обвиняемым. В связи с чем отсутствуют правовые основания применения к такому субъекту как мер пресечения, так и иных мер процессуального принуждения.

С другой стороны, в ч. 2 ст. 443 УПК РФ указано, что если лицо не представляет опасности по своему психическому состоянию, то суд выносит постановление о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера. Одновременно суд решает вопрос об отмене меры пресечения. Аналогичное разъяснение содержится в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера».

Приведенное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что возможно применение мер пресечения и, как следствие, иных мер процессуального принуждения в отношении лица, страдающего психическим расстройством. Такое понимание вопроса нам более близко в связи со следующим.

Как указал Конституционный Суд РФ, лицо, к которому в качестве меры пресечения было применено содержание под стражей и которое затем было госпитализировано в специализированную медицинскую организацию в принудительном порядке, не утрачивает своего уголовно-процессуального статуса в качестве лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу (даже если его психическое состояние не позволяет осуществлять в отношении него в конкретный момент следственные действия), по крайней мере, до принятия иного процессуального решения⁴.

Лицо, в отношении которого ведется производство по делу о применении принудительной меры медицинского характера, по существу участвует в совершении деяния, запрещенного уголовным законом. Именно в указанной связи такому субъекту должно быть предоставлено право лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные ст. ст. 46 и 47 УПК РФ процессуальные права, если его психическое состояние позволяет ему осуществлять такие права.

⁴ По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К. : постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2018 г. № 20-П.

Вместе с тем участие лица при производстве по уголовному делу и возможность личной реализации им своих прав всегда сопряжено с выполнением обязанностей, предусмотренных законом. С учетом характера процессуального положения лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, обязанности последнего должны быть аналогичны обязанностям подозреваемого, обвиняемого. Например, являться по вызовам следователя и суда, не препятствовать ходу предварительного расследования, не уничтожать доказательства и т. д.

Такой вывод обусловлен в первую очередь тем, что если лицо по своему психическому состоянию может реализовывать принадлежащие ему права, то оно также имеет возможность осознавать характер возлагаемых на него обязанностей. В указанной связи, в случае невыполнения последних, у государства должно возникать право применять меры процессуального принуждения. Иное понимание данного вопроса, как представляется, не будет способствовать достижению баланса публичных и частных интересов при производстве по уголовному делу.

Список источников

1. Элькин П. С. Расследование и судебное рассмотрение дел о невменяемых. М., 1959.

2. Михайлова Т. А. Производство по применению принудительных мер медицинского характера : метод. пособие. М., 1987.

3. Шагеева Р. М. Проблемы применения принудительных мер медицинского характера. М., 2007.

4. Бажукова Ж. А. О неразрешенных вопросах досудебного производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера // Администратор суда. 2017. № 1.

О. Д. Вастьянова

К вопросу о комбинированном применении мер пресечения в виде залога и запрета определенных действий

Мера пресечения в виде запрета определенных действий¹ представлена в УПК РФ на протяжении нескольких лет, ежегодно демонстрирует положительную тенденцию увеличения количества ходатайств об ее из-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 17, ст. 2421.

брани и их удовлетворении [1], однако на страницах печати не умолкает полемика, связанная с некоторыми аспектами ее применения.

Рассмотрим отдельные вопросы комбинированного применения меры пресечения в виде запрета определенных действий в рамках регулирования отношений участников уголовного процесса.

В соответствии с положениями УПК РФ, а именно ч. 8¹ ст. 106 УПК РФ, при избрании залога в качестве меры пресечения суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, при этом действие запретов, предусмотренных пп. 2–6 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, продолжается до отмены или изменения меры пресечения в виде залога. Однако срок соблюдения запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, определяется чч. 9 и 10 ст. 105¹ УПК РФ, т. е. нормой, регулирующей применение меры пресечения в виде запрета определенных действий. Таким образом, при комбинировании мер пресечения в виде залога и запрета определенных действий, ограничения свободы, составляющие суть запрета определенных действий, различаются не только по содержанию и степени ограничения свободы подозреваемого или обвиняемого, но и процедурно. Также в случае применения залога с запретом на выход из жилого помещения прослеживается замысел законодателя, направленный на одновременное применение двух мер пресечения, что противоречит ст. 97 УПК РФ в действующей редакции.

Кроме того, неясны последствия нарушения как «комбинированной» меры пресечения в виде залога с соблюдением запретов, предусмотренных пп. 2–6 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, так и применения «сочетания» залога и запрета на выход из жилого помещения. В частности, в случае нарушения возложенных ограничений при применении меры пресечения в виде залога, не ясно, следует ли расценивать данное нарушение как нарушение меры пресечения в виде залога, которое может повлечь правовые последствия, в том числе указанные в ч. 9 ст. 106 УПК РФ — обращение залога в доход государства, либо как нарушение меры пресечения в виде запрета определенных действий.

В создавшейся ситуации правоприменитель сталкивается с неоднозначностью применения рассматриваемых норм уголовно-процессуального права ввиду недостаточного объема практики применения комбинированного залога с запретами и ограничениями, предусмотренными ст. 105¹ УПК РФ, а также ввиду отсутствия конкретизации норм закона о порядке обращения залоговых средств в доход государства при нарушении запретов.

Отметим, что согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2022 г. судами удовлетворено 2354 ходатайства органов, осуществляющих предварительное расследование, о возложении обязанностей на обвиняемого (подозреваемого) по соблюдению запретов при избрании залога и домашнего ареста, а за 1-е полугодие 2023 г. удовлетворено 1420 таких решений². Однако по указанным данным анализ как избранных запретов, так и их нарушений, в том числе с последующими последствиями для залогодателя, на данный момент затруднителен.

Урегулирование данного вопроса создаст более эффективное поле для использования инструментария комбинированного применения мер пресечения.

Согласимся с точкой зрения А. О. Бекетова, который подчеркивает, что при нарушении наложенных запретов в рамках применения мер пресечения в виде залога и домашнего ареста необходимо констатировать нарушение соответствующей меры пресечения, которое влечет за собой правовые последствия [1].

В качестве положительного примера решения указанной проблемы на практике можно привести постановление Октябрьского районного суда г. Красноярск об изменении меры пресечения в виде залога с возложением дополнительных запретов на меру пресечения в виде заключения под стражу, в ходе вынесения которого были выявлены нарушения со стороны обвиняемой возложенного на нее запрета на выход из жилого помещения (подтвержден ФКУ УИИ ГУФСИН России по Красноярскому краю), а также неоднократные нарушения запрета отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», в том числе для общения с лицами, не являющимися близкими родственниками. Кроме того, судом учтено, что обвиняемая не явилась в судебное заседание по рассмотрению настоящего ходатайства следователя, будучи извещенной о дате судебного заседания. То есть, систематическое нарушение возложенных на обвиняемого запретов послужило основанием для изменения меры пресечения в виде залога на более строгую [3].

Резюмируя изложенное, учитывая законодательную конструкцию ст. 97 УПК РФ, приходим к выводу о том, что правоприменитель может избрать одну меру пресечения, в нашем случае — залог, и дополнительно возложить запреты и ограничения, предусмотренные ч. 6 ст. 105¹

² Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2018–2023 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 28.10.2023).

УПК РФ. При нарушении запретов и ограничений, возложенных дополнительно к мере пресечения, обвиняемый (подозреваемый) нарушает не только запреты, но и полностью меру пресечения, что приводит к правовым последствиям в виде обращения залога в доход государства.

Список источников

1. Бекетов А. О. Запрет определенных действий, залог, домашний арест: рокировка принудительного потенциала // Общество и право. 2022. № 3.

2. Архив Октябрьского районного суда г. Красноярск (материал №3/14-17/202).

Д. А. Воронов

Ограничение права на труд в рамках временного отстранения от должности и запрета определенных действий

В Конституции Российской Федерации закреплено, что каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37). Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации предусмотрена возможность ограничения указанного права в рамках временного отстранения от должности (ст. 114) и запрета определенных действий (ст. 105¹). Временное отстранение от должности — специальный правовой инструмент, предназначенный для приостановления конкретной трудовой деятельности подозреваемого или обвиняемого. Запрет определенных действий может препятствовать реализации права на труд в силу характера установленных судом ограничений. Названные меры уголовно-процессуального принуждения применяются как по отдельности, так и одновременно.

Основания применения указанных мер закреплены в разных статьях УПК РФ и не совпадают буквально, но фактически они тождественны. Мера пресечения может быть избрана при наличии обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Временное отстранение от должности применяется в соответствии с ч. 1 ст. 111 и ч. 1 ст. 114 УПК РФ¹. Опираясь на данные нормы, Конституционный Суд РФ заключает, что временное от-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щербинина А. В. на нарушение его конституционных прав положениями части третьей статьи 50, части шестой статьи 114, пункта 8 части второй статьи 131 и части второй статьи 248 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 г. № 429-О.

странение от должности, как и мера пресечения, применяется при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый, обвиняемый, оставаясь на занимаемой им должности, продолжит преступную деятельность, будет угрожать участникам уголовного судопроизводства или другим способом воздействовать на них с целью добиться с их стороны определенных действий или решений, сможет уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу [1].

Временное отстранение от должности позволяет предупредить или пресечь перечисленные действия подозреваемого или обвиняемого путем лишения его возможности использовать полномочия, которыми он наделен в силу замещаемой должности. Запрет определенных действий не влечет изменение правового положения работника в части его прав и обязанностей. Вместе с тем возложение на подозреваемого, обвиняемого определенных ограничений может препятствовать осуществлению им трудовой деятельности, в том числе дистанционно.

Временное отстранение от должности приостанавливает трудовую деятельность де-юре, запрет определенных действий — де-факто. При отстранении от должности подозреваемый или обвиняемый может продолжать посещать место работы, общаться с коллегами, если это не запрещено режимом посещения или иными локальными правилами. Как справедливо заметил Ф. Н. Багаутдинов, «можно руководить государственным предприятием, находясь под домашним арестом», «должностные лица, находясь за решеткой, формально продолжают оставаться на своих должностях и, более того, активно используют их, препятствуя расследованию. Поэтому принятие решения о временном отстранении обвиняемого от должности возможно и даже необходимо и при заключении его под стражу» [1]. Запрет определенных действий, напротив, не лишая права осуществлять трудовую деятельность, может лишить возможности реализовать его.

Временное отстранение от должности и запрет определенных действий должны применяться в зависимости от того, что именно представляет угрозу нормальному ходу уголовного судопроизводства — реализация подозреваемым, обвиняемым своих должностных полномочий или его возможность посещать место работы, пользоваться служебными техническими средствами, иметь доступ к местам хранения информации, базам данных и иным объектам, коммуницировать с другими работниками или иными лицами. Если необходимо исключить и первое и второе, то применению подлежат обе меры уголовно-процессуального принуждения одновременно.

Практика применения запрета определенных действий показала, что в случаях, когда данная мера пресечения ограничивает право на труд,

возникает вопрос о праве подозреваемого, обвиняемого на получение ежемесячного государственного пособия, которое выплачивается при временном отстранении от должности (ч. 6 ст. 114 УПК РФ).

Так, суд, избрав меру пресечения в виде запрета определенных действий, установил запрет общаться с потерпевшими и свидетелями, использовать средства связи и сети «Интернет», а также находиться по месту своей работы. Сторона защиты обжаловала данное решение, утверждая, что суд лишил обвиняемую возможности получать заработную плату, фактически применив в ее отношении временное отстранение от должности, но без обеспечения права получать ежемесячное пособие в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (п. 8 ч. 2 ст. 114 УПК РФ).

Решение суда оставлено без изменения. Судами апелляционной и кассационной инстанций указано, что запрет нахождения заявительницы по месту работы является правомерным, поскольку инкриминируемое преступление связано с ее трудовой деятельностью, и там в настоящее время работают сотрудники, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей по уголовному делу. Кроме того, ее нахождение по месту работы делало бы невозможным исполнение других установленных судом запретов. Доводы о фактическом временном отстранении от должности отвергнуты как не являющиеся предметом рассмотрения, поскольку изучался вопрос о законности одного из запретов, установленных судом при избрании меры пресечения.

Обвиняемая обратилась в Конституционный Суд Российской Федерации с просьбой признать положения УПК не соответствующими Основному закону страны, поскольку они не предусматривают при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, в частности запрета нахождения по месту своей работы, право подозреваемых, обвиняемых на выплату в период действия таких ограничений ежемесячного государственного пособия.

Орган конституционного контроля не принял жалобу к рассмотрению по формальным основаниям. При этом отмечено, что возможность применения временного отстранения от должности вместо запрета определенных действий либо наряду с ним не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации².

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шавелькиной К. В. на нарушение ее конституционных прав статьей 105¹ и пунктом 8 части второй статьи 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2022 г. № 3552-О.

Применение временного отстранения от должности вместо запрета определенных действий или наряду с ним не привело бы к обозначенной ситуации. Проблема возникает только в случае избрания названной меры пресечения с установлением ограничений на трудовую деятельность без одновременного временного отстранения от должности.

Полагаем, что для таких случаев в статье 105¹ УПК РФ необходимо определить порядок рассмотрения судом по ходатайству стороны защиты вопроса о выплате соответствующего пособия, если устанавливаемые запреты препятствуют трудовой деятельности, а временное отстранение от должности не применяется.

Следует учитывать, что временное отстранение от должности неприменимо к лицам, не состоящим в определенной должности и трудовых отношениях с работодателем, например индивидуальным предпринимателям и самозанятым. Дальнейшая трудовая деятельность таких лиц может позволить им продолжить совершать преступления, например, набирающее обороты мошенничество в киберпространстве [2]. В таких случаях может быть использован запрет определенных действий.

Порядок избрания мер пресечения, в том числе запрета определенных действий, детально урегулирован. Процедура же принятия судом решения о временном отстранении от должности прямо не закреплена.

О. В. Химичева, обращая внимание на отсутствие законодательных установок в этой области, предлагала в целях исключения нарушения прав личности распространить на принятие решения о временном отстранении от должности порядок, предусмотренный ст. 108 УПК РФ [3, с. 40].

Б. Б. Булатов и В. В. Николюк отмечали, что непрописанный порядок рассмотрения судьей ходатайства о временном отстранении от должности предопределяет ситуацию, в которой судебная практика вряд ли будет отличаться единообразием, отсутствием судебных ошибок, нарушений законности. Авторы предложили решить указанную проблему, распространив на порядок временного отстранения от должности положения ст. 165 УПК РФ [4, с. 89, 166]. Соглашаясь с таким подходом, принимаем во внимание следующее. Статья 165 УПК РФ регламентирует порядок получения разрешения на производство не только следственных действий, существенно ограничивающих конституционные права граждан, но и наложения ареста на имущество. Данная мера уголовно-процессуального принуждения и временное отстранение от должности обладают принудительным потенциалом одного уровня — они в известной степени ограничивают права, но не препятствуют свободе передвижения.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что гарантиями законности и обоснованности временного отстранения от должности, защиты трудовых прав подозреваемого, обвиняемого служат судебный порядок принятия соответствующего решения, позволяющий подозреваемому, обвиняемому, его защитнику в ходе судебного заседания высказать свою позицию по существу рассматриваемого вопроса, а также возможность обжалования такого решения³.

Полагаем, что для обеспечения возможности высказать свою позицию достаточно уведомления подозреваемого, обвиняемого о месте и времени судебного заседания. Обязательности их участия в нем, как это предусмотрено ч. 5 ст. 108 УПК РФ, не требуется.

Следует учитывать, что согласно ч. 2 ст. 165 УПК РФ соответствующее ходатайство должно быть рассмотрено судьей в течение 24 часов. Аналогичный срок для принятия решения о временном отстранении от должности — 48 часов (ч. 2 ст. 114 УПК РФ). Применению подлежит специальная норма о 48 часах.

Выше утверждалось, что в отдельных ситуациях необходимо применять временное отстранение от должности параллельно с запретом определенных действий. Можно ли в целях оптимизации процессуальной деятельности предусмотреть в УПК допустимость принятия комплексного решения о применении двух указанных мер? Такое решение представляется целесообразным. Фактическими основаниями для ограничения права на трудовую деятельность путем временного отстранения от должности и установления соответствующих запретов могут выступать одни и те же установленные по делу обстоятельства. Нет смысла разбивать на две процедуры решение взаимосвязанных вопросов с участием тех же лиц и оценкой тех же сведений.

На наш взгляд, не будет противоречить принципиальным установкам и не повлечет умаления прав участников уголовного процесса закрепление в УПК норм, согласно которым в рамках избрания мер пресечения, применяемых по решению суда, подозреваемый или обвиняемый по ходатайству стороны обвинения может быть временно отстранен от должности.

Список источников

1. Багаутдинов Ф. Н. Временное отстранение обвиняемого от должности // Законность. 2003. № 4.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Олега Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 114 и статьей 401¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2017 г. № 2219-О.

2. Дело инстаблогеров // РБК.Ру. URL: www.rbc.ru (дата обращения: 24.11.2023).

3. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.

4. Булатов Б. Б., Николюк В. В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России). М., 2003.

А. А. Давлетов

Проблема нормативного урегулирования задержания лица по подозрению в совершении преступления остается нерешенной

К моменту принятия УПК РФ проблема задержания лица по подозрению в совершении преступления приобрела особую актуальность, поскольку в УПК РСФСР 1960 г. была, по сути, лишь одна статья — 122, посвященная задержанию подозреваемого. В ней перечислялись основания задержания, назывались протокол, как документ оформления задержания, и сроки (72 часа), в течение которых надлежало решить вопрос об избрании к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу. Такая ситуация никак не соответствовала уровню конституционных требований, гарантирующих права, свободы и законные интересы личности в постсоветской России.

Многие юристы до принятия УПК РФ исследовали данную проблему, предлагая концептуальные решения [1–4].

В УПК РФ появилась отдельная глава 12 «Задержание подозреваемого», содержащая шесть статей (ст. ст. 91–96), в которой законодатель попытался закрепить процессуальный механизм, призванный сбалансированно удовлетворить публичные интересы органов уголовного преследования и частные интересы задержанного лица.

Однако, как справедливо заметил в 2003 г. профессор Б. Б. Булатов, «... в УПК РФ не удалось достичь такого уровня правового регулирования вопросов задержания подозреваемого, который бы максимально четко, полно и реально отражал объективные ситуации, сопровождающие задержание лиц по подозрению в совершении преступления» [5, с. 60]. И тут же автор называет причину такой неудачи: «К сожалению, законодатель не воспринял и не учел в полной мере имеющиеся в теории уголовного процесса положения, на основе которых были сконструированы

варианты моделей правового регулирования задержания граждан в связи с подозрением их в совершении преступлений» [5, с. 61].

В настоящее время о задержании лица идет речь в трех основных нормативных актах: Законе о полиции (ст. 14); Кодексе об административных правонарушениях (ст. ст. 27.3–27.5); УПК РФ (ст. ст. 91–96).

Поэтому следует вести речь о трех видах задержания: полицейском; административном; уголовно-процессуальном.

Такое многообразие видов задержания объясняется логикой деятельности правоохранительных органов в связи с обнаружением факта правонарушения и лица, его совершившего. Вначале действительный или предполагаемый правонарушитель подвергается физическому захвату, поимке, затем это лицо доставляется в правоохранительный орган, где после выяснения обстоятельств происшедшего оформляется юридическое решение о помещении лица под стражу сроком до 48 часов в связи с совершенным административным проступком или уголовным преступлением.

В этой конструкции выделяются два этапа: фактическое задержание, характеризующееся такими понятиями, как «захват», «поимка», «доставление»; юридическое (процессуальное) задержание, которое представляет собой решение уполномоченного должностного лица о кратковременном (до 48 часов) аресте лица с помещением в специальное пенитенциарное учреждение.

Фактическое задержание чаще всего осуществляется сотрудниками органов полиции и потому регулируется Федеральным законом «О полиции» (далее — Закон о полиции). Если лицо совершило административное правонарушение, то фактическое задержание трансформируется в административное и регулируется КоАП РФ. Если доставленное лицо подозревается в совершении преступления, то осуществляется уголовно-процессуальное задержание в соответствии со ст. ст. 91–96 УПК РФ.

Анализ норм, регулирующих задержание в Законе о полиции, КоАП РФ и УПК РФ, свидетельствует о несогласованности этих актов, что порождает неудовлетворительное состояние института этой меры государственного принуждения во всех трех его аспектах.

Закон о полиции призван регулировать фактическое задержание, т. е. порядок действий сотрудников полиции при поимке, удержании и доставлении лица, причастного к совершению правонарушения. Дальнейшее задержание (юридическое) осуществляется иными должностными лицами, в ином месте и на основе других нормативных актов — КоАП РФ и УПК РФ.

Статья 14 Закона о полиции не дает представления о сути и порядке фактического задержания.

Поскольку полицейские чаще всего осуществляют задержание «на месте», «на улице» при непосредственном обнаружении правонарушения и лица, его совершившего, то в ст. 14 Закона о полиции должно быть определение фактического задержания, его цель, основания и порядок действий от момента захвата до момента доставления в орган полиции и передачи тем должностным лицам, которые правомочны решать вопрос об административном или уголовно-процессуальном задержании.

Нетрудно заметить, что обстоятельства, указанные в ст. 91 УПК РФ: а) лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; б) потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление и т. д., — являются основаниями фактического задержания, поскольку проявляются при непосредственном обнаружении преступления, т. е. возникают «на улице» и фиксируются теми лицами (полицейскими), которые в данной ситуации оказались на месте правонарушения.

Поэтому обстоятельства, предусмотренные в ст. 91 УПК РФ, следует переместить в ст. 14 Закона о полиции, тогда как основаниями административного и уголовно-процессуального задержания выступают фактические обстоятельства, свидетельствующие о причастности лица к совершению проступка или преступления.

В такой конструкции по-иному предстает юридическое оформление задержания. В настоящее время в законе речь идет о трех протоколах задержания: полицейского (п. 14 ст. 14 Закона о полиции); административного (ст. 27.4 КоАП РФ); уголовно-процессуального (ст. 92 УПК РФ). Если протокол соответствует характеру и назначению полицейского задержания, то в административном и уголовном производстве правомерно выносить постановление как решение об ограничении свободы человека путем изоляции его от общества на определенное время.

Нуждаются в корректировке сроки исчисления задержания, что, в свою очередь, требует уточнения того момента, с которого следует начинать отсчет 48 часов. Попытка считать таковым момент фактического захвата, поимки лица чревато такими последствиями, что во многих случаях оставит на долю уголовно-процессуального задержания значительно меньший отрезок времени, чем и без того немногие 48 часов. Поэтому целесообразно исчислять начало административного и уголовно-процессуального задержания с момента доставления лица в помещение правоохранительного органа [6, с. 8–11].

Возникает множество других вопросов, нуждающихся в решении: о цели задержания, его условиях и мотивах; о правовом статусе задержанного, обеспечении его прав; продлении срока задержания и т. д.

Все эти вопросы, а в итоге — проблема задержания в целом, могут быть решены лишь системно, т. е. не обособленным исследованием того или иного вида задержания, а путем анализа двух взаимосвязанных этапов: фактического и юридического задержания как основы выработки концептуального подхода к уяснению и нормативному закреплению места, роли и порядка полицейского, административного и уголовно-процессуального задержания.

В 2001 г., незадолго до принятия УПК РФ, была представлена и успешно защищена кандидатская диссертация, в которой, по сути, была предложена концепция задержания по подозрению в совершении преступления, основанная на разграничении фактического (тогда милицейского) и юридического (уголовно-процессуального) задержания [7]. По прошествии более двух десятилетий эта конструкция остается актуальной и может быть использована в качестве основы нормативного решения проблемы задержания в уголовном процессе.

Список источников

1. Похмелкин В. А. Задержание по советскому уголовно-процессуальному законодательству // Советское государство и право. 1998. № 2.
2. Соловьев А. Д., Гельфанд И. А. Задержание подозреваемого и применение мер пресечения. Киев, 1964.
3. Березин М. Н., Гуткин И. М., Чувилев А. А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М., 1975.
4. Вечтомов С. В., Давлетов А. А. О совершенствовании процессуального порядка задержания подозреваемого // Советская юстиция. 1991. № 5.
5. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
6. Азаренок Н. В., Давлетов А. А. С какого момента следует исчислять срок задержания подозреваемого // Российский следователь. 2018. № 5.
7. Ретюнских И. А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

А. С. Дежнев

Проблемы правового регулирования наложения ареста на имущество в уголовном процессе

Необходимость защиты имущественных интересов граждан возникает по многим уголовным делам. Ущерб от преступлений остается довольно высоким. По официальным данным МВД России, в период с янва-

ря по сентябрь 2023 г. он составил 397 млрд руб. Указанный объем вреда не позволяет относить проблемы, связанные с арестом имущества к числу второстепенных. Многие из них обусловлены тем, что применение данной меры принуждения имеет межотраслевой, комплексный характер. Данный фактор требует от органов предварительного расследования и суда учета в своей деятельности ряда законодательных актов, регулирующих имущественные отношения.

В частности, используемое в ст. 115 УПК РФ понятие «имущество» не раскрывается законодателем в необходимом объеме. Сформулированная в п. 13¹ ст. 5 УПК РФ дефиниция имеет общий характер. Ее осмысление осуществляется с помощью достаточно широких категорий, таких как «любые вещи», «имущественные права», безотносительно к каким-либо объектам материального мира. Данное обстоятельство приводит к необходимости обращения правоприменителя к другим законодательным установлениям. Их выбор, как правило, определен конкретной ситуацией, вытекающей из обстоятельств уголовного дела.

Данный подход свидетельствует о том, что законодатель старается минимизировать регламентацию в УПК РФ вопросов имущественного характера. Полагаем, что это связано не только с их многообразием, но и с разной отраслевой принадлежностью. Указанный фактор приводит к «уходу» из уголовно-процессуального поля многих особенностей процедурного характера, связанных с арестом имущества. Применение совмещенных правил данной разновидности принуждения, разрешение вопросов конкуренции общих аспектов (ст. 115 УПК РФ) и частных особенностей оборота соответствующего вида имущества, закрепленных в других законодательных актах, усиливает роль усмотрения следователя, дознавателя и суда. Нередко встречаются коллизии норм различных законодательных актов.

Так, виды имущества, перечисленные в п. 13¹ ст. 5 УПК РФ, отличаются от сходной нормы, предусмотренной в ст. 128 ГК РФ. Уголовно-процессуальный закон не учитывает цифровые права и цифровые рубли. Другой законодательный акт к имуществу относит цифровую валюту¹, которая в УПК РФ не упоминается. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что рассматриваемая мера процессуального принуждения, благодаря межотраслевому регулированию, развитию экономических отношений, не может замыкаться исключительно на нормах УПК РФ.

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Рос. газета. 2020. 6 авг.

Ее развитие в определенной степени вызвано законодательными установлениями, лежащими за рамками уголовного судопроизводства.

Указанная специфика способствует повышенной активности Конституционного Суда РФ². Законодатель совершенствует представленный в ст. ст. 115, 115¹, 116 УПК РФ порядок лишь по мотивам принятых органом конституционного контроля решений. Этот подход нам представляется малопродуктивным. Давно назрела необходимость разработки комплексного подхода в развитии соответствующих уголовно-процессуальных отношений.

Некоторые проблемы известны довольно давно. Например, законодатель выделяет следующие цели наложения ареста на имущество: для обеспечения исковых требований, конфискации, штрафа и других имущественных взысканий. Однако основания их реализации пока не сформулированы. В сложившихся условиях определение законности действий суда при обжаловании вынесенного решения во многом осуществляется без опоры на формальные предписания законодателя. Полагаем, что рассматриваемая ситуация не вполне согласуется с современными тенденциями охраны имущественных интересов физических и юридических лиц.

Необходимо также обратить внимание на то, что круг лиц, на имущество которых допустимо налагать арест, не определен законодателем с исчерпывающей полнотой. В частности, состав «других лиц» в содержании ч. 3 ст. 115 УПК РФ не раскрыт, и при принятии решения о наложении ареста на имущество данная проблема дополняется отсутствием ясности в правовом статусе данных субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Допуская применение к ним мер принудительного характера, за-

² См., напр.: *По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой* : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; *По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена* : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Рос. газета. 2014. 31 окт. ; *По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой ЗАО «Глория»* : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П // Рос. газета. 2014. 24 дек.; и др.

конодатель не устанавливает возможные способы защиты их интересов. Между тем нельзя не учитывать то обстоятельство, что сам по себе арест имущества позволяет применять меры принудительного характера. Не исключено, что в ходе его производства могут ограничиваться интересы хранителей указанных материальных ценностей. Полномочия, связанные с защитой их интересов, законодатель не предусматривает. К тому же, помимо чужого имущества, в протокол могут попасть вещи, действительно принадлежащие «другим лицам». Полагаем, что этот недостаток законодательства нуждается в разрешении. Указанные участники уголовного процесса должны иметь возможность обжаловать действия соответствующих должностных лиц в части защиты своих имущественных интересов.

Достаточно важен комплекс вопросов, связанных с хранением имущества. Они решаются параллельно с расследованием и судебным разбирательством уголовных дел, что нередко требует больших временных затрат. В контексте исполнения рассматриваемой меры принуждения следователь, дознаватель, ориентированный на установление обстоятельств преступного события, с учетом предмета доказывания, вынуждены одновременно решать еще и другую задачу, связанную с проблемами собственности. В отдельных случаях для обеспечения сохранности арестованного имущества требуется заключение договоров хранения со специализированными организациями. Предусмотрены специальные правила учета и хранения такого рода предметов и документов³. Между тем, с учетом специфики современного характера товарно-денежных отношений, их многоплановости, часть вопросов остались неразрешенными. В первую очередь это касается цифровых активов граждан и предпринимателей.

Помимо этого, после вступления приговора в законную силу режим обеспечения сохранности ранее арестованного имущества лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми и не несущих по закону материальную ответственность за их действия, законодательно не определен. Закрепленные в ч. 3² ст. 6¹, ч. 3 ст. 115 и ст. 115¹ УПК РФ нормы, определяющие порядок установления и продления срока ареста имущества,

³ Об утверждении Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъятые, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 28 сентября 2023 г. № 1589.

не распространяются и, по всей видимости, не должны распространяться на отношения, связанные с исполнением приговора в части гражданского иска. Предусмотренная в ч. 9 ст. 115 УПК РФ возможность отмены ареста имущества, когда в этой мере отпадает необходимость, предполагает возможность ее сохранения лишь на период предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу, но не после окончания судебного разбирательства и вступления приговора в законную силу. С учетом данных обстоятельств возможность сохранения имущественных ограничений для лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми и не несущих по закону материальную ответственность за их действия, необходимо связывать с правовыми механизмами, закрепленными в других отраслях права, предусматривающими иные режимы обеспечения исковых требований участников правового спора⁴.

Этот подход Конституционный Суд РФ обосновывает тем, что сохранение ареста на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, в целях обеспечения гражданского иска после вступления приговора в законную силу означает несоразмерное и необоснованное умаление прав собственности. Оно не отвечает конституционным критериям справедливости и степени ограничений прав и свобод, не обеспечивает гарантии охраны собственности законом, вытекающие из принципа неприкосновенности собственности, а также гарантии судебной защиты. При этом сама по себе возможность сохранения имущественных ограничений указанных лиц Конституционным Судом РФ не исключается, но это должно происходить на основе частноправовых механизмов правового регулирования отношений собственности.

Ключевым нормотворческим посылом Конституционного Суда РФ в постановлении от 17 апреля 2019 г № 18-П (по делу И. В. Янмаевой) является тезис о допущении возможности возмещения причиненного преступлением вреда путем установления федеральным законодателем процедурных механизмов перевода ареста этого имущества из уголовного в гражданское (арбитражное) судопроизводство в случае признания в приговоре права на удовлетворение гражданского иска.

В настоящее время в УПК РФ отсутствует универсальный механизм перевода ареста этого имущества из уголовного в гражданское (арбитражное) судопроизводство. Соответствующий порядок должен

⁴ По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И. В. Янмаевой от 17 апреля 2019 г № 18-П : постановление Конституционного Суда РФ // Рос. газета. 2019. 29 апр.

быть выработан законодателем. До принятия необходимых изменений в УПК РФ при разрешении уголовных дел судам придется брать за основу достаточно общие оценочные категории, вытекающие из ч. 1 ст. 35 и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ и правовых позиций Конституционного Суда РФ, сформулированных в анализируемом решении.

Таким образом, есть комплекс проблем, которые не решаются законодателем достаточно давно. По мере развития общественных отношений появляются новые вопросы. Даже после принятия органом конституционного контроля ряда корректирующих решений говорить об устранении многих проблем в рамках заявленной темы исследования преждевременно.

Требуется законодательная инициатива, направленная на разработку комплексного подхода, предполагающего учет современных особенностей развития имущественных отношений в области ареста имущества по уголовным делам. Имеется насущная потребность в разработке отдельного законодательного акта, регулирующего отношения в сфере ареста имущества, либо в рамках самостоятельной главы УПК РФ.

Ю. В. Деришев

Освидетельствование: пределы принуждения

Законные интересы личностей, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, не должны ущемляться ни на йоту больше, чем это необходимо для достижения цели уголовного процесса

В. Т. Томин

Уголовное судопроизводство как наиболее «горячая сфера» взаимоотношений личности и государства во все времена было обеспечено державным принуждением, что наиболее ярко высвечивало проблему поиска баланса между эффективностью контроля преступности и правами человека, вовлеченного в этот процесс. Актуальность решения этой проблемы только нарастает. В связи с этим существенно замечание Б. Б. Булатова, на монографическом уровне исследовавшего данные проблемы: «становится все более очевидным, что возможности достижения целей уголовного судопроизводства, обеспечение его нормального хода во многом, если не напрямую, зависят от своевременности и эффективности использования соответствующими должностными лицами и судом имеющегося в их распоряжении потенциала государственного принуждения» [1, с. 4].

Публичность уголовного судопроизводства, несмотря на камуфлирование ее как принципа в действующем УПК РФ, вполне очевидна. Специально уполномоченные органы государства «от его имени и по его поручению» противостоят *ex officio* противоправному поведению, опасному для общества и государства, и должны обладать адекватными и достаточными средствами этой борьбы.

При этом значительной и значимой частью уголовно-процессуальной деятельности органов уголовного преследования и суда является производство следственных действий, одним из характерных и отличительных признаков которых и выделяется *обеспеченность государственным принуждением* [2, с. 17–19; 3, с. 58]. Пospорить с этим довольно сложно, хотя есть и иные позиции, связанные с классификацией следственных действий на принудительные и проводимые без принуждения [4, с. 41–42; 5, с. 263–264].

Даже история русского уголовного процесса свидетельствует об обратном, что констатировал И. Я. Фойницкий, выделявший среди общих мер принуждения «для потребностей правосудия» отдельной группой *меры получения доказательств*. Тем самым он признавал их ограничительный в отношении прав и интересов личности в государстве характер [6, с. 313–314].

Действие принципа публичности, а значит, необходимости и возможности принуждения в уголовном судопроизводстве, в частности при производстве следственных действий, достаточно основательно изучено в советской и постсоветской уголовно-процессуальной науке [7, с. 34; 8, с. 34–35; 9, с. 7]. Так, общепризнанный эксперт в данной сфере С. А. Шейфер однозначно признает, что «принуждение при ... любом следственном действии служит проявлением принципа публичности, в силу которого следователь по собственной инициативе должен осуществить все предусмотренные законом меры к получению необходимой доказательственной информации и потребовать от всех причастных лиц выполнения возложенных на них обязанностей» [10, с. 178].

Одним из остропроблемных следственных действий, производство которого *по логике* УПК РФ может сопровождаться принуждением, является *освидетельствование*, несмотря на то, что прямого указания на данную возможность в ст. 179 УПК РФ правоприменитель найти не сможет.

Вместе с тем вынесенное следователем постановление о производстве освидетельствования является обязательным для освидетельствуемого лица (ч. 2 ст. 179 УПК РФ), что *de jure* констатирует вероятность применения принуждения, избирательно сопровождающего данное след-

ственное действие в случае возникновения правового конфликта между следователем и освидетельствуемым, т. е. отказа последнего от освидетельствования.

На данное обстоятельство также указывает анализ ч. 1 ст. 179 УПК РФ, определяющей назначение освидетельствования. Так, оно может быть проведено в целях обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела и не только подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, *за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний*. Таким образом, в случае отсутствия такого согласия возможно принудительное освидетельствование даже свидетеля.

Косвенно на возможность ограничения конституционных прав освидетельствуемого, т. е. его принудительный характер, указывают также следующие положения закона. Освидетельствование проводится следователем, но не может заменить производство судебной экспертизы, когда она необходима в ходе производства по уголовному делу (ч. 1 ст. 179 УПК РФ). При необходимости следователь привлекает к участию в производстве освидетельствования врача или другого специалиста (ч. 3 ст. 179 УПК РФ), в том числе, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица (ч. 4 ст. 179 УПК РФ). Кроме того, фотографирование, видеозапись и киносъемка в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 179 УПК РФ, проводятся лишь с согласия освидетельствуемого лица.

Таким образом, освидетельствование может сопровождаться государственным принуждением, в том числе выражающемся в физическом воздействии к освидетельствуемому, *лишь при его проведении следователем*. Действительно, «в достижении целей уголовного судопроизводства не последнюю роль играет физическое принуждение, которое нередко сопровождает производство отдельных следственных, процессуальных действий, обеспечивает фактическое исполнение постановлений дознавателя, следователя, прокурора, суда. Его применение предполагается многими уголовно-процессуальными нормами и неизбежно в силу характера решаемого в рамках уголовного дела спора (уголовно-правового конфликта), что порождает комплекс правовых, организационных, психологических, медицинских, этических и других проблем» [1, с. 8]. В связи с этим приведем ряд соображений по данной проблематике.

1. Освидетельствование наукой уголовного процесса традиционно рассматривалось как разновидность осмотра, но в УПК РФ (как

и в УПК РСФСР) оно выделено законодателем как *самостоятельное следственное действие* и, скорее всего, по причине сложности возникающих правоотношений, поскольку при его проведении возможны существенные ограничения прав личности.

Вместе с тем УПК РФ запрещает осуществление действий и обращение, унижающие человеческое достоинство либо создающие опасность для жизни и здоровья освидетельствуемого, как не допускает насилие, пытки и иные незаконные меры в отношении него (ст. 9, ч. 4 ст. 164 УПК РФ), что и определяет *пределы государственного принуждения* при производстве данного следственного действия.

2. Под принудительным следует понимать освидетельствование, в ходе которого действия следователя направлены на преодоление сопротивления (противодействия) освидетельствуемого, отказавшегося от добровольного проведения следственного действия. Действительно, возможность проведения различных процессуальных действий с участием подозреваемого или обвиняемого не зависит от того, согласен он на это или нет, при условии соблюдения установленной уголовно-процессуальным законом процедуры и последующей судебной проверки и оценки полученных доказательств¹. При этом очень принципиальным остается вопрос о допустимости принудительного освидетельствования потерпевшего и свидетеля.

Может быть именно по данной причине УПК РФ *не содержит прямого предписания* о возможности принудительного освидетельствования, в то время как подобное урегулирование присутствует в ряде иных правопорядков, в том числе и у наших соседей. Так, согласно ч. 2 ст. 206 УПК Республики Беларусь постановление о проведении освидетельствования обязательно для подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. В случае отказа они могут быть освидетельствованы принудительно². Аналогичное предписание имеется в УПК Республики Узбекистан, где ч. 2 ст. 145 позволяет лиц, уклоняющихся от освидетельствования, подвергнуть приводу и принудительному освидетельствованию³.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 46 и пункта 3 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2004 г. № 448-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 25.11.2023).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 25.11.2023).

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан скорректирован круг освидетельствуемых лиц, а также усилены их гарантии в случае принудительного проведения освидетельствования. Так, согласно ч. 2 ст. 223 данного Кодекса о проведении освидетельствования лицо, осуществляющее досудебное расследование, выносит постановление, обязательное для подозреваемого, обвиняемого, а также лица, на которого заявитель прямо указывает как на лицо, совершившее уголовное правонарушение. При этом принудительное освидетельствование *потерпевшего, свидетеля, заявителя* производится с санкции следственного судьи в порядке, предусмотренном чч. 13-1, 13-3 и 13-4 ст. 220 УПК РК⁴.

Принудительное (без согласия обвиняемого) «телесное» освидетельствование допускает и УПК Германии (ч. 1 § 81a), но при условии, если это не представляет опасности для здоровья опознаваемого⁵.

В связи с этим, ориентируясь на эпиграф настоящей статьи, можно однозначно утверждать, что принудительное освидетельствование, особенно в отношении потерпевшего и свидетеля, *мера чрезвычайная и применимая только при невозможности получения искомого результата без этой крайности*.

3. Ценность освидетельствования с точки зрения криминалистики заключается в оперативной, «по горячим следам» фиксации очевидных следов совершенного преступления. Возможно, по данным причинам законодатель в 2008 г. разрешил и производство освидетельствования до возбуждения уголовного дела в случаях, не терпящих отлагательства,

Вместе с тем вполне очевидно, что «для реализации дозволения законодателя на производство освидетельствования в стадии возбуждения уголовного дела необходимо решить проблему допустимости применения принуждения в отношении лиц, не обладающих процессуальным статусом подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля» [11, с. 153].

Иными словами, в стадии возбуждения уголовного дела в связи с отсутствием статусности его участников применение принуждения при производстве разрешенных следственных действий, в том числе освидетельствования, не допускается, что еще раз подчеркивает одиозность современного доследственного производства, требующего очевидной модернизации.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 25.11.2023).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 25.11.2023).

Список источников

1. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003.
2. Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Следственные действия : учеб. пособие. Омск, 2015.
3. Уголовный процесс : в 2 ч. : учебник для вузов. Ч. 2 / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2017.
4. Россинский С. Б. Следственные действия : монография. М., 2018.
5. Шурухнов Н. Г. Классификация следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5 / под ред. В. А. Лазаревой. Самара, 2010.
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. М., 1996. Т. 2.
7. Кудин Ф. М. Теоретические основы принуждения в советском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1987.
8. Будников В. Л. Условия правомерности следственных действий // Правомерность производства следственных действий : сб. науч. ст. Волгоград, 2001.
9. Тарасов А. В. Принуждение и ответственность в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.
10. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001.
11. Семенцов В. А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар, 2013.

А. Б. Диваев

К вопросу об эффективности мер пресечения

Анализ практики применения мер пресечения указывает на ряд системных проблем, преодоление которых без содержательной модернизации уголовно-процессуального законодательства в данной сфере невозможно.

Как показывает статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ, суды и органы предварительного расследования из всех мер пресечения, предусмотренных законом, применяют в лучшем случае подписку о невыезде, запрет определенных действий, домашний арест и заключение под стражу. Причем две из них — запрет определенных действий и домашний арест — крайне нерегулярно. Количество же случаев применения таких мер пресечения, как личное поручительство, наблюдение

командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним и залог вообще имеет характер статистической погрешности. Попытаемся разобраться, в чем причина этого.

Один из постулатов теории эффективности, являющейся частью теории управления, гласит, что эффективность того или иного средства определяется в первую очередь его способностью достигать цели операции. Если экстраполировать эти положения на рассматриваемую проблему, можно сформулировать следующую закономерность: раз мера пресечения — это уголовно-процессуальное средство, что очевидно, так как в ней нельзя видеть самоцель, вполне логичен и вывод о том, что она должна быть адекватна той цели, на достижение которой направлена. В чем же она заключается?

В нашем представлении целью мер пресечения, как средств, предназначенных для реализации охранительного потенциала уголовно-процессуального принуждения, является *охрана уголовно-процессуального права путем пресечения предполагаемых или реальных посягательств на него со стороны обвиняемого или подозреваемого*.

Проанализируем с этой точки зрения, насколько адекватны ей меры пресечения или, другими словами, способны ли они реализовать ее.

Одной из существенных черт мер пресечения, как и любой другой принудительной меры, является их правоограничительный характер. Именно на этом основан механизм их воздействия на поведение обвиняемого или подозреваемого. Суд, следователь, дознаватель, дабы предотвратить его возможное сокрытие, продолжение им преступной деятельности, воспрепятствование с его стороны производству по делу, а равно уклонение от исполнения наказания, посредством мер пресечения ограничивает, в первую очередь, его свободу передвижения и свободу выбора форм деятельности. Подчеркнем, именно *его* свободу. Если правоограничительная мера не имеет привязки к правам и свободам конкретного индивида, она по своей природе мерой пресечения не является.

Рассмотрим с этих позиций такие «меры пресечения», как личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним и наблюдение командования воинской части, суть которых тождественна, так как каждая из них — вид поручительства. Различаются лишь его правовые основания: в основе личного поручительства лежит добровольное волеизъявление поручителя, а присмотр за несовершеннолетним и наблюдение командования воинской части носят обязательный характер, так как здесь поручительство за надлежащее поведение несовершеннолетнего или военнослужащего возлагается на лиц, которые в силу закона обязаны обеспечивать его.

Однако ограничивает ли поручительство права и свободы обвиняемого (подозреваемого)? Очевидно, что нет. Поручительство лишь наделяет добровольного или обязательного поручителя дополнительными обязанностями, но никак не связано с правами обвиняемого или подозреваемого. Отсюда вывод: личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним и наблюдение командования воинской части — это меры, не имеющие правоограничительного характера, а следовательно, это не меры пресечения, и их нахождение в главе УПК РФ, регламентирующей применение мер пресечения, излишне.

Интересные выводы можно сделать из анализа правоограничительного потенциала залога, который, как известно, законом также отнесен к мерам пресечения. Несмотря на его внешние отличия от любого из указанных видов поручительства, механизм воздействия залога на поведение подозреваемого или обвиняемого тождественен им. Несмотря на избрание залога, он абсолютно свободен в передвижении и выборе форм деятельности и, с этой точки зрения, его положение выгодно отличается от положения подозреваемого или обвиняемого, в отношении которых применяется мера пресечения в виде подписки о невыезде. Залог не ограничивает прав, он, как и поручительство, *обеспечивает* надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого.

В контексте высказанных соображений нельзя не высказать критических замечаний в отношении наличествующего в настоящее время судебного порядка применения залога по уголовному делу. Предполагается, что судебный порядок применения тех или иных мер уголовно-процессуального принуждения призван в первую очередь служить дополнительной гарантией конституционных прав и свобод человека и гражданина. Однако, не являясь правоограничительной мерой, залог никаких прав и свобод не ограничивает. Кроме того, залог применяется исключительно по ходатайству или с согласия вносителя залога. Залог именно *вносится*, а не изымается, что ставит под сомнение целесообразность судебной процедуры применения этой меры.

Соответственно сказанному, личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним, наблюдение командования воинской части, а также залог уместно относить не к мерам пресечения, а рассматривать как средства обеспечения надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого. Именно в таком качестве они приобретают смысл, играя роль дополнительного критерия при решении вопроса о применении меры пресечения, не связанной с изоляцией от общества и, одновременно получая шанс быть реализованными на постоянной основе, а не от случая к случаю.

Использование этих мер в качестве средств обеспечения меры пресечения в виде подписки о невыезде, как представляется, может благоприятно сказаться сразу на двух взаимосвязанных аспектах сферы уголовно-процессуального принуждения. Здесь должен сработать эффект «сообщающихся сосудов», когда, разрешая дилемму: ходатайствовать перед судом о применении меры пресечения, связанной с изоляцией от общества или нет, следователь (дознатель), располагающий дополнительными средствами обеспечения меры пресечения в виде подписки о невыезде, в большей степени будет склонен избрать подписку о невыезде, а не ходатайствовать, допустим, о заключении под стражу. Тем самым за счет применения средств обеспечения может быть увеличено количество случаев избрания подписки о невыезде, а следовательно, уменьшено число лиц, заключенных под стражу или находящихся под домашним арестом.

Еще одной «точкой роста» для повышения эффективности системы мер пресечения является сфера применения запретов, сопутствующих мерам пресечения. Как представляется, было бы правильным упразднить меру пресечения в виде запрета определенных действий, предоставив возможность следователю, дознавателю или суду использовать запреты, предусмотренные в настоящее время пп. 2–6 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, одновременно с применением не только меры пресечения в виде домашнего ареста (в части запретов, предусмотренных пп. 3–5 ч. 6 ст. 105 УПК РФ), но и меры пресечения в виде подписки о невыезде, причем без судебного решения.

Что касается запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором лицо проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, это ограничение должно вновь стать неотъемлемой частью содержания меры пресечения в виде домашнего ареста.

О. А. Зайцев, А. О. Зайцев

К вопросу о принятии судом решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовному делу, находящемуся в его производстве

Мера пресечения в виде заключения под стражу носит ярко выраженный репрессивный характер в силу значительного ограничения прав и свобод человека и гражданина, включая его личную свободу. Данное обстоятельство вызывает необходимость на законодательном уровне максимально полно и детально регламентировать основания и порядок применения дан-

ной меры пресечения. С учетом этого система процессуально-правовых норм, регулирующих заключение под стражу, находится в постоянном развитии [1, с. 78]. В юридической литературе различными авторами подвергались исследованию результаты уголовно-процессуальной политики, связанной с совершенствованием рассматриваемой меры пресечения [2, с. 78], ее развитие в ходе оптимизации правовой основы сопровождения уголовного производства государственным принуждением [3].

Между судом и участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты по вопросу о заключении обвиняемого под стражу возникают различного рода правоотношения, содержание которых зависит от того, на какой из стадий процесса находится уголовное дело. Так, в стадии предварительного расследования с ходатайством об избрании данной меры пресечения в суд обращается сторона обвинения, а в стадии судебного разбирательства нередко ее инициатором является сам суд.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве порядок принятия судом решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в суде недостаточно регламентирован. В частности, в действующем УПК РФ имеется ст. 255 УПК РФ, согласно которой в ходе судебного разбирательства суд вправе избрать (изменить или отменить) меру пресечения в отношении подсудимого. В этой же статье содержатся процедуры продления и отмены срока содержания подсудимого под стражей. Таким образом, в случае принятия судом первоначального решения о применении самой строгой меры пресечения, связанной с лишением свободы, суду, в производстве которого находится уголовное дело, следует пользоваться общими предписаниями ст. ст. 108–109 УПК РФ.

В юридической литературе среди ученых-процессуалистов имеются категоричные утверждения о том, что деятельность суда по заключению подсудимого под стражу в ходе судебного разбирательства УПК РФ вообще никаким образом не регламентирована [4, с. 117]. С подобными выводами трудно согласиться, так как, согласно ч. 10 ст. 108 УПК РФ, если вопрос об избрании в отношении подсудимого в качестве меры пресечения заключения под стражу возникает в суде, то решение об этом принимает суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе, о чем выносится определение (постановление).

Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, данным в постановлении Пленума № 41 от 19 декабря 2013 г. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 24 мая 2016 г.

№ 23 и от 11 июня 2020 г. № 7) в стадии судебного разбирательства уголовного дела вопрос о мере пресечения может быть рассмотрен судом как в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ, так и в процессе рассмотрения уголовного дела по существу при условии предоставления сторонам возможности довести до суда свою позицию по этому вопросу (ст. 255 УПК РФ) (п. 32).

Также важно определить, как именно суды в своей правоприменительной деятельности используют результаты толкования содержания ст. 255 УПК РФ в той части, в которой установлен срок содержания под стражей. Прежде всего суды отталкиваются от того, что согласно ч. 2 ст. 255 УПК РФ, по общему правилу, если заключение под стражу избрано подсудимому в качестве меры пресечения, то срок содержания его под стражей со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора не может превышать 6 месяцев. В пункте 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19 декабря 2013 г. указано, что начало шестимесячного срока предложено исчислять именно со дня поступления уголовного дела в суд, а не с того дня, когда суд еще раз рассмотрел вопрос о данной мере пресечения, или дня, когда истекло аналогичное предыдущее решение суда.

В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ суд в целях охраны прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и надлежащего проведения судебного разбирательства в разумный срок суд, в том числе по собственной инициативе, обязан принимать необходимые решения в случаях, когда подсудимый уклоняется от явки в суд или иным способом препятствует осуществлению правосудия, а также обеспечивает своевременное рассмотрение вопроса о продлении содержания под стражей до истечения его срока, установленного предыдущим судебным решением. Ставя и решая по собственной инициативе вопрос об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, суд не освобождается от обязанности выслушать мнения сторон, а стороны не могут быть лишены возможности привести свои доводы. Это не означает, что суд принимает на себя функции стороны обвинения, поскольку правовые и фактические основания для избрания меры пресечения связаны не с поддержкой, а тем более признанием обоснованно выдвинутого в отношении лица обвинения в совершении преступления, а с необходимостью обеспечения условий дальнейшего производства по уголовному делу¹.

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследо-

Суд применительно к находящемуся в его производстве уголовному делу вправе самостоятельно, без постороннего вмешательства принимать все решения, относящиеся к его полномочиям (в том числе о продлении срока содержания подсудимого под стражей неоднократно, но не более чем на 3 месяца), если такой ординарный, предельный для судебной стадии срок истекает до вынесения приговора. Вместе с тем возможно разрешение вопроса о продлении срока содержания подсудимого под стражей в случаях, не терпящих отлагательства, при временном отсутствии по уважительным причинам судьи, единолично рассматривающего уголовное дело по существу, другим судьей того же суда. При этом суд как орган правосудия призван обеспечить равно законное, обоснованное и справедливое решение о содержании под стражей, вне зависимости от того, на каком этапе уголовного судопроизводства и каким судом такое решение принимается².

Повышенное внимание суды уделяют соблюдению требований ст. 109 и 255 УПК РФ, в соответствии с которыми сроки нахождения обвиняемого под стражей на стадии предварительного расследования не должны включаться в сроки, действующие в ходе судебного разбирательства. С подобным положением вполне можно согласиться, так как законодатель не только разграничил эти сроки, но и установил ответственность различных должностных лиц, осуществляющих досудебное и судебное производство за их нарушение.

В случаях, если срок нахождения обвиняемого под стражей истекает в ходе судебного разбирательства, судья в 14-суточный срок со дня поступления уголовного дела в суд обязан в числе прочих вопросов принять и решение относительно дальнейшего нахождения лица под стражей. Если мера пресечения была первоначально избрана или продлена, то в постановлении судьи в обязательном порядке должны быть указаны конкретный срок, а также дата его окончания (ст. 228, часть 3 ст. 227 УПК РФ).

Особая сложность видится в вопросе о том, каким образом один и тот же судья (состав суда) активно познает обстоятельства дела, а также инициирует и разрешает вопрос о заключении лица под стражу (о продлении срока содержания под стражей).

Доктриной уголовно-процессуального права допускается достаточно широкая активность суда в уголовном процессе, включая определение

вания и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П.

² По делу о проверке конституционности статьи 242 и частей первой и третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Мамонтова : постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2022 г. № 6-П.

и оценку фактических оснований для решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом суд в рамках своей уголовно-процессуальной деятельности обязан исходить из принципа презумпции невиновности (не признавать ни прямо, ни косвенно виновность подсудимого до того, как это будет отражено в обвинительном приговоре) [5, с. 309].

Достаточно распространенной точкой зрения среди ученых-исследователей является вывод о том, что суд по собственной инициативе вправе применять меру пресечения в виде заключения под стражу лишь когда обвиняемый, будучи в условиях свободы, скрылся от суда и был объявлен в розыск либо когда он ведет себя ненадлежащим образом [6, с. 52; 7, с. 23].

В заключение следует сделать вывод о том, что в судебном разбирательстве суд при наличии соответствующих оснований вправе принять решение об избрании меры пресечения в виде заключения подсудимого под стражу как по ходатайству стороны обвинения, так и по собственной инициативе. При разрешении вопроса суд заслушивает доводы сторон, исследует иные доказательства. В любом случае суд не связан доводами ни одной из сторон, и решение о заключении лица под стражу, о продлении срока содержания под стражей, а равно об отмене или изменении данной меры пресечения принимает самостоятельно, руководствуясь своим внутренним убеждением [8, с. 136–144].

Список источников

1. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
2. Булатов Б. Б., Муравьев К. В. Институт мер пресечения в УПК Российской Федерации: динамика развития и перспективы совершенствования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.
3. Булатов Б. Б., Николюк В. В., Цоколова О. И. Меры пресечения в уголовном процессе. М., 2005.
4. Васяев А. А. Разрешение вопроса о заключении подсудимого под стражу (продление срока содержания его под стражей) в ходе судебного разбирательства // Современное право. 2009. № 3.
5. Гриненко А. В. Принципы уголовного судопроизводства в законодательстве РФ и иных государств-членов СНГ // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2015. № 5(22).
6. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006.
7. Гольцов А. Т. Заключение под стражу в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

8. Зайцев А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

Е. Ю. Замуруева

**Возбуждение уголовного дела или наличие
уголовно-процессуального производства о деянии,
запрещенном УК РФ, как общее условие применения
мер пресечения**

Согласно ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями. В связи с этим акт о возбуждении дела, в котором впервые дается юридическая квалификация деяния как преступления, представляет собой определенный фильтр, благодаря которому в сферу уголовно-процессуальных отношений, носящих наиболее жесткую форму государственного принуждения, не попадают события, не носящие уголовно наказуемый характер [1, с. 34–35]. До момента вынесения данного постановления интенсивная обвинительная деятельность должна быть ограничена.

Обратим внимание на мнение ученых-процессуалистов, которые наличие возбужденного уголовного дела включают в систему условий применения мер пресечения [2, с. 77; 3, с. 120]. С учетом изложенного выше, такая позиция авторов представляется вполне логичной. Вместе с тем полагаем, что требование о состоявшемся возбуждении дела не в полной мере характеризует возможность применения мер пресечения. Дело в том, что после начала предварительного расследования оно, при наличии к тому условий, приостанавливается, прекращается, возобновляется. Такие же решения предусмотрены и в судебном разбирательстве. Кроме того, после вступления судебного приговора в законную силу могут наступать «исключительные» стадии и производства, в которых вновь возникает необходимость возвращаться к вопросу о целесообразности применения мер принуждения. В этой связи следует признать, что

не столько состоявшееся возбуждение дела, сколько наличие уголовно-процессуального производства о деянии, запрещенном УК РФ, является общим условием [4, с. 12], позволяющим применять обсуждаемые средства процессуального воздействия.

Рассмотрим возможности применения мер пресечения в случаях приостановления, прекращения и возобновления производства по уголовному делу. В соответствии со статистическими данными¹ в 45,7% случаев предварительное расследование приостанавливается по основаниям, предусмотренным пп. 1–4 ст. 208 УПК РФ. Такие решения предполагают запрет на осуществление ряда процессуальных действий и принятие процессуальных решений до возобновления производства. В соответствии с ч. 3 ст. 209 УПК РФ после приостановления предварительного расследования проведение следственных действий не допускается. Вместе с тем эта установка не предполагает, что должна исключаться непроцессуальная (розыскная, оперативно-розыскная) деятельность, направленная на устранение обстоятельств, повлекших временный перерыв в производстве (розыск лиц, установление фактического местонахождения подозреваемого, обвиняемого и др.).

Правильным нам видится подход, при котором наличие в отношении обвиняемого оснований для применения в отношении него мер пресечения является обстоятельством, исключающим решение о приостановлении предварительного расследования [15, с. 34]. В случаях, когда имеются основания для временного перерыва в процессуальной деятельности в отношении обвиняемого (подозреваемого), но при этом нет возможности неисполнения в отношении него мер пресечения, стоит использовать процессуальные инструменты, которые не влекут приостановления производства: продление срока предварительного расследования, выделение уголовного дела в отношении соучастников.

Решение о приостановлении производства может приниматься и в судебном разбирательстве (ч. 1 ст. 238 УПК РФ). При этом если находящийся под стражей обвиняемый совершил побег, то суд возвращает дело прокурору, которому поручается обеспечение розыска обвиняемого. Если скрылся обвиняемый, не содержащийся под стражей, то судья избирает ему самую строгую меру пресечения и поручает прокурору обеспечить его розыск (ч. 2 ст. 238 УПК РФ).

Суд вправе рассмотреть вопрос об аресте скрывшегося обвиняемого и в его отсутствие, при условии, что факт отсутствия с достоверностью

¹ *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 г.* URL: https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/-/sb_21_12.pdf (дата обращения: 11.11.2023).

установлен². Следует согласиться с предложением Т. К. Рябининой о необходимости дополнения ст. 234 УПК РФ, с тем чтобы предварительное слушание по вопросу о приостановлении производства по уголовному делу в соответствующих случаях также осуществлять без скрывшегося обвиняемого [6, с. 9]. По нашему мнению, излишне избирать немедленно меру пресечения в отношении обвиняемого, если он отсутствует. Такая установка чрезмерно категорична. Избрание обеспечительной меры должно осуществляться после доставления обвиняемого в суд. Это объясняется тем, что бывают случаи, когда данный субъект уголовного процесса не может своевременно предупредить об изменении места жительства, сообщить о причинах своего «исчезновения» [7, с. 57].

Значимым с позиции назначения уголовного судопроизводства является прекращение уголовного дела. Об этом выносится постановление, где самостоятельно должно быть отражено решение об отмене меры пресечения (п. 8 ч. 2 ст. 213, п. 2 ч. 2 ст. 239 УПК РФ).

В законе не урегулирована ситуация возобновления действия меры пресечения в случаях отмены постановления о прекращении уголовного дела в связи с признанием его незаконным или необоснованным и возобновления производства (ст. 214 УПК РФ).

Следует признать верным, что отмена акта о прекращении производства не должна влечь автоматически восстановления всех правоотношений, которые были прекращены или изменены в результате прекращения дела. Считаем, что для формирования единообразной правоприменительной практики в УПК РФ следует закрепить требование о необходимости вынесения самостоятельного постановления о применении меры пресечения по возобновленному делу или в отношении обеспечительных мер, не требующих судебного решения, допустить возможность отражения отдельного решения о возобновлении действия меры пресечения в «отменяющем» постановлении.

УПК РФ не содержит норм об основаниях и порядке возобновления производства в судебных стадиях, в отличие от этапа предварительного расследования. Однако в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 28 «основанием для возобновления производства по уголовному делу служит сообщение суду о том, что причины, по которым оно было приостановлено, отпали (местонахождение обвиняемого

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий (п. 14) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41.

установлено, и он задержан либо обвиняемый по состоянию здоровья может участвовать в судебном заседании). В таком случае судья единолично без участия сторон выносит постановление о возобновлении производства по делу и назначении судебного заседания либо при наличии к тому оснований, предусмотренных ст. 229 УПК РФ, назначает предварительное слушание. Если в отношении обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, решение о дальнейшем содержании его под стражей или под домашним арестом принимается с участием сторон»³.

В уголовно-исполнительном судопроизводстве предусматривается возможность заключения под стражу осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания (пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ). Законодатель вновь возвращается к обеспечительным мерам в соответствующих ситуациях, что позволяет утверждать положение о единстве сущности мер пресечения, применяемых при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве, а также о необходимости консолидации общих условий мер пресечения в Общей части УПК РФ [8, с. 48; 9, с. 150]. Направление в суд представления о заключении под стражу осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения наказания, предполагает возобновление уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, наличие возбужденного производства по делу отражает лишь один из аспектов, при котором допускается реализация обеспечительных мер. Одно из общих условий применения мер пресечения должно обозначаться следующим образом: «наличие уголовно-процессуального производства о деянии, запрещенном УК РФ». Такая формулировка предполагает, что применение мер пресечения не допускается до установления наличия материально-правовых условий для расследования уголовного дела, но вместе с тем демонстрирует, что для их реализации требуется незавершенное (а также неприостановленное) производство по уголовному делу или уголовно-исполнительное судопроизводство.

Список источников

1. *Безотказное следствие* // Закон. 2012. № 11.
2. *Андроник Н. А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования* : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2023.

³ О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству (п. 18) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28.

3. Буланова Н. В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений : науч.-метод. пос. / под ред. д-ра юрид. наук М. Е. Токаревой. М., 2005.

5. Павлов А. В. Деятельность следователя по делам, предварительное расследование по которым приостановлено на основании пунктов 3, 4 части 1 статьи 208 УПК РФ // Законодательство и практика. 2014. № 1(32).

4. Замуруева Е. Ю. Общие условия применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2023.

6. Рябинина Т. К. Надзор за законностью содержания обвиняемого под стражей при передаче уголовного дела в суд // Законность. 2011. № 8.

7. Калинин Ю. А., Шигуров А. В. Производство в стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию по УПК РФ: вопросы теории и практики. Саранск, 2006.

9. Муравьев К. В. Модель синхронизации нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу в уголовно-исполнительном судопроизводстве (в развитие научного подхода Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. В. Николюка) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3(98).

В. В. Кальницкий

О наименовании и так называемом неотложном характере задержания подозреваемого

1. Исторически сложившееся наименование — «задержание подозреваемого» не проявляет подлинную (сформировавшуюся к настоящему времени) сущность уголовно-процессуальной меры принуждения, которой в большей степени соответствовало бы выражаться через термины «арест», «краткосрочный арест», «досудебный арест», «помещение в ИВС» или любым иным образом, исключающим ассоциации с уличным захватом лица, причастного к преступлению. Термин «задержание» в силу универсальности используется в других отраслях права, где среди прочих смыслов означает пресечение преступной деятельности, силовой захват правонарушителя. В сочетании с широкой трактовкой термина «подозреваемый», под которым понимается и формально определенный статус участника процесса, и лицо, вероятно причастное к совершению преступления, словосочетание «задержание подозреваемого» утратило

уголовно процессуальную эксклюзивность. Очевидно также, что говорить о неотложном характере задержания подозреваемого, т. е. применении его в качестве первейшего средства реагирования на преступление, можно лишь подразумевая под ним физическое противодействие противоправной деятельности, но не процессуальное решение.

Спор о терминах — не самое продуктивное занятие, порой просто бесполезное и даже вредное, поскольку уголовно-процессуальная терминология имеет специальный смысл, который следует понять и запомнить. Например, всем ясно, что доказательств в готовом виде в природе и обществе нет, их невозможно собрать в буквальном значении слова, доказательства формируются. Тем не менее, вряд ли стоит отказываться от традиционного термина «собрание» как элемента процесса доказывания, поскольку в других контекстах он не используется. С термином «задержание» ситуация иная.

2. В литературе для обозначения сущности задержания подозреваемого используется термин «краткосрочный арест». Например, задержание подозреваемого как мера процессуального принуждения — «это оформленный протоколом кратковременный (до 48 часов) арест лица, подозреваемого в совершении преступления, применяемый следователем, дознавателем при наличии предусмотренных законом условий, оснований и мотива, с целью проверки причастности задержанного к совершению расследуемого преступления и решения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу» [1, с. 119]. По нашему мнению, данная и подобные дефиниции адекватно отражают сущность задержания подозреваемого, поскольку в них справедливо не отражается полицейский (или осуществляемый иными лицами) силовой захват правонарушителя, производимый в момент преступного деяния, т.е. до начала уголовно-процессуальных отношений. Тогда возникает вопрос: зачем использовать в законе терминологию, позволяющую расширительно толковать существо меры принуждения, относя к ней непроцессуальные действия, чтобы затем на научном уровне интерпретировать ее как сугубо процессуальное решение должностного лица в рамках уголовного дела?

3. В период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. термин «задержание» не вызывал критику, поскольку им обозначались действия полиции по доставлению лица в участок (ст. 257). Постепенно в ходе длительной эволюции «задержание» трансформировалось в уголовно-процессуальное решение, предшествующее решению о возбуждении перед судом ходатайства о заключении под стражу. Задер-

жание подозреваемого в настоящее время представляет собой первый (вспомогательный, подчиненный) этап заключения под стражу, реализуемый на основании нормативного дозволения (ст. 22 Конституции РФ) во внесудебном порядке на срок, по общему правилу, не более 48 часов. Неотъемлемые признаки задержания подозреваемого: 1) это решение, а не действие; 2) решение должностного лица, наделенного уголовно-процессуальным статусом следователя, дознавателя и т. п.; 3) решение, принимаемое в рамках официального уголовного преследования по возбужденному уголовному делу; 4) решение о водворении лица в изолятор временного содержания (ИВС) в целях обеспечения физического присутствия лица в судебном заседании и подготовки (дополнительного собрания, оформления) материалов, обосновывающих заявленное ходатайство перед судом о заключении под стражу. Коль скоро это так, то историческое название — «задержание подозреваемого» — уголовно-процессуальная доктрина, а затем и законодатель могут уступить тем отраслям права, где оно более уместно (где регламентируемые действия в большей степени соответствуют этимологии слова «задержание»), оставив в уголовно-процессуальной сфере выражение «краткосрочный арест» или иное подобное.

4. Выявлению подлинной сущности задержания подозреваемого как решения о водворении лица в ИВС препятствует то обстоятельство, что задержание всегда находилось и продолжает оставаться под «нагрузкой» других смыслов. В рамках УПК РСФСР 1960 г. задержание рассматривалось в качестве следственного действия (ст. 87), неотложного следственного действия (ст. 119). Отнесение задержания к следственным действиям требовало демонстрации его познавательной и, стало быть, доказательственной ценности, а значит, «наполнения» какой-то фактической деятельностью, оформляемой протоколом. С принятием действующего законодательства «статус» следственного действия с задержания обоснованно снят, что вроде бы позволило видеть в нем исключительно процессуальное решение о досудебном аресте лица. Однако подлинная сущность задержания оказалась «затушеванной» другой «нагрузкой» — попыткой учесть через институт задержания обстоятельства (прежде всего, время) фактического ограничения свободы лица, что породило нормативное понятие «фактическое задержание» (п. 15 ст. 5 УПК РФ).

Современное «фактическое задержание» — это искусственная конструкция, выработанная, надо отдать должное, ради благой цели: учесть в наказании за преступление весь период фактического ограничения свободы лица. Только достигаться данная цель должна не за счет включения

срока физического удержания лица в (и без того малый) срок внесудебного краткосрочного ареста, предшествующего заключению под стражу, а путем зачета непосредственно в наказание либо в срок действия меры пресечения. Технически это реализуемо дополнением предмета доказывания (ч. 1 ст. 73 УПК РФ) самостоятельным пунктом — «время с момента фактического ограничения личной неприкосновенности лица в связи с уголовным преследованием до начала применения в отношении данного лица мер процессуального принуждения или привлечения его к производству следственных действий», а также соответствующей корректировкой ст. 72 УК РФ.

Будучи сформулированным в законе для упорядочения учета времени ограничения свободы лица, понятие «фактическое задержание» стало претендовать на сущность задержания подозреваемого, якобы имеющую место в момент его физического удержания. Подобный подход уводит нас от трактовки задержания подозреваемого как правоприменительного акта о водворении лица в ИВС.

Согласно Положению о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, утвержденному Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г., под фактическим задержанием, с момента которого исчислялся его срок, понималось исполнение постановления следователя, органа дознания о задержании. Трактовка фактического задержания в УПК РФ не имеет ничего общего с фактическим задержанием по Положению, которое не претендовало на роль, большую, чем исполнение решения.

5. Размежевание действий по захвату правоохранительными органами или широким кругом иных граждан лица, совершившего преступление («полицейское» задержание), и решения о водворении подозреваемого в ИВС для обеспечения процедуры судебного рассмотрения вопроса о заключении под стражу («следственное» задержание), снимает трактовку рассматриваемой меры принуждения как носящей неотложный характер. Поимка преступника имеет характер оперативной деятельности, не требующей промедления. Водворение лица в ИВС носит подчиненный характер по отношению к заключению под стражу и применяется при наличии собранной совокупности доказательств, позволяющей ставить перед судом вопрос об избрании меры пресечения.

Гораздо продуктивнее в условиях действующего регулирования акцентироваться не на неотложном характере задержания, а подчеркивать возрастающую необходимость данной меры. В условиях прокурорского санкционирования заключения под стражу предварительное (до санкции)

помещение лица в ИВС порой рассматривалось как необоснованное, поскольку санкционирование могло быть осуществлено заочно. «Для применения к лицу заключения под стражу, — писал И. М. Гуткин, — не требуется, чтобы оно обязательно предварительно задерживалось» [2, с. 32]. «Являясь начальным этапом заключения под стражу, — аналогично высказывается В. Н. Григорьев, — задержание подозреваемого не составляет его обязательного элемента» [3, с. 79]. «При наличии ... реальной возможности оформить постановление и получить санкцию прокурора, — пишет далее автор, — к подозреваемому сразу применяется мера пресечения — заключение под стражу» [3, с. 79, 80]. С передачей компетенции по применению заключения под стражу суду ситуация изменилась.

Судебное рассмотрение ходатайства органов расследования о заключении под стражу требует личного участия лица в судебном заседании и тщательной подготовки доказательственной базы, включая ознакомление с ней задержанного, что востребует предварительный внесудебный арест в каждом случае принятия решения о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства. Согласимся с С. Б. Россинским в том, что «решение о задержании подозреваемого формально скорее напоминает своеобразный «протокол о намерениях», посредством которого следователь фиксирует свой замысел на дальнейшее применение к лицу меры пресечения арестанского характера» [4, с. 54]. Из этого, в свою очередь, вытекает недопустимость сокращения 48-часового конституционного срока внесудебного задержания, поскольку он (срок) предусмотрен для реализации публично полезной функции — обеспечения законности и обоснованности решения судом вопроса о заключении под стражу, соблюдения прав всех заинтересованных лиц, участвующих в данной процедуре.

6. Недостаточная ясность в понимании задержания подозреваемого как меры, обеспечивающей судебное рассмотрение ходатайства о заключении под стражу, проявилась, по нашему мнению, в двусмысленности новой редакции ч. 2 ст. 94 УПК РФ. В законе видим следующее положение: «Если в отношении подозреваемого не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания ... в условиях военного положения подозреваемый в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления подлежит освобождению по истечении 30 суток с момента задержания». Возникают вопросы: когда задержанное лицо подлежит освобождению в случае отказа суда удовлетворить ходатайство о взятии его под стражу, поступившее в суд, предположим, в течение 20 суток; сохраняется ли право и далее удерживать лицо до истечения всего срока задержания? Применительно к ординарным случаям

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что в таких ситуациях «подозреваемый, обвиняемый подлежит немедленному освобождению из-под стражи вне зависимости от того, истек ли 48-часовой срок с момента его задержания ...»*. Логика безупречная: во внесудебном порядке лицо можно удерживать ровно столько, сколько требуется для выявления позиции суда. Подобная логика, полагаем, должна распространяться и на условия военного положения. Однако текст закона оставляет простор для другого истолкования (лицо может быть удержано до истечения срока задержания, вне зависимости от решения суда), что, по нашему мнению, не согласуется со смыслом процессуального задержания, превращая его в автономную меру принуждения, не связанную с применением заключения под стражу.

Список источников

1. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации : курс лекций. 8-е изд. Екатеринбург, 2022.
2. Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учеб. пособие. М., 1980.
3. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. М., 1999.
4. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход : монография. М., 2019.

О. В. Карпова

Решение об избрании мер процессуального принуждения как основа и пределы деятельности по их исполнению

Избрание мер уголовно-процессуального принуждения осуществляется путем принятия процессуального акта, под которым, согласно нормам уголовно-процессуального законодательства, понимается решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, дознавателем в порядке, установленном УПК РФ. В отдельных случаях, например, при взятии у подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля обязательства о явке согласно нормам уголовно-процессуального закона, письменного оформления решения не требуется.

В юридической литературе высказываются более развернутые суждения относительно рассматриваемого понятия. Так, А. Я. Дубинский определяет процессуальное решение как правовой акт, в котором следователь, в пределах своей компетенции, в установленном уголовно-процессуальным законом по-

* О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41.

рядке выражает в виде государственно-властного веления выводы о выполнении конкретных процессуальных действий, что обусловлено необходимостью решения задач уголовного судопроизводства и требованиями закона применительно к сложившейся фактической ситуации [1, с. 61]. Иначе формулирует данное понятие А. В. Шуваткин. Он считает, что решение является одной из форм процессуальной деятельности, выражением которой служит правовой акт. В нем следователь в виде государственно-властного веления в пределах своей компетенции и в соответствии с уголовно-процессуальным законом на основе представленных по делу фактических данных дает ответы на возникающие по делу правовые вопросы, представляющие собой выводы о выполнении конкретных процессуальных действий [2, с. 45].

Предпочтительной является точка зрения, высказанная П. А. Лупинской. По ее мнению, решения по процессуальным вопросам являются юридическими фактами, вызывающими возникновение, изменение или прекращение правоотношений, в которых субъекты процессуальной деятельности реализуют свои права и обязанности [3, с. 13].

Решением об избрании меры уголовно-процессуального принуждения устанавливаются конкретные ограничения, связанные с применением соответствующей меры принуждения. Оно определяет, какая деятельность будет осуществляться после приведения его в исполнение, и устанавливает ее пределы.

Процесс исполнения мер уголовно-процессуального принуждения начинается с вынесения судом или органом расследования решения об избрании и длится до его отмены или изменения. Решения указанных субъектов существенно отличаются друг от друга. В первую очередь следует уделить внимание приведению их в действие. По общему правилу, решение суда вступает в законную силу по истечении срока его обжалования. Исключением являются решения об избрании мер уголовно-процессуального принуждения. Законодатель прямо указывает на немедленное исполнение домашнего ареста и заключения под стражу. Это обусловлено оперативным характером ограничений, применяемых к подозреваемому или обвиняемому при избрании указанных мер принуждения. Аналогичное заключение можно сделать и в отношении других мер, применяемых по решению суда. Решения органов предварительного расследования не обладают признаком «вступление в законную силу». Их исполнение осуществляется непосредственно после их вынесения.

От вступления решения в законную силу следует отличать его фактическое исполнение. Эти процессы не всегда начинаются одновременно. В качестве примера можно привести порядок исполнения постановления о при-

воде и судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого, объявленного в международный розыск. В обоих случаях указанная процедура неразрывно связана с моментом обнаружения лица, в отношении которого вынесен соответствующий процессуальный акт. Срок исполнения данных решений законодателем не ограничен. В связи с этим возникает ситуация, когда исполнение решения зависит от наступления определенного события, в рассматриваемом случае — это установление места нахождения и обнаружение конкретного лица либо определение обстоятельств, указывающих на его отсутствие. Это согласуется с позицией законодателя, который связывает исполнение постановления (определения) о приводе с объявлением его лицу, в отношении которого он применяется, т. е. с его реальным участием при реализации указанной меры принуждения. Аналогичная процедура характерна и для исполнения решения, предусмотренного ч. 5 ст. 108 УПК РФ, реализация которого связана с установлением места нахождения лица и его задержанием.

Решение о заключении под стражу не является окончательным для всего периода расследования уголовного дела. В процессе исполнения указанной меры пресечения, предусмотренной ст. 108 УПК РФ, могут возникнуть обстоятельства, препятствующие дальнейшему содержанию лица под стражей. К таким обстоятельствам можно отнести, например, выявление у подозреваемого, обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. В этом случае законодатель обязывает правоприменителя изменить меру пресечения, предусмотренную ст. 108 УПК РФ, на более мягкую, что, по своей сути, означает поворот в исполнении решения о заключении под стражу.

Следует различать процедуру отмены мер уголовно-процессуального принуждения и частичное изменение ограничений, установленных в ходе их избрания. В первом случае процесс исполнения завершается. Во втором — в силу определенных обстоятельств решение об избрании меры уголовно-процессуального принуждения подлежит корректировке.

В качестве примера можно привести процедуру продления срока ареста, наложенного на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия. Согласно ч. 5 ст. 115¹ УПК РФ при рассмотрении соответствующего ходатайства органов предварительного расследования суд выносит постановление о продлении, в котором им могут быть сохранены или изменены ограничения, связанные с владением, использованием, распоряжением арестованным имуществом, либо о полном или частичном отказе в удовлетворении заявленного ходатайства.

В случае сохранения названных ограничений процесс исполнения данной меры принуждения продолжается на срок, установленный судом. При наличии оснований суд вправе изменить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом. Законодатель не конкретизировал, возможно ли усиление указанных запретов при продлении срока ареста, наложенного на имущество. Допускаем аналогию со ст. 252 УПК РФ, устанавливающей пределы судебного разбирательства. Представляется, что применительно к рассматриваемой ситуации компетенция суда ограничена ходатайством, поступившим от органов предварительного расследования. Изменение ограничений допустимо только в сторону их смягчения, при этом суд не вправе устанавливать дополнительные ограничения, не указанные в поступившем ходатайстве.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Решение об избрании меры уголовно-процессуального принуждения является основой исполнительской деятельности в уголовном судопроизводстве. В вынесенном постановлении (определении) об избрании органом или должностным лицом, осуществляющим уголовное судопроизводство, должны устанавливаться ограничения, связанные с применением соответствующей меры принуждения, права и обязанности, возлагаемые на участников данных правоотношений, а также возможность привлечения их к ответственности в случае невыполнения взятых на себя обязательств. Действия субъектов, вовлеченных в процесс исполнения, предопределяются вынесенным процессуальным решением.

Список источников

1. *Дубинский А. Я.* Правовые и организационные проблемы исполнения процессуальных решений следователя : дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1984.
2. *Шуваткин А. В.* Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003.
3. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010.

Н. Н. Ковтун

Исчисление срока применения мер процессуального принуждения: проблема согласованности нормативных гарантий

В соответствии с социально-нормативным назначением уголовного судопроизводства России актуальное применение мер процессуального принуждения изначально опосредовано системой гарантий, призванных

снять неопределенность в законности и обоснованности их реализации. Одним из определяющих элементов этой системы являются правила точного исчисления сроков, законодательно установленных для применения каждой из принудительных мер. В итоге, на данный момент закон, доктрина и практика, по идее, обеспечили исходную определенность в следующих принципиальных моментах:

— никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком продолжительный срок; законодатель обязан установить четкие и разумные временные рамки допускаемых ограничений прав и свобод¹;

— при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а равно при продлении срока ее действия суду следует определять не только продолжительность периода содержания обвиняемого под стражей, но и конкретную дату его окончания². Аналогичные правовые подходы озвучены и в отношении иных мер процессуального принуждения (домашний арест³, наложение ареста на имущество⁴, залог⁵; подписка о невыезде⁶);

— согласно действующему законодательству установленный судом срок содержания обвиняемого под стражей (аналогично — срок применения иной меры процессуального принуждения) не может выходить

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О.

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий (п. 20) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аноприева А. И. на нарушение его конституционных прав статьей 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2011 г. № 9-О-О.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Общества с ограниченной ответственностью «Белый скит» на нарушение конституционных прав и свобод частью девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 2227-О.

⁵ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон РФ от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ.

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кавалерова Ю. Ю. на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. № 3351-О.

за пределы установленного срока следствия; суду при исчислении срока необходимо правильно исчислять не только сроки содержания его под стражей, но и сроки следствия, поскольку срок содержания под стражей будет ограничен сроком предварительного расследования [1].

Однако при обращении непосредственно к практической стороне реализации отдельных институтов уголовно-процессуального права России названные акценты несколько теряют в своей однозначности. И прежде всего, применительно к институту временного приостановления производства по делу (гл. 28 УПК РФ). Поясним:

- по ч. 4 ст. 208 УПК РФ приостановление производства по делу по основаниям пп. 1–2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ допускается лишь по истечении срока предварительного расследования (ст. ст. 162, 223 УПК РФ);

- одновременно по нормам чч. 6–7 ст. 208 УПК РФ предусмотрена возможность внесения в суд ходатайства следственных органов о дальнейшем продлении срока наложения ареста на имущество, которое разрешается в порядке ст. 165 УПК РФ;

- в соответствии с ч. 4 ст. 210 УПК РФ в отношении разыскиваемого обвиняемого может быть избрана мера пресечения; в том числе в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ).

В итоге применительно к каждой из этих следственных ситуаций на практике объективируются непреодолимые, по сути, коллизии. Первая связана с тем, что срок действия меры процессуального принуждения всегда обусловлен действующим сроком предварительного расследования. Однако по нормам пп. 1–2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ данного срока в наличии уже нет. Как следствие, суд, по идее, не вправе ни удовлетворять ходатайство следственных органов; ни устанавливать предельную дату дальнейшего действия испрашиваемых принудительных мер. Вместе с тем на практике актуальна в целом потребность именно в дальнейшей реализации указанных мер. Суд, естественно, положительно решает эти вопросы. О свойствах правосудности этих решений ставить вопросы как-то не принято.

Вторая коллизия — в точном согласовании с тем же судом (при каждом новом судебном продлении) текущего (исчисляемого) срока применения принудительных мер и в принципе отсутствующего срока предварительного расследования. На данный момент судьи предпочитают вообще «не вникать» в столь сложные правовые конструкции [2, с. 16–21].

При определении конкретного предельного срока, продляемых или впервые устанавливаемых принудительных мер (п. 2 ч. 1 ст. 208, ч. 4 ст. 210 УПК РФ) объективируется третья коллизия. Суть последней

в том, что роль пресекательного предельного срока в решении суда, как правило, играют неправовые смысловые конструкции: мера пресечения устанавливается «до розыска и задержания обвиняемого», «... до его установления». Соответственно, по букве ч. 9 ст. 109 УПК РФ, суд указывает, что исчислять установленный в решении срок следует именно с момента реального заключения обвиняемого под стражу. Правда, без указания столь акцентируемой гарантии, как определенность в строго установленной и конечной (предельной) дате избранного срока. О том, что данное правоприменение явно не согласуется с предписаниями п. 29 ст. 5 УПК РФ, определяющими понятие акта применения мер пресечения, вспоминать как-то «неловко», ибо применительно к фактам, предусмотренным пп. 2 и 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ указанное решение суда как бы не действует (фикция) и одновременно юридически действует.

Эти же, по сути, коллизии объективируются применительно к основаниям приостановления производства по делу, предусмотренным пп. 3 и 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Здесь суд (в рамках проверки) обязан либо принять во внимание легальную процессуальную фикцию, согласно которой срок предварительного расследования считается «действующим» и по приостановленному производству, и, правильно «исчислив» последний, — продлить срок применения принудительных мер «до (оставшегося) истечения» срока; либо проявить объективность в оценке и, констатируя, что приостановленный срок расследования не может считаться «действующим», отказать в дальнейшем применении длящихся принудительных мер. Реальные закономерности практики в этих моментах в целом известны; как следствие, мы конвенционально откажемся от дальнейших упражнений в этих моментах, и вернемся к анализу сроков-гарантий. На практике последние вновь предстают в виде наработанных, латентно узаконенных фикций. К примеру, роль конкретных, предельно обозначенных (пресекательных) сроков играют следующие «правовые» конструкции: дело приостанавливается, а меры процессуального принуждения устанавливаются «до экстрадиции обвиняемого или его задержания на территории Российской Федерации» (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). По основаниям п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, соответственно, — до «выздоровления обвиняемого», «стойкого улучшения его здоровья», «обеспечения возможности его участия в следственных действиях».

Полагаем, аналогичные проблемы, скорее всего, обозначат себя и в рамках основания приостановления производства по делу, предусмотренного нормами Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к уча-

стию в специальной военной операции», и в контексте новой редакции норм ст. 435 УПК РФ. В первой ситуации, к примеру, в принципе неясен момент, до которого следует как приостановить производство по делу, так и решить вопрос с продлением (отменой, изменением) ранее принятых мер процессуального принуждения. Особенно с учетом того, что данное основание уже оценено российской уголовно-процессуальной доктриной в качестве однозначно самостоятельного и доминантного по отношению к нормам гл. 28 УПК РФ [3, с. 34]. Во второй ситуации коллизий не меньше; причем, как в части точного понимания сроков реализации вынужденного, неотложного, временного, принудительного психиатрического лечения обвиняемого по правилам ст. 435 УПК РФ, так и относительно условий его актуального продления по правилам ст. 109 УПК РФ. Особенно в части согласования строгой системы условий, установленных законом для внесения и рассмотрения судом ходатайства следственных органов по существу при продлении срока свыше 6 или 12 месяцев [4, с. 102–103].

Список источников

1. *Обзор судебной практики применения судами Нижегородской области законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога за четвертый квартал 2014 года* (утв. Президиумом Нижегородского областного суда 22 апреля 2015 г.).
2. *Ковтун Н. Н., Ростов Д. В.* Институт приостановления производства по уголовному делу: о новом «вине» и старых «мехах» // *Российская юстиция*. 2023. № 4.
3. *Скрибайло В.-Т. С.* Закон об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Применение в суде // *Уголовный процесс*. 2023. № 11.
4. *Ковтун Н. Н.* Коллизии неотложной психиатрической помощи уголовно преследуемым лицам как предмет активной позиции адвоката в уголовном судопроизводстве России // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2022. № 3(59).

П. В. Козловский

Применение принуждения с целью обеспечения тайны досудебного производства: эффективность и целесообразность

Активное внедрение элементов состязательности в досудебное производство, которое по своей природе является тайным, привело к приоритетному обеспечению права на защиту в ущерб публичным интересам

и интересам иных участников уголовного судопроизводства. Произошло расширение круга документов, ознакомление с которыми возможно в ходе досудебного производства по уголовному делу. Одновременно на судебные заседания в досудебном производстве были перенесены гарантии судебного разбирательства (право знакомиться со всеми материалами уголовного дела, представленными в суд) без учета специфики досудебного производства. Это привело к практически неограниченному праву сторон на доступ к материалам уголовного дела до завершения расследования. При этом эффективных компенсационных механизмов, позволяющих если не исключить, то, по крайней мере, ограничить разглашение данных предварительного расследования, разработано не было. Широкий доступ к данным предварительного расследования до его завершения влияет не только на эффективность деятельности правоохранительных органов, но и затрагивает интересы широкого круга лиц, прикосновенных к расследованию. В материалах уголовного дела могут оказаться сведения, содержащие медицинскую, коммерческую и иную охраняемую законом тайну, случайное или умышленное разглашение которых способно нанести серьезный ущерб.

В соответствии со ст. 161 УПК РФ данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения органа расследования и только в том объеме, в каком им будет признано это допустимым. В качестве средства обеспечения указанного запрета предусмотрена мера принуждения — предупреждение об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования в соответствии со ст. 310 УК РФ.

Несмотря на то что общая норма (ст. 161 УПК РФ) предусматривает обязанность не разглашать данные предварительного расследования всеми участниками, фактически такая обязанность возложена на свидетеля, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, защитника, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, эксперта, специалиста, переводчика, понятого. Обвиняемый и подозреваемый ответственности за разглашение данных предварительного расследования не несут.

Данный механизм имеет ряд иных недостатков. Так, не предусмотрена ответственность за разглашение сведений в стадии возбуждения уголовного дела, не учитываются тяжкие последствия, которые могут наступить в результате разглашения. В этой части заслуживает поддержки предложение А. П. Липинского о необходимости корректировки ст. 310

УК РФ: установления уголовной ответственности за разглашение данных, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении, а также усиления уголовной ответственности при наступлении тяжких последствий [1, с. 234]. Кроме того остается открытым вопрос о разглашении сведений, ставших известными в ходе осуществления судебного контроля в досудебном производстве, так как в соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 161 УПК РФ запрет не распространяется на сведения, оглашенные в открытом судебном заседании.

Представляется, что мера принуждения в виде запрета разглашения данных досудебного производства может быть в определенной степени эффективна в части защиты сведений, составляющих охраняемую законом тайну. Порядок ее применения, безусловно, нуждается в определенном совершенствовании: распространение обязанности хранить тайну на участников, не имеющих определенного процессуального статуса (статисты, лица, присутствующие при производстве обыска, и др.) [2, с. 15].

Однако проблемы сохранения в тайне сведений о ходе расследования от стороны защиты этот механизм не решает. Обвиняемый, подавая жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ, как правило, не преследует цели публичного оглашения полученных сведений, намереваясь использовать их для выработки линии защиты и противодействия расследованию. Фундаментальная проблема кроется в допустимых границах проникновения состязательных начал в предварительное расследование, объеме материалов уголовного дела, подлежащих предъявлению до завершения расследования.

Требуется четко разграничить пределы ознакомления с материалами уголовного дела сторон и пределы публичного обнародования результатов расследования. Запрет на разглашение полученной информации является значительно менее эффективным средством, нежели ограничение доступа к ней. Сама возможность существования тайны следствия сейчас находится под вопросом. Исследование значительной части материалов в открытых судебных заседаниях с участием сторон (избрание меры пресечения, продление срока содержания под стражей или домашним арестом, рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 и др.) свидетельствуют о том, что обеспечение прав участников уголовного процесса (в первую очередь, со стороны защиты) на доступ к материалам уголовного дела является более значимой ценностью, чем эффективность расследования. При сложившемся подходе предупреждение с целью сохранения данных предварительного расследования участников со стороны защиты в значительной степени утратило смысл. Потенциал меры принуждения в виде предупреждения о недопустимости разглашения данных предва-

рительного расследования весьма ограничен. Модернизация способна несколько усилить ее потенциал, но кардинально на проблему обеспечения тайны досудебного производства не повлияет. Чрезмерно детальная регламентация скорее усложнит и окажет негативное воздействие на производство предварительного расследования.

Список источников

1. *Липинский А. П.* Обеспечение недопустимости разглашения данных досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2023.

2. *Дударева М. А.* Особенности реализации требований ст. 161 УПК РФ в досудебном производстве по уголовным делам // Законодательство и практика. 2022. № 1.

В. А. Константинова, В. В. Константинов

Применение мер уголовно-процессуального принуждения в особом порядке судебного разбирательства

Уголовное судопроизводство объективно имеет принудительный характер, в связи с чем меры уголовно-процессуального принуждения играют в нем значительную роль. В этой связи крупнейший исследователь в указанной области Б. Б. Булатов отмечает: «...возможности достижения целей уголовного судопроизводства, обеспечения его нормального хода во многом... зависят от своевременности и эффективности использования соответствующими должностными лицами и судом имеющегося в их распоряжении потенциала государственного принуждения...» [1, с. 3].

Действующий уголовно-процессуальный закон насыщен упрощенными судебными процедурами. Ярким примером является предусмотренный гл. 40 УПК РФ особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (далее — особый порядок), в рамках которого (несмотря на ожидаемый «бесконфликтный» характер) применяются меры процессуального принуждения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» не предусматривает особенностей их применения в упрощенном судебном производстве. Однако они имеются, и их выделение имеет научное и практическое значение.

При рассмотрении дел в особом порядке сокращается перечень мер процессуального принуждения (с учетом особенностей субъектного со-

става). Так, не применяется предусмотренное ст. 91 УПК РФ задержание подозреваемого (по своей природе — полицейская мера). С. И. Вершинина предлагает отдельно регламентировать в законе основания и условия задержания лица, объявленного в розыск [2, с. 12]. Самобытность задержания осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, подчеркивает В. В. Николюк [3, с. 125–126]. Применительно к судебному разбирательству, в том числе в особом порядке, данный аспект также актуален, поскольку необходимость ограничения физической свободы может возникнуть при обнаружении находящегося в розыске подсудимого (ч. 4 ст. 108, ч. 3 ст. 210, ч. 2 ст. 238 УПК РФ). Кроме того в особом порядке не может быть применен присмотр за несовершеннолетним, поскольку в силу ч. 2 ст. 420 УПК РФ и п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» производство по уголовному делу о совершенном несовершеннолетним преступлении осуществляется в общем порядке.

Оставшиеся меры пресечения (подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу) и иные меры процессуального принуждения (обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, денежное взыскание) вполне применимы в особом порядке, однако, по сравнению с ординарным, они применяются реже. Судебная статистика на сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ не позволяет оценить точное количество мер процессуального принуждения по делам, рассмотренным именно в особом порядке, но анализ судебной практики и опыт практической деятельности позволяет нам сделать данный вывод.

Обусловлено такое сокращение «бесконфликтным» характером особого порядка, а также ограничением его сферы преступлениями небольшой и средней тяжести. Так, согласно ч. 1 ст. 108 УПК РФ, п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» в отношении обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести суд вправе избрать заключение под стражу только в исключительных случаях, при условии, что наряду с предусмотренными ст. 97 УПК РФ основаниями имеется одно из следующих обстоятельств: обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории РФ;

им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или суда. Пунктом 36 указанного постановления в зависимости от категории преступлений предусмотрено ограничение для избрания домашнего ареста.

Также сокращение обусловлено особенностями процессуальной формы рассмотрения уголовных дел в особом порядке. При поступлении таких дел в суд, как правило, к обвиняемым еще на стадии предварительного расследования применены меры процессуального принуждения. Учитывая заявленное обвиняемым ходатайство о согласии с предъявленным обвинением, отсутствие необходимости в вызове свидетелей и непосредственном исследовании доказательств, в стадии назначения судебного заседания крайне редко возникает потребность в изменении (избрании) меры процессуального принуждения (пресечения) в отношении обвиняемого. В большинстве случаев в особом порядке уголовные дела рассматриваются в «одно заседание», и у суда при надлежащей явке не возникает необходимости в решении данного вопроса. Такая потребность появляется лишь при неявке потерпевшего или подсудимого, объявлении последнего в розыск, а также при осуждении к реальному лишению свободы для обеспечения исполнения наказания.

Несмотря на сокращение количества мер процессуального принуждения (пресечения) в особом порядке, они применяются в судебной практике. Весьма эффективной является мера пресечения в виде заключения под стражу. Нередко применяются подписка о невыезде, принудительный привод. Так, Омским районным судом Омской области до постановления 21 сентября 2023 г. в особом порядке обвинительного приговора в отношении Ш. по ст. 158¹ УК РФ последовательно вынесены решения о приводе, объявлении в розыск и заключении под стражу¹. Аналогичные решения принимаются и при рассмотрении в особом порядке других дел².

Также интересным представляется вопрос о наличии (отсутствии) конкуренции оснований для применения мер процессуального принуждения и оснований (условий) для рассмотрения уголовного дела в особом порядке. Основанием для рассмотрения дела в особом порядке является согласие с предъявленным обвинением, выраженное в форме ходатайства,

¹ Приговор Омского районного суда Омской области от 21 сентября 2023 г. по делу № 1-199/2023 // Архив Омского районного суда Омской области за 2023 год.

² Приговор Советского районного суда г. Омска от 6 июня 2023 г. по делу № 1-135/2023 // Архив Советского районного суда г. Омска за 2023 год ; Приговор Октябрьского районного суда г. Омска от 27 ноября 2023 г. по делу № 1-385/2023 // Архив Октябрьского районного суда г. Омска за 2023 год.

а условиями: категория преступлений, согласие обвинителя и потерпевшего, проведение консультации с защитником, присутствие защитника при заявлении ходатайства, добровольность ходатайства, осознание обвиняемым характера и последствий заявленного ходатайства [4, с. 1066–1068].

Основания для избрания мер пресечения предусмотрены ст. 97 УПК РФ, к их числу относятся наличие достаточных данных полагать, что подсудимый: 1) скроется от суда; 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью; 3) может угрожать участникам процесса, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по делу; а также 4) для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица. Из указанных оснований третье, на наш взгляд, конкурирует с применением особого порядка, поскольку его наличие порождает сомнения в согласии с обвинением, добровольности и осознании последствий заявленного ходатайства. Если судом будет применена мера пресечения по данному основанию, то представляется правильным рассматривать такое уголовное дело в общем порядке для установления всех значимых обстоятельств. Таким образом, основания применения мер пресечения автономны, однако некоторые из них могут конкурировать с условиями особого порядка. Предусмотренные же ст. ст. 111–115, 117 УПК РФ основания для применения иных мер процессуального принуждения не препятствуют рассмотрению дела в особом порядке.

Также следует отметить, что неисполнение подсудимым уголовно-процессуальных обязанностей, влекущее применение мер процессуального принуждения, значительно нивелирует упрощение процедуры и процессуальную экономию и должно влечь негативные процессуальные последствия в виде взыскания судебных издержек, в связи с чем предлагается внесение соответствующих изменений в ч. 10 ст. 316 УПК РФ.

Список источников

1. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.

2. Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017.

3. Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел, 2015.

4. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Голловко. М., 2021.

А. В. Кудрявцева

Компетенция эксперта и специалиста: обязательные случаи назначения и проведения экспертизы в уголовном судопроизводстве

В соответствии со ст. 195 УПК РФ следователь, лицо, производящее дознание, назначают экспертизу в том случае, когда в ней возникает необходимость, за исключением тех случаев, когда УПК предусматривает обязательное назначение экспертизы. В процессе доказывания это означает, что обстоятельства, перечисленные в ст. 196 УПК, могут быть установлены только с помощью такого источника доказательств, как заключение эксперта.

Перечень случаев обязательного назначения экспертизы расширяют постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» отмечается, что для определения вида средств и веществ (наркотическое, психотропное или их аналоги, сильнодействующее или ядовитое, новое потенциально опасное, психоактивное), их размеров, названий и свойств, происхождения, способа изготовления, производства или переработки, а также для установления принадлежности растений к культурам, содержащим наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, требуются специальные знания, суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» в тех случаях, когда для решения вопроса о том, являются ли оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами предметы, которые лицо незаконно носило, хранило, приобрело, изготовило, сбыло или похитило, требуются специальные познания, по делу необходимо проведение экспертизы.

Это положение неуклонно соблюдается на практике. Так, в кассационном постановлении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2023 г. № 77-2744/2023 судебная коллегия, отменяя приговор, указала: «Так, для признания осужденного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, а именно в незаконном хранении боеприпасов, надлежит установить, относятся ли изъятые у него

предметы к категории боеприпасов. Установление данного факта возможно лишь с помощью экспертного заключения, полученного в соответствии с требованиями УПК РФ и исследованного в судебном заседании».

В соответствии со ст. 41 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» Правительство Российской Федерации может устанавливать перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями. Такой Перечень установлен распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р (далее — распоряжение) утвержден Перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями (далее — Перечень). Отказывая в удовлетворении административного искового заявления К. П., К. Д. о признании недействующим раздела II Перечня организациями, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р, Верховный Суд РФ указал: «...с учетом характера рассматриваемого судом спора и конкретных обстоятельств каждого дела вид назначаемой экспертизы, профессиональные и квалификационные требования к эксперту, проверка наличия у него специальных знаний в области предмета экспертизы, а также проверка сведений о его образовании, специальности, стаже работы, занимаемой должности и круг вопросов, которые ставятся перед экспертом или экспертным учреждением, определяет исключительно суд, которому принадлежит право назначения судебной экспертизы. Определение Правительством Российской Федерации в разделе II Перечня двух видов судебных экспертиз, которые могут проводиться только государственными экспертными учреждениями, не препятствует суду с учетом специфики спора и всех фактических обстоятельств дела определять характер и виды специальных познаний, необходимых ему для правильного рассмотрения дела, и принимать решение о назначении по делу иной судебной экспертизы».

В связи с этим оспариваемые положения Перечня не исключают возможность назначения по делу об оспаривании кадастровой стоимости объектов недвижимости судебной оценочной экспертизы и поручение ее проведения вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями, но не являющимися государственными судебными экспертами, что также подтверждается пояснениями представителей Правительства Российской Федерации в судебном заседании и их письменными возражениями (Решение Верховного Суда РФ от 24 марта 2022 г. № АКПИ22-93).

Если мы проанализируем следственную и судебную практику, то мы увидим, что в обязательных случаях назначения судебной экспертизы в соответствии со ст. 196 УПК РФ, как правило, эти экспертизы назначаются в государственных судебно-экспертных учреждениях. В очень редких случаях повторные экспертизы, в том числе и судебно-медицинские, для установления причин смерти или для определения тяжести вреда здоровью могут быть поручены негосударственным экспертам. При этом следует отметить ошибки, допускаемые в случаях назначения таких экспертиз. К ним можно отнести назначение повторных экспертиз без достаточных к тому оснований, привлечение в комиссии экспертов, не обладающих необходимыми специальными познаниями (Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 июля 2021 г. № 77-2283/2021), назначение экспертизы в учреждении, которое экспертным не является; проведение экспертизы в учреждении, не имеющем права проведения определенного вида экспертиз (отсутствие лицензии).

В литературе высказывались предложения по расширению перечня случаев обязательного назначения экспертизы: например, указывается на необходимость проведения технической экспертизы по делам о нарушении правил охраны труда и др. Мы полагаем, что целесообразно сформулировать общую норму, в которой определить критерии, когда назначение экспертизы будет обязательным, наряду с теми случаями назначения экспертизы, которые указаны в ст. 196 УПК РФ.

Если мы проанализируем обязательные случаи проведения экспертизы, установленные в ст. 196 УПК РФ, а также рекомендации Верховного Суда Российской Федерации, то мы увидим, что случаи (обстоятельства, для установления которых необходима экспертиза), перечисленные в законе и постановлениях Пленума Верховного Суда, представляют собой определенные признаки того или иного элемента состава преступления, за исключением случая, указанного в п. 4 ст. 196 УПК РФ.

Другими словами, формулирование нормы, предусматривающей общие критерии обязательного назначения и проведения экспертизы, вполне возможно, если указать в ней, что экспертиза является обязательной, если для установления существенных для уголовного дела обстоятельств необходимо проведение исследований на основе специальных познаний в области науки, техники, искусства или ремесла, а также для установления уголовно-процессуальной дееспособности участников уголовного судопроизводства.

Предвидя возражения, что на стадии предварительного расследования не всегда выполняются требования ст. 196 УПК РФ, где четко

и ясно перечислены обстоятельства, установление которых возможно только с помощью экспертизы, и формулирование общей нормы повлечет за собой неназначение экспертизы в больших объемах, отметим, что уголовно-процессуальный закон в части, предусматривающей порядок действий по расследованию и разрешению уголовных дел, рассчитан на достаточно квалифицированных и грамотных следователей, дознавателей и исходит из понимания и знания ими не только буквы, но и духа закона. При сложностях правоприменительной практики разъяснения по поводу применения этой нормы могут содержаться в постановлениях Пленума Верховного Суда по различным вопросам и других актах официального толкования закона.

Учитывая вышесказанное, необходимо констатировать факт, в соответствии с которым решение о целесообразности и необходимости в назначении и проведении экспертизы принимается следователем, дознавателем, судом на основании закона и конкретных обстоятельств уголовного дела.

В криминалистической и процессуальной литературе дискутируется проблема об основаниях производства экспертизы и основаниях привлечения специалиста к производству следственных действий. Вызывает дискуссии и правовая природа осмотра живого человека с целью установления тяжести вреда здоровью, особенно в случаях, когда речь идет об очевидно незначительном вреде. Закон требует для определения тяжести вреда здоровью обязательного назначения экспертизы. Если разграничивать компетенцию эксперта и специалиста по уровню решения экспертных задач, то представляется, что установить причинение легкого вреда здоровью и вреда средней тяжести возможно с помощью освидетельствования с привлечением специалиста в области судебной медицины или медицины, так как деятельность эксперта от деятельности специалиста отличается глубиной и сложностью проведенного исследования.

Вывод эксперта о тяжести вреда здоровью основан на таких методах познания, как наблюдение, описание и сравнение, что характерно для деятельности специалиста в уголовном процессе. Кроме того, установление тяжести вреда здоровью не требует особой лабораторной и инструментальной базы, за исключением тех случаев, когда лицо находится на излечении в стационаре. При этом эксперт делает свое заключение на основе изучения амбулаторной карты больного и истории болезни. В соответствии с вышесказанным следует пересмотреть случаи обязательного назначения экспертизы, при этом можно пойти по пути перечисления случаев назначения экспертизы исходя из частного предмета экспертизы.

А можно указать на общий критерий обязательности назначения экспертизы, что достаточно сложно сделать.

Для этого необходимо определить гносеологический критерий необходимости использования специальных познаний в форме экспертизы как обязательный случай. Гносеологическим признаком разграничения компетенции эксперта и специалиста при даче ими заключения должен являться уровень исследований, которые они проводят. Специалист на эмпирическом уровне проводит исследования, в качестве этапов которого выступают наблюдение, измерение, описание, обработка эмпирических данных. Эксперт проводит исследования, где присутствуют и эмпирический, и теоретический уровень: в теоретическом уровне выделяют: этапы формализации, интерпретации, объяснения, предсказания, ретросказания.

Статья 196 УПК РФ требует обязательного назначения экспертизы в случае возникновения сомнения в способности подозреваемого (обвиняемого) руководить своими действиями и отдавать отчет в своих действиях, иными словами, когда возникает сомнение во вменяемости обвиняемого или в его психическом здоровье после совершения преступления. На наш взгляд, необходимо закрепить законодательно оспорируемую презумпцию вменяемости взрослого человека при достижении им возраста, с которого наступает уголовная ответственность. В литературе указывается, что способность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими связывается с категориями общеизвестности и очевидности. Однако вменяемость как очевидный и общеизвестный факт в уголовном процессе может быть оспорена, и в этом случае, безусловно, обязательно назначение психолого-психиатрической экспертизы [1, с. 47].

Интересен вопрос об уголовно-процессуальной дееспособности потерпевшего и свидетеля, причем в литературе понятие уголовно-процессуальной дееспособности рассматривается исключительно применительно по отношению к потерпевшему. В специальной литературе под уголовно-процессуальной дееспособностью участника уголовного судопроизводства понимается способность лично осуществлять свои права и нести обязанности по уголовному делу или доверить это представителю [2, с. 130–131]. Ю. Л. Метелица, называя это определение слишком общим (по существу предельно обобщенным), дает следующее определение юридического критерия уголовно-процессуальной недееспособности потерпевшего: «Неспособность правильно понимать характер и значение правонарушения и своего процессуального положения (интеллектуальный критерий) и самостоятельно осуществлять свои процессуальные права

и обязанности (волевой критерий)» [2, с. 131]. Нам представляется это определение более правильным, так как оно отвечает тем требованиям, на основе которых может производиться оценка способности субъекта к осуществлению данного вида юридически значимой деятельности. Если в УПК закрепить не только презумпцию вменяемости взрослого человека, достигшего возраста уголовной ответственности, но и презумпцию уголовно-процессуальной дееспособности, то в этом случае мы можем сформулировать обязательные случаи назначения экспертизы следующим образом: «Экспертиза обязательно назначается следователем, лицом, производящим дознание, и судом в тех случаях, когда возникает сомнение во вменяемости лица, привлекаемого к уголовной ответственности, а также в уголовно-процессуальной дееспособности подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего». Другими словами, формулирование нормы, предусматривающей общие критерии обязательного назначения и проведения экспертизы, вполне возможно, если указать в ней, что экспертиза является обязательной, если для установления существенных для уголовного дела обстоятельств необходимо проведение глубоких исследований на основе специальных знаний эмпирического и теоретического уровня, а также для установления уголовно-процессуальной дееспособности участников уголовного судопроизводства.

Список источников

1. *Теория доказательств в советском уголовном процессе*. М., 1973.
2. *Метелица Ю. Л.* Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. М., 1990.

Т. В. Куряхова

Применение мер пресечения по уголовному делу, возвращенному судом в порядке ст. 237 УПК РФ

С начала действия УПК РФ правовая регламентация мер пресечения постоянно модернизируется. Законодателем движет потребность найти баланс между публичным предназначением уголовного судопроизводства и частными интересами преследуемых лиц [1, с. 23]. Существенно трансформировалась и практика применения мер пресечения. Изменились подходы к оценке обоснованности применения мер пресечения, правила исчисления содержания обвиняемых под стражей на этапе перехода уголовного дела из досудебных стадий в судебные, при возвращении дела из суда и др. Но несмотря на потребности практики, применение

мер пресечения при возвращении дела прокурору осталось без должного внимания законодателя. Современное регулирование чрезвычайно лаконично и не учитывает специфики производства по уголовному делу, возвращенному из суда. В части 3 ст. 237 УПК РФ закреплена обязанность суда решить вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого, дело о котором возвращается прокурору, и если к нему применяется мера пресечения в виде заключения под стражу, — право продлить ее применение с учетом сроков, указанных в ст. 109 УПК РФ, предусмотренных для досудебного производства. Целью такого продления названо производство следственных и иных процессуальных действий.

Обратим внимание на некоторые проблемы применения мер пресечения по возвращенному судом уголовному делу.

Требуется разъяснений вопрос о применении к обвиняемому мер пресечения по уголовному делу, возвращенному прокурору после истечения сроков давности его привлечения к уголовной ответственности. Федеральным законом от 13 июня 2023 г. № 220-ФЗ введен запрет на применение мер пресечения в период «дополнительного» производства в отношении обвиняемого, возражающего против прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности его привлечения к уголовной ответственности (ч. 3 ст. 97 УПК РФ). Данная норма не распространяется на уголовные дела, возвращенные прокурору. Прокурор, как правило, поручает устранить нарушение закона следователю, но деятельность по выполнению указаний суда не является дополнительным расследованием. Она лишь обеспечивает продолжение судебного разбирательства и не направлена на изобличение обвиняемого (постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П, от 16 мая 2007 г. № 6-П, от 2 июля 2013 г. № 16-П, от 16 июля 2015 г. № 23-П и др.).

В законе отсутствует указание о правилах исчисления при возвращении уголовного дела прокурору срока залога, запрета определенных действий и домашнего ареста. Помимо содержания под стражей ограничение в виде срока характерно для залога, запрета определенных действий и домашнего ареста, однако закон не закрепляет правил течения сроков их применения в период нахождения уголовного дела в суде и при возвращении его прокурору. Целесообразность содержания обвиняемого под стражей за счет досудебных сроков объясняется судьями необходимостью причислить уголовное дело за органом преследования. Дела, в которых применяются иные «срочные» меры пресечения, не требуют подобных организационных действий, кроме того что сроки наложения запретов определенных действий и залога не связаны со сроками, указан-

ными в ст. 109 УПК РФ. Верховный Суд РФ в специализированном постановлении Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41 соответствующих разъяснений не дает. С учетом специфики возвратного движения дела, требуется дополнить ч. 3 ст. 237 УПК РФ положениями, отражающими отношение законодателя к данным вопросам.

Не прояснен вопрос о том, по правилам досудебного или судебного производства исчисляется срок содержания обвиняемого под стражей на период устранения нарушения закона прокурором, без передачи дела следователю. Решение этого вопроса зависит от интерпретации названной в законе цели продления срока содержания обвиняемого под стражей по возвращенному делу. Как правило, понятие «иные процессуальные действия» в сочетании с понятием «следственные действия» используется при характеристике деятельности следователя, направленной на собирание доказательств в ходе ординарного расследования. Дополнение ч. 3 ст. 237 УПК РФ указанием на необходимость производства следственных и иных процессуальных действий в качестве цели продления содержания обвиняемого под стражей за счет досудебных сроков произошло одновременно с исключением ч. 4 ст. 237 УПК РФ, содержащей запрет на производство таких действий. Кроме того, текстовое выражение цели продления дословно использовано в ч. 6¹ ст. 162 УПК РФ как дефиниция деятельности следователя по устранению препятствий рассмотрения судом уголовного дела. Сказанное наводит на мысль, что нормативное правило продления срока содержания под стражей распространяется лишь на ситуации, когда для устранения нарушений закона требуется передать уголовное дело следователю. Значит, нормативно не исключается нахождение обвиняемого под стражей на время вручения ему прокурором копии обвинительного заключения за счет судебных сроков. С учетом незначительного времени, необходимого для устранения нарушений закона, относящихся к компетенции прокурора, такой порядок является оптимальным. Однако суды исходят из общего понятия процессуального действия как любого предусмотренного законом действия (п. 32 ст. 5 УПК РФ), поэтому в каждом случае возвращения дела прокурору продлевают сроки содержания обвиняемого под стражей, основываясь на положениях ст. 109 УПК РФ.

При продлении срока содержания под стражей обвиняемого, дело о котором возвращается прокурору, суд не может указать конкретную дату, до которой продляется срок. В силу п. 1 ч. 8 ст. 109 УПК РФ в постановлении о продлении срока содержания под стражей указывается дата, до которой продлевается срок содержания под стражей. Ис-

полнить данное предписание закона при возвращении дела прокурору невозможно, поскольку суд не знает, будут ли стороны обжаловать решение о возвращении дела. Досудебный срок содержания обвиняемого под стражей начинает исчисляться с момента поступления уголовного дела прокурору (п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41), поэтому считаем разумным указывать срок действия содержания обвиняемого под стражей с использованием таких формулировок: «продлить срок содержания под стражей на 15 суток, то есть до 2 месяцев 15 суток, и исчислять с момента поступления уголовного дела прокурору».

Предполагается возможность выйти за рамки предельных сроков содержания под стражей, если предельные сроки были превышены при первоначальном расследовании. Обвиняемый, в отношении которого уголовное дело возвращено прокурору, на период устранения нарушений закона и ознакомления с материалами дела может содержаться под стражей свыше установленных предельных сроков применения данной меры пресечения, даже если требование о предоставлении ему возможности начать ознакомление с материалами уголовного дела за 30 суток до окончания предельного срока не может быть соблюдено, поскольку уже было реализовано в ходе первоначального расследования (постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П). Право на доступ к материалам дела и необходимость обеспечить рассмотрение уголовного дела судом выносятся Конституционным Судом РФ на первый план. Баланс публичных и частных интересов достигается здесь посредством компенсаторных механизмов [см. подробнее: 2, с. 51–54; 3, с. 66–73].

Таким образом, необходимость специального регулирования правоотношений, складывающихся в связи применением мер пресечения по возвращенному судом прокурору уголовному делу, очевидна. Обусловлена она содержанием досудебного производства, в ходе которого устраняются нарушения, препятствующие рассмотрению дела.

Список источников

1. Булатов Б. Б., Муравьев К. В. Институт мер пресечения в УПК Российской Федерации: динамика развития и перспективы совершенствования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.
2. Куряхова Т. В. Особенности продления предельного срока содержания под стражей по возвращенному судом уголовному делу // Законодательство и практика. 2018. № 1.
3. Червоткин А. С. Заключение под стражу при возвращении уголовного дела прокурору // Уголовный процесс. 2016. № 5.

В. В. Рудич, Л. М. Фетищева

Договорные и обязательственные элементы в уголовном процессе и их влияние на применение мер пресечения

Для наиболее правильного раскрытия рассматриваемого в настоящей статье вопроса начнем с утверждения о том, что в российском уголовном процессе за непродолжительный период развился ряд уголовно-процессуальных производств, которые так или иначе связаны с упрощением общей уголовно-процессуальной формы. Среди таких производств можно назвать: досудебное соглашение о сотрудничестве; дознание в сокращенной форме; особый порядок судебного разбирательства; производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности; прекращение уголовных дел по не реабилитирующим основаниям.

Кроме понятия «упрощенные производства» в уголовном процессе применяются понятия «ускоренные производства», «сокращенные производства». Однако несмотря на различие в названиях, следует признать, что данные термины обозначают по своей сути один институт.

Помимо указанных производств, в нашем уголовном процессе применяются и производства по прекращению уголовных дел посредством процедуры примирения сторон в соответствии с ч. 2 ст. 20, ст. 25, ч. 2 ст. 28, ст. 427 УПК РФ. В общем понимании — это процедуры примирительно-медиационного характера, в которых реализуется примирение между потерпевшим и обвиняемым, что, по сути, является соглашением сторон, в результате чего прекращается производство по уголовному делу.

Отмечая названные уголовно-процессуальные производства, нельзя не сказать и о таком понятии, как трансакция, в число участников такого договора могут быть включены должностное лицо органа предварительного расследования, в производстве которого находится уголовное дело, либо прокурор, таким участником может быть и суд [1].

Возникновение указанных видов уголовно-процессуальных производств связывают с конвергенцией частного и публичного права. Конвергенция состоит в проникновении частного в публично-правовую материю; сочетании управомочивающего, запрещающего и обязывающего способов правового регулирования [2, с. 31–37].

Соглашаясь с основной мыслью о взаимопроникновении — конвергенции, выскажем собственное суждение по поводу указания на частное и публичное право. Говоря о конвергенции, следует понимать, что имеет место некий обмен элементами, при котором происходит смешение

публичного и частного начал, но не как таковое проникновение одного права в другое. При этом следует учесть, что частное право является частью гражданского права и выражает начало децентрализации, свободы отдельных субъектов. По И. Канту, частное право — «это такое право, в соответствии с которым обязанность и принуждение основываются не непосредственно на законе, а на справедливости и на свободе человека быть собственным господином» [цит. по: 3, с. 30]. В нем возможность решения той или иной жизненной ситуации не только в какой-то мере заранее запрограммирована в юридических нормах, но и предоставлена самим участникам отношений, которые определяют решение ситуации сами, автономно, своей волей и в своих интересах, преимущественно путем договоров.

Учитывая такое понятие частного права, сложно представить себе участника уголовно-процессуальных отношений — обвиняемого, который свободно, по своей воле, будучи сам себе господином, определяет договорные условия для решения той или иной ситуации в рамках производства по уголовному делу. Поэтому следует говорить о конвергенции не частного права, а о конвергенции инструментов цивилистики, или конвергенции цивилистического инструментария — договорных и обязательственных элементов. По правовой природе их можно соотносить с предусмотренным в гражданском праве договором присоединения, а также с обязательствами и деликтными обязательствами.

Указанный выше вывод основан на том, что в уголовном процессе обвиняемый, заключая, например, досудебное соглашение о сотрудничестве, должен изначально согласиться с теми условиями, которые ставит перед ним сторона обвинения, например: согласиться с предъявленным обвинением в полном объеме, сотрудничать со следствием, возместить ущерб потерпевшему и т. д. Аналогично обстоит дело при соглашении на проведение дознания в сокращенной форме. Для его проведения требуется еще и согласие процессуального защитника, которое он должен подтвердить своей подписью — на иных условиях дознание в сокращенной форме не проводится. Соблюдение подобных условий в полной мере соответствует условиям договора присоединения. А возмещение вреда потерпевшему в полной мере соответствует правилам об исполнении обязательства и, в частности, обязательства вследствие деликта. Аналогично развиваются договорные и обязательственные уголовно-процессуальные правоотношения в случае реализации процедуры примирения сторон и т. д.

По вопросу публичного права следует сказать, что для него «характерен специфический юридический порядок — порядок «власти — подчи-

нения». Порядок, в соответствии с которым лица, обладающие властью, вправе односторонне и непосредственно, без каких-либо дополнительных решений иных инстанций, определять поведение других лиц, и наоборот этому вся система властно-принудительных учреждений обязана силой принуждения обеспечивать полную и точную реализацию приказов и команд власти, а «все другие» лица безусловно им подчинятся. Отсюда вытекают и другие принципы публичного права: различия, разнорядковость правового статуса лица, иерархичность положения и разный объем властных правомочий у властвующих лиц, наличие ведомственной юрисдикции, отсутствие ориентации на решение спорных вопросов независимым судом» [3, с. 29–30].

Учитывая приведенное рассуждение о публичном праве, мы видим, что и понятие «публичное право» является не совсем корректным применительно только к уголовно-процессуальному праву, о котором идет речь в данной статье, поскольку оно включает в себя, по сути, все публично-правовые отрасли.

На основе приведенных суждений применительно к рассматриваемому в настоящей статье вопросу полагаем, что более точной будет формулировка о конвергенции цивилистического инструментария — договорных и обязательственных элементов в уголовно-процессуальное право. Именно в результате применения этих элементов в уголовно-процессуальном праве и возникают договорные и обязательственные уголовно-процессуальные правоотношения. Указанные выше уголовно-процессуальные производства как раз основаны на этих договорных и обязательственных уголовно-процессуальных правоотношениях, и рассматриваемые уголовно-процессуальные производства связаны с упрощением уголовно-процессуальной формы [4]. На этой основе мы можем считать верным мнение о наличии взаимосвязи между феноменом договорных уголовно-процессуальных правоотношений и уголовно-процессуальной формой и о том, что они оказывают прямое влияние на упрощение уголовно-процессуальной формы [5].

Однако цивилистическому инструментарии, посредством которого возникают рассматриваемые правоотношения, неразрывно связанные с упрощением уголовно-процессуальной формы, не придается должного значения. Это связано с тем, что использование договорных начал в уголовном процессе еще не стало естественным и общепринятым правилом. Позиция, суть которой заключается в том, что с преступником не может быть никаких договоренностей, сильна и не позволяет отечественному правосознанию выйти за рамки общепринятых правил. Вместе с тем

именно посредством применения цивилистических инструментов и благодаря договорным и обязательственным уголовно-процессуальным правоотношениям, создающим условия для реализации упрощенного производства, достигаются процессуальная эффективность, процессуальная результативность и процессуальная экономия [6, с. 128–132].

Высказывая суждение о конвергенции цивилистического инструментария в уголовно-процессуальное право, говоря о наличии договорных и обязательственных уголовно-процессуальных правоотношений, ограничиваться только новым взглядом на указанные феномены, полагаем, было бы не совсем верным. Считаем, что глубокое объединение инструментов гражданского и уголовно-процессуального права способно создать более эффективные способы решения как отдельных задач уголовно-процессуального закона, так и общей задачи борьбы с преступностью.

Делая такое утверждение, мы полагаем ошибочным мнение о том, что императивно-правовой метод, защита публичных интересов и публичность самого уголовного процесса определяются деятельностью компетентных органов [7, с. 29–32]. Как указывали процессуалисты еще дореволюционного периода, «публичность уголовного процесса обусловлена не его материально-правовым — уголовно-правовым содержанием, а публичностью правосудия и характером базового правопритязания — уголовного иска» [8, с. 90]. Следует также согласиться с мнением о том, что при приоритете императивных начал правовая организация процессуальных отношений все же может строиться как императивно-правовым, так и диспозитивно-правовым методом [9, с. 61–62].

Высказывая мнение о возможности расширении конвергенции, отметим, что упрощенные уголовно-процессуальные производства в основном исследуются учеными с позиции разрешения дела по существу — достижения итогового судебного акта. Однако мы считаем, что не менее важным является и вопрос о применении мер пресечения [10–12]. В этой связи не будет спорным утверждение о том, что применение упрощенных производств прямо влияет на вопрос о применении меры пресечения. Это влияние таково, что, как правило, применяется наиболее мягкая мера пресечения. Такой вывод сделан нами на основе анализа более 90 уголовных дел, расследуемых правоохранительными органами на территории города Екатеринбурга и Свердловской области, в рамках которых реализовывались упрощенные производства.

В научных кругах также высказывается мнение о том, что правовая организация механизма применения мер пресечения в уголовном процессе может быть проникнута диспозитивностью [8], состязательностью

и даже договорными элементами [13]. Так, возможно допущение своего рода сделки сторон при выборе меры пресечения. Такое суждение подтверждается и позицией Верховного Суда РФ, согласно которой «залог как мера пресечения по своей природе является двухсторонней и обоюдывыгодной сделкой» [14, с. 29; 15, с. 353–356]. Следует отметить, что и такие меры пресечения, как запрет определенных действий и домашний арест, имеют в своей основе элементы договора. Поэтому применение указанных мер пресечения нельзя считать проявлениями только императивно-правового метода.

Полагаем, что в этом случае имеют место элементы диспозитивности. Рассматривая такую меру пресечения, как подписка о невыезде, мы можем сказать, что условия ее применения и реализации предполагают между стороной обвинения и обвиняемым соглашение, которое обязывает обвиняемого не выезжать за пределы определенного места проживания и являться по вызову следователя для проведения следственных действий. В случае нарушения этих условий в отношении обвиняемого может быть избрана более строгая мера пресечения. Таким образом, можно сказать, что между стороной обвинения и обвиняемым на основе договорных и обязательственных элементов возникают договорные и обязательственные уголовно-процессуальные правоотношения, соблюдая которые, одна сторона — обвиняемый — обязуется соблюдать требуемые условия, а другая сторона — правоохранительные органы — в этом случае обязуются не применять более строгой меры пресечения.

Договорные и обязательственные элементы имеются и в такой мере пресечения, как личное поручительство. С той лишь разницей, что перед правоохранительными органами за обвиняемого ручается поручитель, а обвиняемый берет на себя определенные обязательства перед правоохранительными органами в силу авторитета поручителя. Договорные и обязательственные элементы можно наблюдать при применении таких мер пресечения, как наблюдение командования воинской части и присмотр за несовершеннолетним обвиняемым. В такой мере пресечения, как присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, с лицами, на которых возлагается эта обязанность, заключается соглашение, в котором указываются все необходимые условия, а в случае ненадлежащего исполнения такого присмотра на обязанное лицо может быть наложен штраф.

Наш анализ приводит к выводу о том, что договорные и обязательственные элементы присутствуют практически во всех мерах пресечения, и, по сути, способствуют их эффективности. Поэтому считаем, что рас-

ширение применения договорных и обязательственных элементов и регламентация системы дополнительных ограничений и обязательств будет способствовать «росту эффективности применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и снижению показателя применения самой строгой меры пресечения (содержания под стражей)» [16, с. 117]. Отметим также, что мы поддерживаем позицию, согласно которой «меры уголовно-процессуального принуждения должны быть не взаимоисключающими, а взаимодополняющими» [17, с. 196–197].

Приведенный анализ позволяет сделать итоговый вывод. Конвергенция цивилистических инструментов — договорных и обязательственных элементов в уголовно-процессуальный закон дает основания для возникновения договорных и обязательственных уголовно-процессуальных правоотношений, которые прямо влияют на уголовно-процессуальную форму, равно как и оказывают влияние на механизм применения и условия реализации мер пресечения.

Расширение применения договорных и обязательственных элементов и регламентация системы дополнительных ограничений и обязательств будет способствовать росту эффективности применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы.

Список источников

1. *Шерстнев В. Б.* Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2022.

2. *Давлетов А. А., Азарёнок Н. В.* Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2021. № 6.

3. *Алексеев С. С.* Частное право: научно-публицистический очерк. М., 1999.

4. *Свиридов М. К., Пилюк А. В.* Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации. Томск, 2019.

5. *Александров А. С.* Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // *Государство и право.* 2003. № 12.

6. *Никифорова Ю. Л.* К вопросу о возможной модели суммарного производства по уголовному делу для уголовного процесса России // *Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей : сб. науч. тр. : вып. 22 / под ред. М. П. Полякова, Д. В. Наметкина.* Н. Новгород, 2016.

7. *Тутынин И. Б.* Обеспечение прав и интересов при применении мер процессуального принуждения имущественного характера // Российская юстиция. 2014. № 9.

8. *Дикарев И. С.* Диспозитивность в уголовном процессе России / под ред. А. П. Кругликова. Волгоград, 2005.

9. *Бахта А. С.* Механизм уголовно-процессуального регулирования : монография. Хабаровск, 2010.

10. *Булатов Б. Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.

11. *Булатов Б. Б., Николюк В. В., Цоколова О. И.* Меры пресечения в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие. М., 2005.

12. *Булатов Б. Б.* Уголовный процесс : учебник для среднего профессионального образования : 8-е изд., перераб. и доп. / Б. Б. Булатов [и др.] ; под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М., 2023.

13. *Уголовный процесс : в 2 ч. Ч. 2* / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М., 2016.

14. *Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : в 2 ч. Ч. 1* / В. М. Лебедев [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева. М., 2016.

15. *Фетищева Л. М.* Законодательное регулирование и практика применения залога в качестве меры пресечения в уголовном процессе // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1(29).

16. *Рудич В. В.* Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве : дис. ...д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2020.

17. *Муравьев К. В.* Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017.

Ю. В. Сапронов

Некоторые уголовно-процессуальные проблемы практики применения залога

Меры пресечения являются одними из самых распространенных, значимых и действенных мер уголовно-процессуального принуждения. Учитывая это, в уголовно-процессуальной деятельности определяющим всегда становится вопрос дифференцированного подхода при выборе конкретной меры пресечения, что особенно актуально в случаях огра-

ничения конституционных прав и свобод граждан. Поэтому комплексный подход к определению точных оснований их применения и условий способствует минимизации вынесения ошибочных решений и, как следствие, их законному и эффективному применению.

В этой связи Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев на Совете судей России, состоявшемся 23 мая 2023 г., в своем выступлении указывал, что при решении вопроса об избрании меры пресечения особо была подчеркнута необходимость рассмотрения возможности применения к подозреваемым (обвиняемым) альтернативных заключению под стражу мер пресечения [1].

Одной из альтернативных мер пресечения выступает залог, который, как мера пресечения, известен отечественной уголовно-процессуальной науке еще со времени принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г., в соответствии с которым залог выступал одной из самых строгих мер пресечения. С принятием действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2001 г. залог не утратил своей актуальности, содержательная сторона данной меры пресечения в сравнении с ранее действующей нормой (ст. 99 УПК РСФСР 1960 г.) была дополнена новыми положениями и стала олицетворением принципа гуманизации уголовного судопроизводства России.

Напомним, что положения ст. 5 УПК РФ посвящены используемому законом понятийному аппарату и не содержат такого определения, как залог, однако оно раскрывается в ст. 106 УПК РФ. В соответствии с указанной нормой законодатель под залогом понимает внесение или передачу подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом недвижимого имущества и движимого имущества в целях обеспечения явки подозреваемого (обвиняемого), предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу.

Вместе с тем данные официальной статистики и практика применения залога свидетельствуют о том, что последний так и не смог стать реальной альтернативой наиболее строгой мере пресечения. Так, только за 2022 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено 96 ходатайств о применении в качестве меры пресечения залога, из которых удовлетворено было лишь 71 ходатайство. С учетом того, что в Российской Федерации 89 субъектов, получается, что в каждом из них суды рассматривают в среднем лишь одно ходатайство в год о применении к подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения в виде залога, в то время как ходатайство о применении заключения под стражу было удовлетворено 98 481 раз [2]. При этом в качестве

меры пресечения в виде заключения под стражу каждый из субъектов рассматривает в среднем 1106 ходатайств. Исходя из этого можно констатировать, что соотношение практики применения заключения под стражу и залога в среднем также выглядит как 1000 к 1.

Изложенное свидетельствует о наличии как проблем нормативного регулирования в рассматриваемых правоотношениях, так и практики применения рассматриваемой меры пресечения. В первую очередь причиной низкого показателя заявляемых ходатайств о применении залога является его сумма. Так, законодатель установил для преступлений небольшой и средней тяжести предел в 50 тысяч рублей, а для категории тяжких и особо тяжких преступлений — 500 тысяч. При этом необходимо заметить, что законодателем указан нижний предел суммы залога.

В силу того, что чаще остальных мер пресечения залог применяется за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, можно сделать следующие выводы:

- во-первых, как правило, ходатайства о применении залога заявляются гражданами с достаточно высоким подтверждаемым уровнем доходов;
- во-вторых, лица, совершившие преступления небольшой и средней тяжести, рассчитывают на применение к ним меры пресечения в виде подписки о невыезде и таким образом сторона защиты даже не пытается использовать возможности альтернативных процессуальных механизмов.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев высказал мнение о снижении суммы залога для ее большей доступности и наращивании практики применения [1]. Решением может послужить индивидуальный подход к определению суммы залога, без учета пределов, установленных действующим законодательством, или снижение суммы залога.

В настоящее время в соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации сумма залога должна быть соразмерна совершенному деянию, но с учетом нижнего предела суммы, определенной законодателем для каждой категории преступлений. Однако правоприменительная практика свидетельствует: данное требование не всегда обеспечивается, что негативно сказывается на достижении целей рассматриваемой меры пресечения [3]. В качестве примера можно привести решение Воронежского областного суда по делу № 22К-1237/2018, в соответствии с которым суд удовлетворил ходатайство об избрании залога в размере шести миллионов рублей, в то время как лицу инкриминировалось хищение в размере 65 миллионов рублей [4].

Считаем, что в рассмотренном случае отсутствует признак соразмерности и сумма залога никак не оправдывает причиненного вреда.

Следующая проблема применения меры пресечения в виде залога заключается в необходимости достаточно скорого принятия решения о применении к подозреваемому меры пресечения, связанной с ограничением конституционных прав. С момента задержания, как правило, есть 48 часов на заявление такого ходатайства, срок которого суд может продлить до 72 часов. При рассмотрении судом вопроса о возможности применения к подозреваемому залога стороне защиты необходимо предоставить данные, свидетельствующие о возможности передачи имущества (выписка из банковского счета, выписка из ЕГРН и т. д.), получение которых может быть затянута во времени. При этом целесообразно указать судам на необходимость рассмотрения вопроса о происхождении заложенного имущества при внесении залога третьими лицами во избежание ситуации, при которой залогом будет выступать имущество, полученное в результате совершения преступления.

Еще одна проблема при применении меры пресечения в виде залога — оценка, принятие и хранение залогового имущества. Предметом залога в соответствии с действующим законодательством может выступать движимое и недвижимое имущество. Если с движимым имуществом в виде денежных средств сложностей не возникает, то с недвижимым имуществом, переход права на которое требует государственной регистрации, дела обстоят иначе в связи с тем, что требуют дополнительных мер уголовно-процессуального принуждения — наложения ареста на имущество. Сложности вызывают случаи, когда сумма по результатам оценки недвижимого имущества превышает сумму залога. В связи с этим решение проблемы видится в сокращении перечня предметов, допускаемых в качестве залога, до денежных средств, как наиболее быстрого способа внесения залога.

Подводя итог, следует отметить, что рассмотренный перечень проблем не является исчерпывающим, но в то же время является весьма распространенным в сфере правоприменения отечественного уголовно-процессуального законодательства. В свою очередь указанные сложности негативно сказываются на эффективной реализации и расширении применения института залога и, как следствие, гуманизации уголовно-процессуального законодательства в целом. Представляется, что законодателю и правоприменителю следует предпринять необходимые меры для повышения эффективности реализации залога как конкурентоспособной и альтернативной заключению под стражу меры пресечения. При рассмотрении вопроса о применении залога в виде денежных средств следует уделять внимание легитимности происхождения таких денежных

средств, а также снижению суммы залога. Преодоление рассмотренных проблем позволит повысить эффективность применения залога.

Список источников

1. *Председатель* Верховного Суда Российской Федерации выступил на пленарном заседании Совета судей. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/32458/ (дата обращения: 25.11.2023).

2. *Отчет* о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 25.11.2023).

3. *О практике* применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41.

4. *Уголовное дело* №22К-1237/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Д. М. Сафронов

Правовое регулирование применения мер пресечения в условиях военного положения: вопросы и проблемы

Уголовное судопроизводство должно осуществляться в любых условиях, в том числе и в условиях военного положения (далее — УВП), введенного в четырех субъектах Российской Федерации с 20 октября 2022 г. согласно Указу Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей». Правовую основу данной деятельности составляет Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении». В рамках данной деятельности должны осуществляться и иные виды государственной деятельности, в том числе уголовно-процессуальная.

Ее эффективность напрямую связана с имеющимися правовыми средствами, в том числе с возможностью применения мер обеспечения, к которым относятся и меры пресечения. Их законодатель называет восемь, и данный перечень является универсальным. Между тем есть определенные сомнения в том, что все закрепленные в законе меры в УВП будут так же действенны, как и в условиях повседневной деятельности.

Для достижения целей уголовного судопроизводства необходимо использовать только те меры пресечения, которые будут способствовать

успешному выполнению режима военного положения и направлены на стабилизацию обстановки и восстановление стандартных условий деятельности государственных органов. Применяемые меры не должны ее ухудшать путем создания условий для сокрытия лица, продолжения занятия им преступной деятельностью, осуществления им угроз участникам уголовного судопроизводства либо для воспрепятствования исполнению приговора (ст. 97 УПК РФ).

Федеральным законом от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» законодатель впервые закрепил особенности применения мер пресечения в условиях военного положения в ч. 2 ст. 100 УПК РФ. Сопоставление вновь введенного положения с иными действующими положениями позволяет нам высказать следующие суждения.

Существующие восемь мер пресечения универсальны, однако возможность и эффективность их применения в условиях военного положения вызывает серьезные сомнения. Так, подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ) в описываемых условиях вряд ли будет эффективна: обеспечение контроля за нахождением лица в пределах населенного пункта, на который распространяется действие меры пресечения, будет затруднено. А использование сторонами тяжелого стрелкового, в том числе артиллерийского и ракетного оружия, бомбометания, ставит под сомнение и саму безопасность нахождения лица в пределах населенного пункта, на который распространяется эта мера пресечения. Такая же ситуация складывается и с личным поручительством (ст. 103 УПК РФ). По схожим основаниям вызывает сомнение целесообразность применения присмотра за несовершеннолетним обвиняемым (ст. 105 УПК РФ). При недостаточно доверительных отношениях его с «родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами» возможность его сокрытия от органов расследования либо уклонения от явки будет не только вероятна, но и практически непредотвратима. Также трудно обеспечить исполнение запрета определенных действий (ст. 105¹ УПК РФ). Помимо прочего, это одна из мер пресечения, избираемая по судебному решению.

Применительно к участию судов в уголовном судопроизводстве на его досудебном этапе в условиях военного положения важно заметить следующее. В таких условиях судебная система может не функционировать в полном объеме. УПК РФ не устанавливает возможность вовлечения иных судов для решения вопросов при отсутствии надлежащего суда (судьи). И эта сложность имеется при избрании любой из мер пресече-

ния, применяемой по решению суда. С другой стороны, запреты могут касаться не только нахождения в определенном месте, но и на общение с определенными лицами, использование средств связи, контроль над которыми в условиях ведения боевых действий очень сложно обеспечить. Вызывает сомнение и возможность применения залога (ст. 107 УПК РФ). Во-первых, это также мера пресечения, избираемая по решению суда. Во-вторых, как видится, применение залога не соответствует основным целям УВП: противодействие агрессии либо угрозы агрессии, поскольку защита недвижимого и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций частных лиц для обеспечения законопослушного поведения подозреваемого, обвиняемого — частная задача. Она отвлекает силы от выполнения более общей — защиты от агрессии. А утрата имущества в условиях совершения злоумышленником преступлений против интересов национальной безопасности и угроза потерь такого имущества для нарушителя, возможно, меньшее из зол. В-третьих, возникает вопрос, какими именно силами и как будет обеспечиваться это решение, когда имеет место угроза национальной безопасности и защищать нужно всю страну. Схожие возражения имеются против избрания домашнего ареста (ст. 108 УПК РФ).

С учетом высказанных суждений, полагаем, в УВП следует применять лишь две меры пресечения. Первая — наблюдение командования воинской части. Она может быть эффективной, поскольку воинская часть — режимная организация, порядок которой обеспечен внутренними правилами и мерами государственного принуждения. И в связи со специфическим субъектом, в отношении которого она применяется (военнослужащий), мы ее подробно рассматривать не будем. Вторая мера пресечения — заключение под стражу.

В пользу выбора данной меры пресечения в УВП говорит и исторический опыт защиты безопасности общества нашей страны и государства от угроз социального характера. В данном случае речь идет об угрозах организованной преступности. В свое время, испытывая ее воздействие, Президент Российской Федерации издал Указ от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности», в пункте 3 которого был установлен прямой запрет на применение к подозреваемым, обвиняемым в качестве мер пресечения подписки о невыезде, личного поручительства, поручительства общественных организаций и залога. Поясним, что в УПК РСФСР 1960 г. иных мер пресечения не было. Поэ-

тому Указом Президента РФ от 14 июня 1994 г. был установлен прямой полный запрет на применение любых иных мер пресечения, кроме заключения под стражу.

Выделив ее в качестве одной из перспективных мер пресечения для применения в УВП, мы, тем не менее, не можем не отметить ряд сложностей, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, применяя ее.

Во-первых, заключению лица под стражу должна предшествовать процедура его задержания по подозрению в совершении преступления. При этом необходимо учитывать, что для задержания в условиях военного положения до 30 суток лицо должно совершить тяжкое либо особо тяжкое преступление, наказание за которые превышает 5 лет лишения свободы (чч. 3–5 ст. 15 УК РФ). По делам о преступлениях небольшой или средней тяжести закон оставил срок прежним — до 48 часов.

Во-вторых, в отличие от условий борьбы с организованной преступностью, в УВП не все органы государственной власти, как то: изоляторы временного содержания органов внутренних дел, пограничных органов ФСБ России, гауптвахты, следственные изоляторы могут и будут функционировать. Поэтому на организационном и правовом уровне важно решить вопрос о местах содержания лиц, задержанных и заключенных под стражу в условиях такого правового режима.

В-третьих, необходимо обеспечивать безопасность подозреваемых и обвиняемых, в том числе при их доставлении в места содержания задержанного, проведения судебного заседания, содержания под стражей.

В-четвертых, с учетом угроз безопасности, необходимо решать вопрос о возможности и необходимости участия в судебном заседании иных лиц: защитника, законного представителя, педагога, психолога. Причем первоначально следует осмыслить степень угроз при их участии и при их отсутствии.

В-пятых, обратим внимание на сомнительность использования средств видео-конференц-связи (ч. 4 ст. 108 УПК РФ). Серьезное противодействие со стороны сил противника может привести к установлению и причин судебного заседания, и круга его участников. Что, в свою очередь, может привести к противодействию такой деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, вплоть до физического уничтожения места проведения судебного заседания и всех его участников.

В-шестых, законодатель для УВП не разрешил вопрос о сроках избрания меры пресечения. В соответствии с имеющимся правовым регулированием лицо, в отношении которого избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, ранее могло быть задержано на срок до 30 суток

(п. 11 ст. 5, ст. 10 УПК РФ) по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. В отношении подозреваемого мера пресечения может быть избрана лишь до 45 суток. Однако, как следует из системного толкования закона, если лицо было предварительного задержано, то из 45 суток 2/3 периода уже было использовано. Соответственно после задержания мера пресечения может быть избрана подозреваемому дополнительно лишь еще на 15 суток (итого — до 45). После задержания за тяжкое и особо тяжкое преступление обвиняемому может быть дополнительно избрана мера пресечения всего лишь на один месяц, поскольку первоначальный срок содержания под стражей не превышает двух месяцев (ч. 1 ст. 109 УПК РФ). Вряд ли такой срок, исходя из существующих условий военного положения, может быть признан удовлетворительным. Как представляется, вопрос о сроках содержания под стражей в УВП требует принципиального пересмотра.

В-седьмых, и это тесно связано с предыдущим, является вопрос о продлении срока содержания под стражей. Решение его традиционным путем может потребовать решения тех же проблем, что и при избрании меры пресечения. Но и не решать этот вопрос также недопустимо.

Ответы на указанные и некоторые иные вопросы нам даст складывающаяся в настоящее время правоприменительная практика.

Т. В. Седых

К вопросу о применении меры пресечения в виде запрета определенных действий

Запрет определенных действий как мера пресечения — новый институт, но по объему содержимого достаточно соотносится с иными мерами пресечения, в некоторых частях дублирует их, в некоторых открывает возможности для углубления и изучения новых постулатов. Запрет определенных действий — это, по сути, содержимое домашнего ареста и более строгой меры — заключения под стражу, но в упрощенной версии, точнее, в облегченной, при которой лицо также ограничивается в своих правах и свободах, но отсутствует изоляция в жилище (домашний арест) либо в помещении (СИЗО, ИВС и т. д., при заключении под стражу).

Если обратиться к первоисточникам, посвященным новой мере пресечения, то в декабре 2016 г. депутатами Государственной Думы РФ Л. К. Шойгу, Н. Д. Ковалевым, Т. Н. Москальковой и другими при разработке и последующем утверждении проекта федерального закона

№ 900722-6 «О внесении изменений в УПК РФ (в части избрания и применения меры пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)» [1] запрет определенных действий позиционировался как альтернативный заключению под стражу, необходимый для обеспечения прав личности. Официальная статистика Ставропольского краевого суда (с учетом того, что статья о запрете введена 18 апреля 2018 г.) показала, что в 2018 г. мера пресечения в виде запрета определенных действий судами края применялась, однако достоверных статистических сведений за 2018 г. не имелось, при этом в 2018 г. рассмотрено ходатайств о заключении под стражу — 2253 (из них удовлетворено 2088, или 93%), домашнего ареста — 144 (из них удовлетворено 132, или 92%), залог в 2018 г. и в первом квартале 2019 г. не применялся. Статистика по одному субъекту приведена не случайно. В разделе 4 Отчета Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. (Свод показателей всех судов общей юрисдикции) приведены следующие цифры: рассмотрено материалов с ходатайствами о заключении под стражу — 98 558 (из них удовлетворено 87 687), домашнего ареста — 8563 (из них удовлетворено — 7407), залога — 96 (удовлетворено 71), запрета определенных действий — 3464 (удовлетворено 3085) [2]. То есть если на период становления законодательства по данной мере пресечения в 2018 г. (на примере Ставропольского края) возможно было допускать какие-то проблемные вопросы, связанные с формированием новых стандартов доказывания, подходов к оценке ходатайств следователей, вопросов организационного характера, то спустя почти 5 лет — свидетельствовать об эффективности запрета определенных действий либо его альтернативы — заключения под стражу, да и домашнего ареста, на всей территории России недопустимо.

Предполагаемый экономический эффект финансовой составляющей государства при введении и действии данной новой меры пресечения достигнут. Но этот эффект достигнут не за счет возложения новых полномочий на органы государственной власти, а за счет отсутствия необходимости организационной деятельности при запретах, например, сотрудников ФСИН России при нынешних реальных условиях.

Судебный корпус, рассматривая ходатайства следователей, более чем в два раза чаще принимает решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. Это абсолютно оправданно: при применении п. 1 и пп. 3–5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ — налицо домашний арест, т. е. ст. 107 УПК РФ, и без установления строгих ограничений, а в силу ч. 7 ст. 107

УПК РФ суд вправе возложить запреты, предусмотренные пп. 3–5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ. Поэтому конструкция домашнего ареста более приемлема для суда и следствия. Так, запрет в виде установления в определенные периоды выхода за пределы жилого помещения предполагается, как и при избрании домашнего ареста, при установлении цели выхода (на работу, в аптеку, для занятий спортом), потому домашний арест кажется предпочтительным. В случае же нарушения какой-либо части запрета неминуемо встанет вопрос об изменении меры пресечения, как правило, в сторону утяжеления.

Гибкость закона и отсутствие четкого предписания критерия лиц, подпадающих под понятие «определенных», не способствует целям пресечения. И если понятен запрет общения со свидетелями, потерпевшими, например в случае оказания на них давления с целью воспрепятствования расследованию и склонения к нужному для обвиняемого результату, то что заключается в определении «родственников», общение с которыми также подпадает под запрет (общение с тещей после нанесения побоев жене приводит к дополнительной квалификации преступления)? Закон также не содержит списка лиц, с которыми нельзя общаться. Все изложенное наталкивает на такое понятие, как провокация дополнительного преступления, а потому законодательная концепция в виде «определенные» подлежит конкретизированному толкованию. Или же предвидение, осмысление, отражение в документах следствия и суда возможных вариантов поведения привлекаемого лица в отношении каких-то конкретных лиц, т. е. мера пресечения в виде запрета определенных действий, по ст. 105¹ УПК РФ, вполне оправданна замещением и применением к подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения в виде домашнего ареста по ст. 107 УПК РФ.

Последующие запреты (на отправление и получение корреспонденции, на использование различных средств связи, сети Интернет), как правило, возлагаются как при домашнем аресте, так и при заключении под стражу. Разница фактически — в тяжести содеянного и лабильности применения конкретной меры.

Запрет в части управления автомобилем или другим транспортным средством в случаях, связанных с преступлениями по линии нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, если и требует законодательного закрепления, то только в части процессуальной самостоятельности следователя, который при расследовании преступления должен изымать водительское удостоверение виновного лица с приобщением документа к материалам дела. Отвлечение судей на

очевидные обстоятельства, установленные следователем, представляется излишним. В противном случае судебные органы при рассмотрении ходатайств о таковых запретах нерационально используют свое время, а сторона обвинения неоправданно и преждевременно получает доступ к материалам уголовного дела.

Заключительные положения ст. 105¹ УПК РФ также свидетельствуют о наличии значительных проблем. Выше указывалось, что ввиду отсутствия судебных решений по избранию меры пресечения в виде запрета определенных действий отсутствуют и функциональные обязанности, например, сотрудников ФСИН. Согласно совместному приказу от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/37127*, утверждающему порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых (обвиняемых) в месте исполнения меры пресечения, следует, что единственная форма контроля — посещение не реже двух раз в неделю места проживания подозреваемого (обвиняемого), а при использовании технических средств контроля — не реже одного раза в неделю [3].

Аудиовизуальных, электронных и иных технических средств недостаточно для обеспечения более суровых мер пресечения. К тому же, как показывает практика, браслеты не оправдали себя (легко снимаются [3], недолговечны [4], просты в обмане).

Установленные законодателем сроки применения запрета выхода в определенные периоды за пределы жилого помещения (п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ) подразумевают фактическую изоляцию от общества, что разумно влечет зачет срока применения этого запрета в срок наказания. В действующей редакции ст. 72 УК РФ зачет срока применения определенного запрета в срок наказания отсутствует. Упоминание в ч. 10 ст. 109 УПК РФ зачета в срок содержания под стражей указанного запрета (из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей) является опосредованной отсылочной нормой, т. е. налицо — аналогия закона (отсылка к заключению под стражу). Если исходить из ее допустимости в случае пробела в праве, то необходимо ожидать, по крайней мере, вынесения Пленумом Верховного Суда России специального постановления, однако уже утвержденные Президиумом Верховного Суда России 31 июля 2019 г. «Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений

* Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог : приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31 августа 2020 г.

статьи 72 УК РФ», в искомой части не нашли своего разрешения, что, бесспорно, свидетельствует о том, что данная норма, а точнее, мера пресечения, фактически бездействует, не является актуальной.

Таким образом, введенная законодателем и просуществовавшая на протяжении 5 лет мера пресечения в виде запрета определенных действий дает смутные представления о дальнейшем ее существовании, по крайней мере, в настоящем закреплении. Положения этой меры, так или иначе, довольно проработаны практикой в рамках применения других мер пресечения, в частности домашнего ареста, заключения под стражу и других. Эти отредактированные решениями Верховного Суда России нормы не только разгружают и упрощают работу органов предварительного следствия и суда, но и, прежде всего, не нарушают права и свободы личности.

Список источников

1. *О внесении изменений в УПК РФ (в части избрания и применения меры пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)* : пояснительная записка к проекту федерального закона № 900722-6. URL: <https://www.zaksob.ru/upload/iblock/doc/6-04/f/32f.pdf> (дата обращения: 11.11.2023).

2. *Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции* : судебный департамент при Верховном Суде РФ № 1. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 11.11.2023).

3. *Россиянка надела электронный браслет на кота и сбежала из-под домашнего ареста: Следствие и суд: Силовые структуры*. URL: [Lenta.ru/2023/05/12/braslet/?ysclid=lpk2egmdcc779605156](https://lenta.ru/2023/05/12/braslet/?ysclid=lpk2egmdcc779605156) (дата обращения: 11.11.2023).

4. *Работает система электронных браслетов при домашнем аресте?* URL: <https://www.bfm.ru/news/427865?ysclid=lnbun4j3qz178729361> (дата обращения: 11.11.2023).

И. В. Смолькова

Понятие оснований признания лица подозреваемым в российском уголовном судопроизводстве

В Толковом словаре «основание» значитсся как «...основа, т. е. источник, главное, на чем строится что-н., что является сущностью чего-н.; существенный повод, по которому распределяются явления; причина, достаточный повод, оправдывающие что-н.; происхождение чего-л.» [1, с. 463]. Его синонимами являются понятия: аргумент, доказательство,

начало, поэтому основания признания лица подозреваемым в уголовном судопроизводстве следует рассматривать как аргумент, доказательство причастности лица к совершенному преступлению, начало уголовного преследования.

Часть 1 ст. 46 УПК РФ устанавливает четыре юридических факта, которые являются формальными основаниями признания лица подозреваемым в уголовно-процессуальном смысле: 1) возбуждение уголовного дела по основаниям и в порядке, установленными ст. 20 УПК РФ (п. 1); 2) задержание лица в соответствии со ст. ст. 91 и 92 УПК РФ (п. 2); 3) применение меры пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ; 4) уведомление о подозрении в совершении преступления при производстве дознания в порядке ст. 223¹ УПК РФ. Указанные основания определяют границу между лицом, подозреваемым в совершении преступления, но не обладающим процессуальным статусом подозреваемого, и собственно подозреваемым. Если отсутствует одно из четырех оснований, указанных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ, то лицо не может считаться подозреваемым, несмотря на совершение в отношении него процессуальных действий, направленных на его изобличение.

Общим недостатком указанных в пп. 1–3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ оснований является то, что уголовно преследуемое лицо приобретает статус подозреваемого через процессуальные действия, процессуальное принуждение, процессуальное решение, т. е. сначала оно ограничивается в своих правах и лишь затем становится подозреваемым. Задержание лица по подозрению в совершении преступления, избрание меры пресечения в отношении подозреваемого используются одновременно как способы легализации и подозрения, и подозреваемого в уголовном судопроизводстве. Однако приобретение лицом статуса подозреваемого должно опережать применение мер принуждения, последние должны следовать за возникшим подозрением, не принуждение порождает подозрение, а наоборот, подозрение должно влечь применение мер принуждения, которое, в свою очередь, должно быть следствием признания лица подозреваемым. Справедливо по данному поводу еще в период действия УПК РСФСР отмечал А. А. Давлетов: «Определение статуса лица по уголовному делу через меру принуждения выглядит явным анахронизмом, поскольку противоречит элементарной логике предварительного расследования» [2, с. 20]. Подозрение, являясь основанием ограничения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве, выступает первичным элементом по отношению к применяемым в последующем мерам процессуального принуждения, но не наоборот.

Перечисленные основания признания лица подозреваемым по своему характеру неоднородны, одни определяют начало производства по уголовному делу (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ); другие предусматривают применение мер государственного принуждения (пп. 2, 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ); третьи — уведомляют лицо о подозрении (п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Решения, указанные в пп. 1–3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, косвенным (опосредованным) образом присваивают лицу статус подозреваемого, но постановка лица в статус подозреваемого не является их непосредственной целью. Ни один из способов легализации подозреваемого, установленных УПК РФ, не может служить формой возникновения подозрения, ни одно из них не направлено на формулирование подозрения: возбуждение уголовного дела символизирует начало официального уголовного преследования, задержание используется для пресечения преступной деятельности и воспрепятствования лицу возможности скрыться от следствия (дознания), мера пресечения применяется для обеспечения нормального производства по делу. Рассматривать подозрение как логическое следствие процессуальных решений о возбуждении уголовного дела или об избрании меры принуждения представляется неверным, поскольку подозрение (как причина) может повлечь возбуждение уголовного дела или применение мер процессуального принуждения (задержание или меру пресечения) (как следствие), но не наоборот.

Лицо становится подозреваемым при наличии как достаточных данных для его подозрения в совершении преступления, так и оснований применения к нему задержания либо меры пресечения до предъявления обвинения, т. е. как бы при соединении оснований существенно различных процессуальных явлений — подозрения и мер процессуального принуждения.

В соответствии с логикой уголовно-процессуального закона меры государственного принуждения должны применяться к лицу, уже имеющему процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого, иначе получается, что принуждение обращается против «правового фантома, против конкретного, реально существующего гражданина, у которого, однако, нет какого-либо процессуального положения, нет своих юридических прав и обязанностей» [3, с. 23].

К сожалению, унифицированная форма реализации подозрения в УПК РФ отсутствует, она рассредоточена в различных процессуальных порядках применения способов, с помощью которых легализуется подозрение. Цель и задачи подозрения вовсе не тождественны целям и задачам тех способов, которыми оно реализуется. Из всех перечисленных

в ч. 1 ст. 46 УПК РФ оснований только уведомление о подозрении (п. 4) является специально предназначенным способом наделения лица статусом подозреваемого, но он имеет место только при дознании. Совершенно очевидно, что целью решений, указанных в пп. 1–3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, не является оформление появления подозреваемого в уголовном деле, статус подозреваемого в этих ситуациях произведен от этих решений, в них нет указания на их связь с подозрением, закон не определяет обстоятельств, с которых начинается подозрение, также не называет срок, в течение которого лицо может находиться под подозрением.

В каждом из указанных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ случаев оформляется отдельный процессуальный документ (постановление о возбуждении уголовного дела, протокол задержания, постановление об избрании меры пресечения, уведомление о подозрении), содержащий тезис уголовного преследования в виде краткого описания факта преступления, в причастности к которому подозревается лицо, что и является выдвинутым против него подозрением.

В первом и третьем случае (ст. 46 УПК РФ) следователем (дознавателем) составляется постановление, во втором — протокол, в четвертом — уведомление о подозрении, эти документы и являются юридическими основаниями признания лица подозреваемым. Общее для всех перечисленных оснований — составление процессуального документа, которым фиксируется появление подозреваемого в уголовном деле, однако четвертое основание, в отличие от первых трех, определяется не с момента составления документа, а с момента его вручения.

Таким образом, для процессуальных решений, имеющих цели: возбудить уголовное дело; задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления; избрать в отношении него меру пресечения — законом устанавливается еще одна — наделить лицо статусом подозреваемого. В первых трех случаях, указанных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ, лицо признается подозреваемым не посредством вынесения специального процессуального решения, а как бы заодно с актом, имеющим собственное назначение (постановление о возбуждении уголовного дела, протокол задержания, постановление об избрании меры пресечения). Многообразие процессуальных документов, легализирующих подозрение, не дает возможности создать четкий механизм введения подозрения в уголовное судопроизводство, кроме того, данные документы и не предназначены для этого.

По своему характеру сведения, положенные в основу возбуждения уголовного дела, задержания или применения меры пресечения к подо-

зреваемому, обычно достаточны только для предположительного вывода о преступлении и о лице, его совершившем, поскольку вряд ли кто-либо из лиц, подозреваемых в совершении преступления, открыто выразит свое желание скрыться от следствия, продолжить преступную деятельность или уничтожить доказательства.

В. В. Кальницкий и Б. Б. Булатов справедливо в этой связи отмечают, что лицу придается статус подозреваемого «не путем прямого волеизъявления лица, осуществляющего уголовное преследование, а в связи с принятием определенного решения, направленного на выполнение других задач (возбуждение уголовного дела, недопущение уклонения от органов расследования)» [4, с. 107]. Такой порядок признания лица подозреваемым перешел в УПК РФ из УПК РСФСР (ст. 52), когда законодатель рассматривал протокол задержания и постановление об избрании меры пресечения в качестве процессуальных актов подозрения. Составители УПК РФ, к сожалению, не решились кардинальным образом изменить подходы к пониманию оснований признания лица подозреваемым, что вызывает ряд проблем как в науке, так и на практике.

Только на понятии подозрения должны базироваться основания признания лица подозреваемым. Сначала необходимо сформулировать подозрение, а затем уже осуществлять процессуальные действия, в результате которых может появиться подозреваемый, ибо подозрение первично, иные действия по отношению к нему, например, задержание и избрание меры пресечения, — вторичны.

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2003.
2. Давлетов А. А. Подозрение и защита. Екатеринбург, 1997.
3. Давлетов А. А., Войт В. Г. Каким быть институту подозрения в уголовном процессе? // Российский юридический журнал. 1996. № 3.
4. Кальницкий В. В., Булатов Б. Б. Привлечение лица к уголовному преследованию в качестве подозреваемого // Уголовное право. 2010. № 2.

РАЗДЕЛ 3. ИНЫЕ ВИДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

М. В. Бавсун

Проблемы определения правового статуса мер государственного принуждения, применяемых к лицам, признанным виновными в совершении преступлений

Механизм государственного принуждения в отношении лиц, совершивших преступление, традиционно считается одним из наиболее сложных как в отечественной правовой доктрине, так и в практике его реализации. На сегодняшний день тотальный догматизм, сопутствующий данному явлению, исключает любые возможности его развития на принципиально новом уровне и в иных направлениях, чем в тех, которые были заданы ему еще в первой половине двадцатого столетия. Жесткость разделения каждой из отраслей правового регулирования, влекущая за собой никак не связанные между собой конкретные средства воздействия по отношению к виновным в совершении преступлений в каждой из отраслей, влечет за собой ряд проблем, в основном — правоприменительного плана. Ситуация при этом серьезно усугубляется и на уровне теории в науках уголовного права, уголовного процесса, уголовно-исполнительного права и даже административного права. В каждой из них специалисты в той или иной мере стремятся к обоснованию исключительности близкого им направления правового регулирования, а также того категориального аппарата, который в них используется, который их идентифицирует.

В свою очередь происходящая идеализация, повышая статус и значимость каждого из направлений, неизбежно и бесконечно отдаляет их друг от друга. Как следствие, мы действительно получили и продолжаем получать весьма качественный продукт в части обоснования базовых категорий в каждой из отраслей правового регулирования, теоретическо-

го осмысления существующих и в некоторой степени предлагаемых мер воздействия (принуждения, пресечения, реагирования и т. д.), а также их сравнения между собой, но практически лишены сколь-нибудь значимого подхода к унификации системы государственных средств принуждения. Нет сегодня стремления и к единству терминологии, используемой в каждой из правовых отраслей, их системности, иерархичности, взаимозаменяемости и взаимодополняемости, необходимой для официального выражения единой позиции государства по отношению к тем, кто совершил преступление [1, с. 55–61].

Современная доктрина знает немало исследований, направленных на выяснение межотраслевой природы средств принуждения, но в пределах отдельных направлений наук юридического цикла. Как правило, речь идет о взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса или уголовного и административного права, что, кстати, имеет большое значение именно для развития данных отраслей права [2, с. 59; 3; 4; 5; и др.]. Но в то же время все они (скорее всего, в силу ограниченного характера выполнения любого вида научного труда — диссертации, монографии и т. д.) не были направлены на разработку единого механизма государственно-принуждения, который бы предполагал решение вопросов, связанных именно с определением единой правовой природы воздействия на виновного, безотносительно от отрасли права. Попытки найти связь, стереть границы между хотя бы «близкими» направлениями правового регулирования, всегда были, и они должны повторяться, так как неразрешенных вопросов в этой части пока что меньше не становится.

Что характерно, вопросы эти не сняты даже на так называемом базовом уровне, не говоря уже о правоприменении, где за десятилетия они превратились в сплошной клубок противоречий, зачастую имея статус «вечных». В частности, это касается: определения статуса уголовного и административного наказания и их пределов; уголовно-процессуальных мер пресечения и отдельных видов наказаний, регламентируемых УК РФ; уголовной ответственности и уголовного преследования; преступления, уголовного проступка, административного правонарушения; административного надзора и мер по контролю за лицами условно осужденными или условно-досрочно освобожденными от дальнейшего отбывания наказания; иных мер уголовно-правового характера и других средств принуждения, в том числе и гражданско-правового происхождения; принципов применения уголовного законодательства, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального кодексов; и как отдельная проблема в целом — уголовно-исполнительная отрасль, в рамках

которой реализуется как уголовная ответственность в форме наказания, так и система средств по контролю за осужденными, зачастую имеющих административно-правовую, организационно-управленческую, дисциплинарную и иную природу своего происхождения, включая в чистом виде меры безопасности, меры медицинского характера и др., но по своей сути все относящиеся к государственному принуждению. Это и многие другие проблемы в чистом виде практического плана, может быть, чуть более частные и узконаправленные, но от этого не менее сложные и важные, особенно если учесть, что сталкиваться с ними приходится ежедневно.

Нет сомнений, что все они (и не только) имеют свою безусловную историческую обусловленность, а в силу этого не только наработанную практику, но и окончательно сформировавшееся представление о них в сознании как правоприменителя, так и специалистов в области доктрины. Более того, необходимо вести речь о некоем базовом характере представления о каждой из обозначенных проблем, на уровне научных школ, в основе которых лежат фундаментальные исследования значительного числа ученых самого серьезного уровня. Все это не дает возможности покушаться на сам факт давно установленных истин, не требующих соответствующего пересмотра, указывая на их первозданность и бесспорность.

Между тем блок накопившихся в данной части проблем, наряду со стремительно меняющейся геополитической обстановкой в мире и трансформацией общественных отношений в нашей стране и прилегающих регионах, указывает, что догматизм мешает, выступает своеобразным психологическим препеном для движения дальше. Парадокс, но именно фундаментальные знания оказались в роли той базы, которая необходима и способна дать требуемую основу для дальнейших разработок и в то же время выступает в качестве непреодолимого буфера (особенно в части начинаний молодых исследователей), преодолеть который практически невозможно, если опираться только на них, если исходить исключительно из потребностей отдельно взятой отрасли права. Полагаю, что дальнейшее игнорирование целей и задач, стоящих перед так называемыми «смежными» отраслями права, в ближайшем будущем способно привести к последующей деградации всей юридической отрасли.

Нельзя в данном случае не согласиться с М. С. Жуком, который отмечает, что приоритетом при совершенствовании отечественного уголовного законодательства должны быть исключительно интересы общественной безопасности [6, с. 14], что уже само по себе исключает

догматизм в выборе средств государственного принуждения, в том числе и иного характера*. Как раз наоборот, все больше нужно говорить об адаптивности механизма государственного принуждения в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, к стремительно изменяющимся условиям бытия, к трансформации среды, требующей соответствующего внимания со стороны государственного механизма, требующего появления в качестве его элементов принципиально новых средств и эффективных вариантов реагирования [8, с. 38]. Особенно это важно на фоне того, что современная уголовная репрессия, по мнению М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина, «...не в полной мере отвечает целям обеспечения безопасности личности, общества и государства, ввиду несоответствия реализуемого уголовно-политического курса объективным социальным и криминологическим условиям» [9, с. 249]. И здесь нельзя не согласиться с В. Е. Квашисом, который отмечает, что культура противодействия преступности предполагает «опережающий характер этой деятельности». И далее: «Само по себе правовое мышление, как известно, консервативно; оно направлено на выполнение задач по поводу прошлого». В то же время, отмечает ученый, объективно она должна быть направлена в будущее, «оценка ситуации в условиях текущего момента «завтра» может оказаться ошибочной, т. к. ситуация в этой сфере крайне изменчива...» [10, с. 24]. Именно об опережающем характере мышления необходимо вести и применительно ко всей системе государственного принуждения, к тем, кто признан виновным в совершении преступления.

Применительно к мерам процессуального принуждения также интересным представляется выражение В. И. Каминской, датированное еще 1968 г., которая отметила, что «пока существует преступность, особенно в ее наиболее тяжких формах, сама постановка вопроса о каком-либо существенном сокращении мер процессуального принуждения вряд ли может быть признана перспективной и плодотворной» [11, с. 28]. Ситуация ничуть не изменилась и сейчас, и если мы будем вести речь о государственном принуждении в целом, то с уверенностью можно говорить не только об отсутствии малейшей потребности в его сокращении, а скорее наоборот, о расширении, которое при этом не является решением на-

* Одним из ярких примеров принципиально нового решения государства относительно тех, кто совершает преступления против его интересов в условиях проведения специальной военной операции на Украине, является пример реакции на деяние жителя Камчатки (ранее гражданина Украины), лишённого гражданства Российской Федерации в сентябре 2023 г. [7].

копившихся проблем. Речь должна идти о создании единого и во многом нового механизма реагирования, согласованного во всех отраслях правового регулирования. И здесь, наряду с появлением принципиально новых мер принуждения, крайне важной составляющей выступает их иной уровень взаимодействия, взаимосвязи и взаимозаменяемости в ходе практического применения. Решение данной задачи станет возможным лишь в случае преодоления устоявшихся стереотипов относительно фундаментальных знаний (но с их помощью) во всех отраслях права, без их разделения на «основные», «смежные» или другие. Определяющими должны стать те идеи и цели (объединяющие), которые хочет увидеть государство от мер принуждения, необходимые для формирования идеологии государственного принуждения, без которой невозможно создание его сколь-нибудь эффективного механизма реализации.

Список источников

1. Бавсун М. В., Попов Д. В. Поиск концепции уголовного закона в условиях реализации принципа гиперопределенности как основного критерия его развития // Уголовное право и культура противодействия преступности : сб. мат-лов научн.-практ. конф. Краснодар, 2018.

2. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017.

3. Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998.

4. Даев В. Г. Взаимосвязь советского уголовного права и процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1983.

5. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.

6. Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013.

7. Жителя Камчатского края лишили гражданства Российской Федерации за призывы к экстремизму. URL: <https://www.interfax.ru/russia/923818> (дата обращения: 17.10.2023).

8. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовная политика как преодоление неопределенности в уголовном праве // Онтология и аксиология права : тезисы докладов и сообщений Девятой междунар. науч. конф. (25–26 октября 2019 г.). Омск, 2019.

9. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2017.

10. *Квашис В. Е.* К проблеме культуры противодействия преступности // Уголовная политика и культура противодействия преступности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 30 сентября 2016 г. Т. 1. Краснодар, 2016.

11. *Каминская В. И.* Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // Сов. гос-во и право. 1968. № 10.

В. Н. Борков, А. В. Борбат

Государственное принуждение как реакция на угрозу

Проведенный Б. Б. Булатовым анализ содержания научной доктрины уголовно-процессуального принуждения позволил констатировать, что его объем «...как вида государственного принуждения образуют меры защиты, превентивные меры и уголовно-процессуальная ответственность» [1, с. 42]. Выявленный ученым предупредительный и обеспечительный характер уголовно-процессуального принуждения позволяет его рассматривать в качестве реакции на достоверные сведения о преступлении и возможности его повторения. Подозрение лица в совершении преступления является основанием его задержания (ст. 91 УПК РФ). Угроза совершения нового посягательства лицом, скрывшимся от следствия или суда, препятствующим своему изобличению, обосновывает избрание меры пресечения (ст. 97 УПК РФ). Данные меры процессуального принуждения применяются только в связи с совершенным преступлением, их содержание зависит от его тяжести, реальности перспективы повторения, а также обусловлено необходимостью привлечения виновного к уголовной ответственности.

Во многом однородную природу с уголовно-процессуальным имеет принуждение административное. Особенности правового регулирования административного принуждения позволяют при его осуществлении более чутко и незамедлительно реагировать на исходящую от правонарушителя угрозу. «Характер применяемого административного принуждения, — пишет О. И. Бекетов, — его интенсивность и соразмерность в значительной мере зависят от поведения правонарушителя в ходе производства по делу об административном правонарушении, в том числе в процессе исполнения административного наказания, а не только от характера административной противоправности и вида административного наказания» [2, с. 82]. Интересно замечание О. И. Бекетова о том, что меры административного принуждения «...всегда связаны с заботой

заставляющего о правильном состоянии ментальности, правосознания заставляемого» [2, с. 80]. Комментируемый вид государственного принуждения, впрочем, как и другие, направлен, не только на физическое обеспечение решения задач правоохранительной деятельности, но и убеждает правонарушителя в необходимости соблюдения закона и перспективности противодействия представителям власти.

В отличие от уголовно-процессуального, административное принуждение может представлять собой реакцию не только на информацию о посягательстве, но и, собственно, пресечение совершаемого преступления или административного правонарушения. Наличие посягательства является основанием применения физической силы, специальных средств и оружия, т. е. принудительных мер, имеющих исключительный характер.

На фоне достаточной разработанности применения мер административного принуждения очевидны проблемы с регулированием деятельности оперативных сотрудников, связанной с пресечением преступлений и созданием предпосылок для последующего изобличения лиц, их совершивших. Используемые преступниками приемы конспирации, активное противодействие задержанию и изобличению обуславливает необходимость разработки адекватных правовых мер, обеспечивающих эффективное пресечение явных и латентных посягательств и привлечение виновных к уголовной ответственности. Без ограничения прав преступников, принуждения их к правомерному поведению государственная защита интересов граждан и общества невозможна.

Например, сложным для практики борьбы с преступностью является вопрос о правовых основаниях фактического задержания лица, совершившего преступление. В таких случаях далеко не всегда возможно немедленное возбуждение уголовного дела и применение мер процессуального принуждения. В качестве реакции на очевидное преступление незаконным является использование механизмов административно-деликтного принуждения. По мнению специалистов, существенно снижает эффективность деятельности оперативных подразделений отсутствие специальной регламентации в оперативно-розыскном законодательстве оснований задержания лиц, в отношении которых имеются сведения о причастности к совершению преступления. Так, Ю. Е. Дорош предлагает дополнить ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» нормой, предоставляющей право «проводить задержание физических лиц в порядке, установленном федеральным законом, при наличии подтвержденных сведений, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, о его причастности к совершению преступления ... и осуществляется с целью составления протокола

оперативно-розыскного мероприятия, а также принятия решения о его задержании в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством» [3, с. 128]. Таким образом, автор предлагает предоставить право на задержание оперативным сотрудникам при наличии оперативной информации. Остаются вопросы о соотношении «оперативно-розыскного» задержания с процессуальным и его сроках с учетом невозможности применения данной меры до судебного решения более 48 часов (ч. 2 ст. 22 Конституции РФ).

Не создает каких-либо дополнительных оснований для фактического задержания лица, совершившего преступление, кроме тех, которые уже предусмотрены другими нормативными актами, и ФЗ «О полиции». Например, его п. 1 ч. 2 ст. 14 предоставляет право задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступления, в порядке и на срок, которые предусмотрены УПК РФ. Но как разъяснил Верховный Суд РФ, задержание лица в порядке, предусмотренном ст. 92 УПК РФ, совершенное даже уполномоченными субъектами, но при отсутствии вынесенного постановления о возбуждении уголовного дела является незаконным и, будучи совершенным, заведомо содержит признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ¹ [4].

Физически задерживать лицо, совершившее преступление, и доставлять его «органам власти», ограничивая с учетом обстоятельств задержания его свободу и причиняя физический вред, позволяет уголовный закон (ст. 38 УК РФ)². В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъяснено, что положения «...ст. 38 УК РФ распространяются на сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, которые в связи с исполнением своих служебных обязанностей могут принимать участие в пресечении общественно опасных посягательств или в задержании лица, совершившего преступление (п. 27) наличие вступившего в законную силу обвинительного приговора и иных процессуальных актов не является обязательным условием при решении вопроса о правомерности причинения задерживаемым вреда (п. 20)». Та-

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20.

² О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19.

ким образом, принудительный физический захват преступника сотрудниками правоохранительных органов и его последующее доставление следователю может осуществляться до возникновения процессуальных отношений.

Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление, подтверждает представление о государственном принуждении как о реакции на угрозу повторения общественно опасного посягательства. Мера причиняемого задерживаемому вреда обусловлена обстановкой его физического удержания и обеспечивает достижение таких указанных в законе целей, как доставление лица органам, уполномоченным осуществлять уголовное преследование, и исключение возможности совершения им новых преступлений. Вместе с тем сложно согласиться с С. Ф. Милюковым и В. А. Никуленко, которые «важнейшую гуманистическую цель» «пресечения новых преступлений» предлагают достигать путем причинения «...существенного вреда (в том числе смерти) задерживаемому даже при совершении особо тяжких преступлений против личности, собственности или общественной безопасности» [4, с. 478]. Думается, задача по недопущению совершения задерживаемым преступлений в будущем решается путем осуществления в отношении него специальной превенции в результате доставления в органы власти и последующего привлечения к уголовной ответственности.

Изложенное свидетельствует о нарастающей актуальности проблемы государственного принуждения в правоохранительной деятельности. Полагаем, продуктивным с точки зрения определения оснований принуждения, его пределов, содержания и меры будет понимание исследуемого правового явления в качестве реакции на устранимую угрозу, включающую опасность совершенного преступления, возможность его повторения.

Список источников

1. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
2. Бекетов О. И. Административно-правовое принуждение в деятельности полиции // Актуальные проблемы полицейского права : матлы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022.
3. Дорош Е. Ю. Задержание и досмотр лиц при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Право и государство: теория и практика. 2022. № 5.
4. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. СПб., 2020.

О. И. Бекетов

Если сопоставить административное, уголовно-правовое и уголовно-процессуальное принуждение

Встречая 70-летие со дня рождения Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Бориса Борисовича Булатова, мы вспоминаем дни и годы обучения в стенах Омской высшей школы милиции МВД СССР в период с 1974 по 1978 гг., когда уголовный процесс нам — слушателям очной формы обучения — преподавал среди других весьма и весьма маститых преподавателей кафедры уголовного процесса старший лейтенант милиции Б. Б. Булатов, для которого это были первые педагогические опыты. Лично меня, как начавшего изучение уголовного процесса на студенческой скамье, сильно впечатлили глубокие и разносторонние познания молодого преподавателя, его ясный ум, точные определения, обстоятельная речь, очевидная заинтересованность в дальнейшем развитии научных идей, убежденность в собственных представлениях. Такие качества не приобретишь без природной одаренности, научной любознательности, большого систематического и упорного труда. Для молодых студентов Борис Борисович, безусловно, был чрезвычайно интересен как преподаватель и ученый. Его пример, наряду с такими же яркими молодыми педагогами, как Ю. В. Бышевский, М. П. Клейменов, А. А. Конев, сподвиг многих обучаемых выбрать для себя научно-педагогический профессиональный путь.

Пожалуй, сердцевину научных исследований Б. Б. Булатова составляет проблематика мер уголовно-процессуального принуждения. Опубликованные результаты его исследований, сам текст публикаций привлекают внимание читателя тщательностью и глубиной проработки текста, высоким научным стилем. Вряд ли получится вникнуть в их смысл, прочитав «по диагонали». Лишь внимательное, неспешное чтение позволяет осмыслить теоретическое, прикладное и методологическое значение его научных трудов [1; 2; 3; 4].

В частности, ученый пишет: «Беря за основу классификации отрасль права, можно говорить об отраслевых видах принуждения: уголовно-правовом, административном, в том числе и об уголовно-процессуальном» [1, с. 20]. Полагаю, данный тезис имеет весомое методологическое значение. Оно достаточно ясно проявляется при сопоставлении указанных профессором Б. Б. Булатовым видов отраслевого государственного принуждения, которое «напрашивается». Возьмем за основу административное принуждение. Согласно «общепризнанной», а вернее, общепринятой

классификации меры административного принуждения делятся на четыре группы: административно-предупредительные, административно-пресекательные, обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и административного наказания. При этом используется сомнительный классификационный критерий — временной промежуток по отношению к совершенному административному правонарушению.

Эта классификация считается общепризнанной в науке административного права, но ее серьезная критика продолжается. Так, П. П. Серков обоснованно утверждает, что административное принуждение нельзя отождествлять с административным наказанием по множеству критериев, в частности, понятие административного принуждения значительно шире понятия административного наказания [5, с. 33]. Между тем оно было воспринято из уголовного права: в соответствии с ч. 1 ст. 43 УК РФ наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. В то же время согласно ч. 1 ст. 3.1 административное наказание является «просто» установленной государством мерой ответственности. Получается, что законодатель проявил некоторую непоследовательность в определении понятий двух видов родственных по своей правовой природе наказаний. При этом сохраняется некая неопределенность в том, выступает ли административное наказание видом (формой) административно-правового принуждения. Действительно, если это так, то почему законодатель этого не сказал, если же нет, тогда что отличает административное наказание от уголовного, кроме строгости последнего?

Далее П. П. Серков, на наш взгляд, убедительно говорит о том, что дифференциация административного наказания и административного принуждения производится по критериям разного плана, применяются разные оси координат. Например, если административное наказание оценивается в части его справедливости с помощью одних критериев, то для административно-правового принуждения они неприменимы. Разница в подходах объясняется тем, что административное наказание выступает воздаянием за совершенное административное правонарушение, в то время как меры административного принуждения таковыми не являются [5, с. 34].

Приведенные весомые аргументы П. П. Серкова позволяют, на наш взгляд, исключить из классификации мер административного принуждения такую их значимую и давно «прижившуюся» группу, как административные наказания. Куда же их можно отнести, в соответствии с их правовой природой? Нам представляется, — к мерам административного

понуждения правонарушителя, добровольно не желающего соблюдать установленные нормы и правила, к должному поведению путем возложения обязанности претерпевать неблагоприятные для него последствия [5, с. 12]. В таком случае, что же следует понимать под государственным административным принуждением, его механизмом, если он существует? Ответ на этот вопрос также, полагаем, можно найти в цитируемом исследовании П. П. Серкова. «Публичные и частные интересы, возникающие в процессе развития правоотношений по поводу административной ответственности, требуют обязательного исполнения правонарушителем всех установленных правил разрешения возникшего конфликта. Такая потребность и сформировала механизм государственного административного принуждения как движущей силы, обеспечивающей подчиненность правонарушителя государственной воле в процессе всего производства по делу об административном правонарушении, начиная с возбуждения дела и до назначения административного наказания, а также его исполнения, являясь методом обеспечения производства по делу об административном правонарушении; административное принуждение не может характеризовать административное наказание ни в отношении его вида, ни по его размеру, т. е. по всем его признакам» [5, с. 34].

Очевидно, что при таком понимании государственного административного принуждения (именно в узком, процессуальном смысле) можно увидеть, что последнее в основном сосредоточено в традиционных классификационных группах «меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях» и «меры административного пресечения», притом в той их части, в которой они направлены на обеспечение подчиненности правонарушителя государственной воле в процессе всего производства по делу об административном правонарушении либо по уголовному делу, т. е. правовые основания и цели их применения для классификации имеют самое важное значение. Возьмем, для примера, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», его главы 4 и 5 «Применение полицией отдельных мер государственного принуждения» и «Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия». Среди оснований применения содержащихся в них мер государственного административного принуждения можно видеть, например, такие, как спасение жизни граждан и (или) их имущества (при проникновении в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории — ст. 15, при вскрытии транспортного средства — ст. 15.1). Назовем меры принуждения (понимаемого в данном случае в широком смысле), применяемые по таким и подобным основаниям, связанным

с сохранением или улучшением условий существования людей, обеспечением их личной и общественной безопасности, мерами административного ограничения. Выделяются и другие основания, например, проведение мероприятий по предупреждению и пресечению массовых беспорядков и иных действий, нарушающих права и свободы граждан, движение транспорта, работу средств связи и организаций (при оцеплении (блокировании) территорий, жилых помещений, строений и других объектов — ст. 16). Назовем подобные меры мерами административного понуждения к правомерному поведению, многие из которых содержатся в других нормативных актах — административные наказания (КоАП РФ, законы субъектов РФ об административной ответственности), административный надзор органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и многих других.

Наибольшее количество оснований (и одновременно — целей) всех перечисленных в Законе о полиции мер государственного административного принуждения непосредственно связано с задачей обеспечения подчиненности правонарушителя государственной воле в процессе как производства по делу об административном правонарушении, так и по уголовному делу. Такие меры могут быть названы мерами административного принуждения в узком смысле слова. Так, основаниями для применения полицией огнестрельного оружия служат пресечение побега из мест содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений или побега из-под конвоя лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы, а также пресечение попытки насильственного освобождения указанных лиц — п. 7 ч. 1 ст. 23 Закона о полиции.

Таким образом, использование методологических подходов, которые заинтересованный читатель может извлечь из текста научных трудов профессора Б. Б. Булатова, может оказаться весьма плодотворным. В нашем случае, представляется, что сопоставление отраслевых видов государственного принуждения позволяет уточнить существующую систематизацию мер государственного административного принуждения, взяв в качестве критерия основания (цели) их применения.

Список источников

1. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
2. Булатов Б. Б. Эффективность мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей : учеб. пособие. Омск, 1984.

3. Булатов Б. Б., Николюк В. В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России). М., 2003.

4. Булатов Б. Б., Николюк В. В., Цоколова О. И. Меры пресечения в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие. М., 2005.

5. Серков П. П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

Е. В. Буряков

Правовые проблемы принуждения в оперативно-розыскной деятельности

Конституция России провозглашает, что человек, его права и свободы являются самой высшей ценностью, и государство обязано признавать, соблюдать и защищать эти права¹. Решающую роль в решении этих важных задач играет право, которое в том числе реализуется при помощи применения принудительных мер, что позволяет говорить о феномене государственного принуждения, которое является основанием для такого воздействия.

Оперативно-розыскная деятельность также требует применения принудительных мер в процессе выполнения возложенных на нее задач, связанных с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а также выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществлением розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, и розыском без вести пропавших лиц². Однако в действующем законодательстве недостаточно регламентированы права оперативно-розыскных органов по применению принудительных мер в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий. Исследование деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел показывает, что использование принудительных мер в некоторых случаях является единственным способом эффективного проведения оперативно-розыскных мероприятий и решения задач ОРД. Таким образом, примене-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Ст. 2 // Рос. газета. 1993. 25 дек.

² Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ст. 2) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

ние мер принуждения в ходе оперативно-розыскных мероприятий является объективной необходимостью, возникающей в рамках реализации полномочий соответствующими органами, а отсутствие ясно установленных законодательных норм по применению принуждения в оперативно-розыскной деятельности может привести к нарушениям прав и свобод человека и гражданина, а также к другим негативным последствиям.

Анализ норм Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» показывает, что мерам принуждения уделяется недостаточно внимания. Так, в ст. 15 указано, что при производстве оперативно-розыскных мероприятий органы, осуществляющие ОРД, вправе производить при их проведении изъятие документов, предметов, материалов и сообщений, а также прерывать предоставление услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, чего явно недостаточно для осуществления полномочий органов, осуществляющих ОРД, при возникновении необходимости досмотра и задержания лиц, досмотра помещений, участков местности, транспортных средств, ограничения доступа граждан в общественных местах, наложения ограничений по сделкам с имуществом и др.

В связи с этим оперативным сотрудникам приходится в случае необходимости обращаться к нормам иных законодательных актов, содержащих признаки принудительных мер. Например, Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»³ наделяет указанные органы безопасности правом временно ограничивать или запрещать передвижение граждан и транспортных средств по отдельным участкам местности (на отдельных объектах), обязывать граждан оставаться там или покинуть эти участки (объекты) в целях проведения оперативно-розыскных и антитеррористических мероприятий (п. «з» ч. 1 ст. 13); Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁴ сотрудникам оперативных подразделений предоставляет право «требовать от граждан (групп граждан) покинуть место совершения преступления, административного правонарушения, место происшествия, если это необходимо для проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, документирования обстоятельств совершения преступления» (п. 7

³ *О безопасности* : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Рос. газета. 2010. 29 дек.

⁴ *О полиции* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

ст. 13), ограничивать или запрещать движение транспорта и пешеходов, если это необходимо для обеспечения безопасности граждан и общественного порядка, проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий (ч. 3 ст. 16). Указанные полномочия могут быть осуществлены при проведении ОРМ, а реализация указанных прав также предполагает возможность принудительного воздействия.

Таким образом, мы говорим о предусмотренных законом специальных мерах, обеспечивающих проведение оперативно-розыскных мероприятий, имеющих принудительный характер. Вместе с тем отсутствие законодательно регламентированного механизма применения данных норм в ходе проведения ОРМ порождает ряд проблем правоприменительной практики. Констатируем, что в условиях существующего правового регулирования без ответа остаются вопросы реализации как указанных мер, так и иных принудительных мер, широко используемых в деятельности органов, осуществляющих ОРД, которые не получили законодательного закрепления в оперативно-розыском и ином законодательстве. К последним мы относим такие выработанные оперативно-розыскной практикой меры, как задержание (захват), доставление и досмотр.

Обратимся к практике законодательного решения данной проблемы в государствах ближнего зарубежья, в которых во многом схожи позиции и подходы к осуществлению оперативно-розыскной деятельности, как и в нашей стране. Так, например, в Законе Азербайджанской Республики от 28 октября 1999 г. № 728-IQ «Об оперативно-розыскной деятельности» в перечень оперативно-розыскных мероприятий включен вход в здания, в том числе в жилища, огороженные строительные объекты, сооружения и на земельные участки, и проведение досмотра⁵. Аналогичным образом в Закон Республики Казахстан от 20 декабря 2004 г. № 13 «Об оперативно-розыскной деятельности» вошли: преследование лица, готовящего, совершающего или совершившего преступление, и его задержание; осуществление с участием понятых личного досмотра задержанных лиц; изъятия находящихся при них вещей и документов, могущих относиться к преступной деятельности; проведение операций по захвату вооруженных преступников⁶. Таким образом можно констатировать, что в указанных нормативных актах меры принуждения рассматриваются как отдельные оперативно-розыскные мероприятия, включенные в их перечень.

⁵ Об оперативно-розыскной деятельности : закон Азербайджанской Республики от 28 октября 1999 г. № 728-IQ.

⁶ Об оперативно-розыскной деятельности : закон Республики Казахстан от 20 декабря 2004 г. № 13.

Полагаю, что все-таки ряд этих мероприятий нельзя отождествлять с традиционными оперативно-розыскными мероприятиями, их необходимо относить к мерам принуждения. Не случайно отечественный законодатель включил меры по изъятию документов, предметов, материалов и сообщений, а также прерывание услуг связи к правам органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. По этому же пути пошли законодатели Таджикистана и Туркменистана. В Законе Республики Таджикистан от 2 марта 2011 г. № 362 указаны права проведения комплексных и специальных операций по обезвреживанию преступников⁷, а в Законе Туркменистана от 23 сентября 1994 г. № 965-XII — при непосредственном пресечении преступлений, преследовании и розыске лиц, подозреваемых в совершении преступлений, и иных чрезвычайных обстоятельствах — право входить на территорию и в помещения предприятий, учреждений, частных лиц, а на территорию воинских частей и других режимных объектов — по согласованию с их руководителями⁸.

В связи с изложенным особого внимания заслуживает позиция В. Ф. Луговика, подготовившего проект оперативно-розыскного кодекса, где мерам оперативно-розыскного принуждения посвящена отдельная глава, предусматривающая обеспечение оперативно-розыскного производства, в которой им обозначено, что «в целях пресечения преступления, установления личности нарушителя, составления протокола оперативно-розыскного мероприятия, обеспечения привлечения лица к ответственности и исполнения принятого по делу постановления оперуполномоченный вправе в пределах своих полномочий применять такие меры обеспечения оперативно-розыскного производства, как доставление, задержание, личный досмотр, изъятие предметов и документов, приведение в негодность или уничтожение документов, предметов, материалов, веществ, ограничение использования сетей связи и средств связи и приостановление услуг связи» [1]. Помимо этого в указанном проекте детально проработана процедура применения указанных мер и вопросы их документального оформления.

Полагаем, что законодательная регламентация применения мер принуждения в оперативно-розыскной деятельности назрела как никогда. В перечень мер принуждения, осуществляемых при проведении гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий, должны войти:

⁷ Об оперативно-розыскной деятельности : закон Республики Таджикистан от 2 марта 2011 г. № 362.

⁸ Об оперативно-розыскной деятельности : закон Туркменистана от 23 сентября 1994 г. № 965-XII.

изъятие предметов и документов; оцепление (блокирование); при непосредственном пресечении преступлений, преследовании и розыске лиц, подозреваемых в совершении преступлений, и иных чрезвычайных обстоятельства — право входить на территорию и в помещения предприятий, учреждений, частных лиц; преследование лица, готовящего, совершающего или совершившего преступление, и его задержание; оперативное задержание; оперативное доставление; личный досмотр; блокирование (замораживание) денежных средств на банковских счетах (вкладах), электронных средств платежа; наложение ограничений по сделкам с имуществом.

Список источников

1. *Луговик В. Ф.* Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации : авторский проект. Омск, 2014.

В. А. Гусев

Меры обеспечения, пресечения и принуждения в оперативно-розыскной деятельности

Государственная власть в теории государства и права определяется как «основной вид социальной власти в обществе, публичная власть, обладающая суверенным характером, осуществляемая непосредственно народом или от имени народа представительными или иными органами государства» [1, с. 188]. Характерная особенность государственной власти состоит в том, что она проводит в жизнь «волю господствующего класса при помощи государственного аппарата, особых, опирающихся на отряды вооруженных людей принудительных учреждений (армию, полицию, тюрьмы и т. п.)» [2, с. 50]. Одним из основных элементов государственной власти является концентрированная сила, превращающая указанную волю в реальный и действенный фактор общественного бытия, придающая власти свойство принудительности [3, с. 87]. Иными словами, господствующая воля претворяется в общественную жизнь принудительной силой, которая, в свою очередь, обеспечивается законодательством и государственными органами. Независимо от типа и формы государственного устройства, в любой стране государство является механизмом подавления негативных для определенной части общества социальных явлений, например преступности.

В УПК РФ достаточно детально прописаны процедуры следственных действий, осуществляемых в рамках досудебного производства, а также меры процессуального принуждения, направленные на обеспечение установленного порядка уголовного судопроизводства. При этом госу-

дарственное принуждение в уголовном судопроизводстве достаточно давно и системно исследуется учеными-процессуалистами [4]. Следует отметить, что КоАП РФ в ст. 27.1 также определяет перечень мер обеспечения (а по существу, принуждения) производства по делу об административном правонарушении. Федеральным законом «О полиции» в главе 4 предусмотрено применение полицией отдельных мер государственного принуждения.

В свою очередь действующее оперативно-розыскное законодательство не содержит системы мер принудительного характера, обеспечивающих проведение оперативно-розыскных мероприятий. Принимая во внимание крайне негативное отношение к «принуждению» как таковому в рамках ОРД со стороны достаточно большой группы ученых и практикующих юристов (особенно из числа адвокатского корпуса), полагаем, законодатель умышленно уклонился от регулирования столь дискуссионной и конфликтной сферы общественных отношений в рамках Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД). Однако, на наш взгляд, такой подход вряд ли можно считать правильным с точки зрения логики и духа закона. В соответствии с оперативно-розыскным законодательством перед органами, осуществляющими ОРД, стоит задача выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать преступления (ст. 2 Закона об ОРД). Для решения этой задачи должностные лица указанных органов осуществляют оперативно-розыскное производство, т. е. проводят ОРМ и осуществляют иные предусмотренные законом действия. В некоторых случаях возникает объективная необходимость применения мер принудительного характера, направленных на обеспечение эффективного оперативно-розыскного производства. В связи с этим оперуполномоченные достаточно часто вынуждены действовать в условиях правового вакуума: применение уголовно-процессуальных мер принуждения невозможно в силу отсутствия соответствующих правоотношений, а использование мер обеспечения, предусмотренных КоАП РФ, недопустимо, потому что они осуществляются только в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, перед законодателем, на наш взгляд, стоит актуальная задача создания процессуального механизма осуществления оперативно-розыскного производства, в том числе путем формирования системы мер обеспечения и законодательных процедур их применения. В этом аспекте особый интерес представляет проект оперативно-розыскного кодекса, предложенный В. Ф. Луговым [5]. В частности, им разработана отдель-

ная глава «Обеспечение оперативно-розыскного производства», в которой предусмотрен перечень соответствующих мер. Так, в ст. 34 главы 6 проекта в качестве мер обеспечения оперативно-розыскного производства предлагаются: доставление; задержание; личный досмотр; изъятие; уничтожение или приведение в негодность документов, предметов, материалов; ограничение использования сетей связи и средств связи; приостановление услуг связи.

В целом поддерживая законодательную инициативу В. Ф. Луговика по созданию юридических процедур, обеспечивающих оперативно-розыскную деятельность, все же осмелимся высказать некоторые сомнения относительно всей системы предлагаемых мер обеспечения.

Во-первых, принимая во внимание, что оперативно-розыскное производство осуществляется «для проверки и оценки негласно полученных первичных сведений о преступлении», а также «для проведения оперативной разработки, собирания и систематизации сведений, проверки и оценки результатов оперативно-розыскной деятельности» (ст. ст. 29, 30, 31 проекта), то очевидно, что обеспечительный характер по отношению к оперативно-розыскному производству имеют только меры, предусмотренные в пп. 1–4. В свою очередь действия, указанные в пп. 5–7, осуществляются «для предотвращения подготавливаемых преступлений, наносящих непоправимый вред общественным отношениям» (ст. 39 проекта), а также в случаях возникновения угрозы «безопасности личности, общества и государства», «совершения тяжких и особо тяжких преступлений» (ст. ст. 40, 41 проекта ОРК). Данные действия, на наш взгляд, не обеспечивают решения задач оперативно-розыскного производства как такового, а являются, скорее, «мерами пресечения», направленными на предотвращение преступлений и их последствий.

Во-вторых, в п. 11 и п. 12 ст. 21 проекта оперативно-розыскного кодекса определены права оперативно-розыскных органов *проникать* в помещения, на земельные участки, в транспортные средства и *блокировать* объекты, участки местности. На наш взгляд, данные действия имеют ярко выраженный обеспечительный характер, так как способствуют эффективности проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), соответственно, должны быть включены в перечень мер обеспечения оперативно-розыскного производства. В то же время, в случаях проведения гласных ОРМ, действия по проникновению и блокированию должны обеспечиваться принудительной силой. Возможно, именно поэтому законодатель в Федеральном законе «О полиции» действия ее сотрудников по вхождению (проникновению) в жилые и иные помещения (ст. 15), а так-

же по оцеплению (блокированию) участков местности и строений (ст. 16) определил как *меры государственного принуждения* (глава 4 Закона о полиции). В связи с этим возникает обоснованный вопрос: проникновение и блокирование — это права оперативно-розыскных органов или меры обеспечения оперативно-розыскного производства? Примечательно, что аналогичная ситуация складывается и с оперативно-розыскным изъятием предметов и документов. Так, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 21 рассматриваемого проекта изъятие — это право оперативно-розыскных органов, а в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 34 проекта изъятие — это мера обеспечения оперативно-розыскного производства.

В-третьих, отдельные меры обеспечения оперативно-розыскного производства, имеющие принудительный характер, должны быть включены в процедуру соответствующих ОРМ. Так, например, при производстве обыска могут вскрываться любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть (ч. 6 ст. 182 УПК РФ). Также следователь вправе запретить лицам, присутствующим на месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска (ч. 8 ст. 182 УПК РФ). Аналогичным образом, полагаем, следует определить в проекте процедуру оперативного осмотра, так как, по существу, смысл и содержание этих действий идентичны.

Более того, в самих мерах обеспечения оперативно-розыскного производства, предлагаемых в проекте ОРК, заложен определенный принудительный потенциал. В частности, в тех случаях, когда должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, в установленном законом порядке применяет такие меры, как доставление, задержание, личный досмотр, изъятие против воли лица, то без принуждения в этом случае не обойтись.

Основываясь на данных рассуждениях, полагаем целесообразным в авторском проекте оперативно-розыскного кодекса провести разграничение мер обеспечения оперативно-розыскного производства, мер пресечения, мер принуждения и прав органов, осуществляющих ОРД. К мерам обеспечения оперативно-розыскного производства следует отнести доставление, задержание, личный досмотр, изъятие, проникновение, блокирование. Меры пресечения должны препятствовать возможности уничтожения или приведения в негодность документов, предметов, материалов; в них включаются ограничение использования сетей связи и средств связи, приостановление услуг связи. Меры принуждения должны быть органично и обоснованно включены в качестве элементов в процедуру проведения отдельных ОРМ, а также мер обеспечения и пресечения. И в заключение следует предусмотреть право органов, осу-

ществляющих ОРД, проводить гласно и негласно ОРМ, применять меры обеспечения оперативно-розыскного производства и меры пресечения в порядке, установленном проектом кодекса.

Список источников

1. *Юридическая энциклопедия* / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 2001.
2. *Юридический энциклопедический словарь* : 2-е изд., доп. М., 1987.
3. *Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю.* Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1997.
4. *Булатов Б. Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
5. *Луговик В. Ф.* Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации : авторский проект. Омск, 2014.

В. Ф. Луговик

Принуждение в оперативно-розыскной деятельности

Несмотря на то, что проблема правового принуждения в юриспруденции относится к числу центральных, в оперативно-розыскной науке отсутствуют разработанные теоретические положения, совокупность которых можно было бы квалифицировать как концептуальный базис учения об оперативно-розыском принуждении. Полагаю, подходы к формированию теоретических моделей принуждения в оперативно-розыскной деятельности должны быть основаны на фундаментальных положениях не только уголовно-правовых наук, но и, прежде всего, теории права, конституционного права, административного права. Однако проблема в том, что и в этих науках нет единства взглядов на правовое принуждение. Причем это касается не только границ и форм, но и самого понятия, его содержания и социальной обусловленности.

В юридической литературе право рассматривается как способ государственного принуждения, иногда дискуссия идет вокруг подчиненного вопроса, а может ли само право существовать без принуждения? Известный российский ученый-правовед Д. И. Майер отмечал, что «если нет для какого-либо права возможности принудительного осуществления, то нет, собственно, и права» [1, с. 224]. Без принуждения право не будет выступать эффективным регулятором правоотношений и решать стоящие перед ним задачи [2, с. 30]. Применительно к уголовному праву Ю. В. Голик отмечает, что без принуждения оно не может даже называться правом [3].

Конечно, абсолютного отрицания правового принуждения нет, чаще всего сомнения выражаются относительно его деталей и степени имманентности праву. Суть концепции «добра без кулаков» исторически сводится к тому, что «право может обойтись и без принуждения, и не всякое право осуществимо через принуждение» [4, с. 75]. Утверждения, что с развитием общества право будет возобладать над силой, а принуждение будет носить из ряда выходящий характер [4, с. 87], оказались иллюзиями, концепции отмирания права и принуждения [5, с. 22; 6, с. 149; 7, с. 22] не выдержали испытания временем. Думаю, не оправдаются надежды и об отмирании юридических профессий и их замене искусственным интеллектом.

Тем не менее, неопределенные ожидания социального добра присутствуют не только на страницах научных изданий, но и в правотворчестве. Проявляется это, как правило, в постулате об исключительности принуждения и тезисе, что принуждение возможно только там, где достичь чего-либо иным способом нельзя. Применительно к ОРД эта оговорка распространяется в целом на всю деятельность, которая до настоящего времени рассматривается как исключительное, выпадающее из общего ряда средство борьбы с преступностью. Так, авторы учебника «Оперативно-розыскная деятельность» пишут, что «ОРД проводится только в исключительных случаях, когда нет возможности решить задачи борьбы с преступностью иными средствами (ст. 8). Это положение ориентирует на то, чтобы применение средств ОРД в силу их остроты и специфичности рассматривалось как крайняя необходимость» [8, с. 75]. Аналогичное мнение высказано К. В. Сурковым, утверждающим, что «нельзя забывать как бы о вынужденном с точки зрения уголовно-правового института крайней необходимости характере оперативно-розыскной деятельности» [9, с. 27]. По мнению В. Н. Боркова, ОРД не предполагает государственного принуждения, так как при ее осуществлении не возникают отношения власти и подчинения, а государственное регулирование заключается в установлении системы гарантий законности, соблюдения прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий, при осуществлении которых оперативные сотрудники не наделены распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, а также правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами и организациями [10, с. 30–34]. Комментируя эти взгляды в аспекте предмета обсуждения, нужно заметить, что в Законе об ОРД нет указания на какую-либо исключительность оперативно-розыскной деятельности, а следовательно, и оперативно-розыскного принуждения.

Существуют и более категоричные суждения относительно правовой природы оперативно-розыскного принуждения. Так, профессор В. И. Зажицкий считает, что основная задача должностных лиц, осуществляющих ОРД, «состоит в выявлении и раскрытии преступлений, а также выявлении и установлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. При этом они не уполномочены оценивать чьи-либо действия (бездействие) как правомерные или неправомерные, квалифицировать их в соответствии с нормами Уголовного кодекса РФ и на этом основании применять меры государственного принуждения. Следовательно, оперативно-розыскная деятельность не является юрисдикционной ... оперативно-розыскная деятельность не связана с применением мер государственного принуждения, должна быть быстрой, гибкой, ее нельзя обременять формальностями, а также втискивать в рамки правоотношений» [11, с. 53].

Полагаю, существование оперативно-розыскного права давно доказано, соответственно, существует и одноименная сфера правоприменения, которая без принуждения просто невозможна. Суть правового принуждения как вида государственного принуждения сводится не только к применению силы, физического воздействия, лишения свободы и др., но и в целом к ограничению прав человека и гражданина в определенной сфере. Это принципиальное замечание, расширяющее представление об оперативно-розыском принуждении, которое, во-первых, имеет нормативную регламентацию, а во-вторых, всегда ограничивает права человека.

Конституция России предполагает установление федеральным законом разумных и соразмерных мер принуждения, без умаления прав человека и неправомерного их ограничения, при справедливом соотношении публичных и частных интересов (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 г. № 3-П, от 14 ноября 2005 г. № 10-П, от 26 декабря 2005 г. № 14-П, от 16 июля 2008 г. № 9-П, от 7 июня 2012 г. № 14-П, Определение Конституционного Суда РФ от 5 апреля 2016 г. № 707-О и др.). Соразмерность, по моему мнению, предполагает учет ранее отмеченного обстоятельства принудительного характера права. В правовом регулировании ОРД это должно проявляться в регламентации процедуры проведения оперативно-розыскных мероприятий с элементами принуждения. Например, невозможно провести оперативный эксперимент в отношении взяточполучателя без личного досмотра, осмотра помещения, изъятия предмета взятки и последующего его задержания (захвата, доставления). Конституционный Суд Рос-

сийской Федерации еще в 2003 г. признал законной практику принудительного гласного проникновения в жилище и его обследования для обнаружения и задержания преступника на основе норм Закона об ОРД, по судебному решению (определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2003 г. № 498-О). В то же время Конституционный Суд Российской Федерации не единожды обращал внимание, что Закон об ОРД не регламентирует процедуры задержания, личного досмотра, обыска и осмотра места происшествия, которые должны осуществляться в процедурах производства по делам об административных правонарушениях или уголовного судопроизводства (определения Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1182-О, от 15 апреля 2008 г. № 312-О-О, от 22 апреля 2010 г. № 531-О-О, № 532-О-О и № 533-О-О, от 15 июля 2010 г. № 1043-О-О и от 23 сентября 2010 г. № 1210-О-О). Как же оценить такую правовую позицию: это констатация факта отсутствия в законе должных норм или установка на применение правовых суррогатов? Деликатная непоследовательность в правовых суждениях затрудняет правоприменение, а в итоге сотрудники оперативных подразделений вынуждены приспособливать уголовно-процессуальные или административные процедуры под решение задач ОРД.

Нужно согласиться с мнением, что оперативно-розыскные отношения, возникающие при пресечении преступления, связанные с захватом и доставлением лица, его совершившего, должны регулироваться нормами Закона об ОРД. В связи с этим предлагается в данном Законе регламентировать полномочия на применение мер принуждения в виде доставления и задержания лица, совершившего преступление [12, с. 13].

В разработанном нами проекте федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации» предложена статья 34 «Меры обеспечения оперативно-розыскного производства»:

«1. В целях пресечения преступления, установления личности нарушителя, составления протокола оперативно-розыскного мероприятия, обеспечения привлечения лица к ответственности и исполнения принятого по делу постановления оперуполномоченный вправе в пределах своих полномочий применять следующие меры обеспечения оперативно-розыскного производства:

- 1) доставление;
- 2) задержание;
- 3) личный досмотр;
- 4) изъятие;

5) приведение в негодность или уничтожение документов, предметов, материалов, вещей;

6) ограничение использования сетей связи и средств связи;

7) приостановление услуг связи.

2. Вред, причиненный незаконным применением мер обеспечения оперативно-розыскного производства, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством».

Кроме того, каждой мере обеспечения оперативно-розыскного производства соответствует отдельная статья, раскрывающая ее понятие и процедуру применения. Думается, надлежащее правовое регулирование оперативно-розыскных мер принуждения будет способствовать укреплению законности и правопорядка.

Список источников

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право. Ч. 1. М., 1997.
2. Егоров В. С. Общее понятие правового принуждения // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2007. Вып. 8(13).
3. Голик Ю. В. Метод уголовного права // Журнал российского права. 2000. № 1.
4. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1907.
5. Алексеев С. С. О перерастании советского права в систему норм коммунистического общежития // Советское государство и право. 1962. № 5.
6. Братусь С. Н. К проблеме хозяйственно-административного права // Советское государство и революция права. 1930. № 11-12.
7. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. М., 1928.
8. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2001.
9. Правовая политика в области оперативно-розыскной деятельности // Юридический мир. 2005. № 4.
10. Борков В. Оперативная провокация как способ фальсификации (ч. 4 ст. 303 УК РФ) // Законность. 2017. № 6.
11. Зажицкий В. И. О проекте оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2016. № 3.
12. Супрун С. В. Возбуждение уголовного дела в отношении лица на основе недопустимых результатов оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» как основание возникновения права на реабилитацию // Российский следователь. 2012. № 17.

Н. Е. Матюшенко

Сравнительный анализ нормативного закрепления мер административного и уголовно-процессуального пресечения (на примере законодательства Республики Беларусь)

В юридической литературе меры административного пресечения зачастую смешиваются с мерами уголовно-процессуального пресечения. Это объясняется, прежде всего, сходным терминологическим их наименованием и родовым понятием — «меры пресечения». Этому способствуют и недостаточно четкое уяснение непосредственной целевой направленности этих двух разных видов мер, оснований, в связи с которыми они применяются, а в конечном итоге — и правовой природы тех и других. Подчас меры административного и уголовно-процессуального пресечения отождествляются потому, что они используются одними и теми же правоохранительными органами, нередко по одному и тому же основанию (преступление) [1, с. 48].

Применение названных мер в административно-правовой практике и уголовном процессе всегда связывается с необходимостью охраны государственных, общественных и личных интересов. И тот и другой вид мер пресечения осуществляется на строго нормативной основе, в рамках правоохранительных отношений. Оба вида мер пресечения являются мерами принудительного характера. Принудительность их заключается в ограничении прав и интересов лиц, к которым они применяются помимо воли последних, властно навязывая им необходимый вариант поведения.

Мера уголовно-процессуального пресечения связывается с личностью обвиняемого либо подозреваемого. Круг субъектов права, к которым могут быть применены меры административного пресечения, гораздо шире, чем круг тех лиц, на которых распространяется мера уголовно-процессуального пресечения. Следует также отметить, что меры административного пресечения используются для прекращения противоправной деятельности не только физических, но и юридических лиц, а также для прекращения общественно опасной ситуации, объективной возникшей по причинам природного либо техногенного характера. Отдельно следует выделить категории лиц, не совершающих правонарушений (например, пытающихся покончить жизнь самоубийством либо причинить себе вред), к которым также могут применяться меры административного пресечения.

Меры уголовно-процессуального пресечения применяются относительно ограниченным кругом должностных лиц в рамках уголовного

процесса. Перечень же должностных лиц государственных органов, применяющих меры административного пресечения, гораздо шире, в том числе и перечень должностных лиц органов внутренних дел, применяющих меры административного пресечения [2, с. 59]. Кроме того, правом на применение некоторых мер административного пресечения могут быть наделены члены общественных формирований, например добровольных дружин [3, ст. 17].

Общим свойством указанных мер является также обеспечение применения мер юридической ответственности. Имея тесную связь с указанными мерами, они, тем не менее, сами по себе не преследуют цели наказания, несмотря на то что применяются, как и юридическая ответственность, по поводу или в связи с правонарушением.

Однако наличие общих черт мер административного и уголовно-процессуального пресечения не дает оснований к их отождествлению, они существенно различаются между собой. Сравнительный анализ мер административного и уголовно-процессуального пресечения позволяет с достаточной полнотой убедиться в том, что сходство их лишь мнимое, чисто внешнее, поверхностное. Эти меры глубоко различны по своей сущности, целевому назначению, их нормативной регламентации и многим другим признакам, а в конечном итоге — по юридической природе в целом.

Анализ национального законодательства свидетельствует, что меры уголовно-процессуального пресечения получили детальную и комплексную регламентацию в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее — УПК РБ), в частности, в специальной главе 13, в которой полностью раскрываются виды и содержание меры данного отраслевого пресечения. Более того, законодатель посвятил весь IV раздел УПК мерам процессуального принуждения.

В статье 116 УПК РБ дано определение и указан исчерпывающий перечень мер уголовно-процессуального пресечения: 1) подписка о невыезде и надлежащем поведении; 2) личное поручительство; 3) передача лица, на которое распространяется статус военнослужащего, под наблюдение командования воинской части; 4) отдача несовершеннолетнего под присмотр; 5) запрет определенных действий; 6) залог; 7) домашний арест; 8) заключение под стражу.

При этом они расположены в порядке возрастания их строгости, что имеет значение при изменении менее строгой меры на более строгую. Такие меры пресечения, как передача лица, на которое распространяется статус военнослужащего, под наблюдение командования воинской части, и отдача несовершеннолетнего под присмотр, имеют отношение к специальным

субъектам, остальные применяются ко всем лицам. К подозреваемому или обвиняемому может быть применена только одна мера пресечения — та, которая в наибольшей степени соответствует материалам уголовного дела.

Далее в статьях главы 13 закреплены основания (ст. 117 УПК), срок действия меры пресечения в отношении подозреваемого (ст. 118 УПК), общий порядок применения, изменения и отмены меры пресечения (ст. 119 УПК). В последующих нормах рассматриваются назначение и раскрывается содержание конкретных видов мер пресечения: подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 120 УПК); личное поручительство (ст. 121 УПК); передача лица, на которое распространяется статус военнослужащего, под наблюдение командования воинской части (ст. 122 УПК); отдача несовершеннолетнего под присмотр (ст. 123 УПК); запрет определенных действий (ст. 123¹ УПК); залог (ст. 124 УПК); домашний арест (ст. 125 УПК); заключение под стражу включая исчисление сроков содержания под стражей и порядок их продления (ст. ст. 126, 127 УПК).

Что же касается вопроса нормативного закрепления мер административного пресечения, то правовые нормы о вышеупомянутых мерах закреплены в различных по своей направленности, содержанию и иерархическому уровню нормативных правовых актах. Их многообразие и фрагментарность препятствуют гармоничному развитию законодательства в этой сфере, приводят к отсутствию скоординированности норм отдельных законов и подзаконных нормативных правовых актов, касающихся применения различных (в разрезе общих и специальных) мер административного пресечения.

Более того, в рамках правового поля отсутствует нормативное закрепление унифицированного определения понятия «меры административного пресечения» (причем и на законодательном уровне), исчерпывающего перечня, их видов, критериев классификации, оснований, порядка и условий применения, за исключением специальных мер пресечения.

Как показывает анализ положений Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее — Закон об ОВД), в отдельной главе нашли закрепление только виды специальных мер административного пресечения (физическая сила, специальные средства, боевая и специальная техника, оружие), в том числе основания, условия и пределы их применения (ст. ст. 26–30) [4].

Несмотря на то что общие меры административного пресечения применяются в практике повседневной правоохранительной деятельности ОВД значительно чаще, должного нормативного закрепления в части определения понятия, видов, критериев классификации, содержания мер

административного пресечения, общего порядка их применения в Законе об ОВД они не получили. Они рассредоточены во множестве нормативных правовых актов различной юридической силы, функционального назначения и содержания, отраслевой принадлежности, в отличие от мер административной ответственности и процессуального обеспечения, которые закреплены в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП (гл. 6)) и Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПИКоАП (гл. 8)) соответственно.

Таким образом, рассмотрев состояние нормативного правового регулирования мер административного и уголовно-процессуального пресечения в законодательстве Республики Беларусь, мы пришли к следующим выводам.

1. Меры административного пресечения, в отличие от мер уголовно-процессуального принуждения пресекательного характера, закреплены в различных по своей направленности, содержанию и иерархическому уровню нормативных правовых актах, что не способствует гармоничному развитию законодательства в этой сфере, а также единообразной интерпретационной и правоприменительной практики.

2. В целях сближения уровней нормативного регулирования различных отраслевых мер государственного принуждения (в частности, мер административного и уголовно-процессуального пресечения), достижения сбалансированности в правовой регламентации с иными видами мер административно-правового принуждения (административной ответственности, процессуального обеспечения административного процесса) предлагается систематизировать нормы, касающиеся административного пресечения путем включения в качестве самостоятельной главы в кодифицированный нормативный правовой акт (например, в КоАП), что обеспечит достаточность, необходимый уровень и комплексность правового регулирования сферы применения указанных мер.

В данной главе должны найти закрепление определение понятия «меры административного пресечения», их цели и принципы, перечень общих и специальных мер административного пресечения, общие основания, порядок и условия применения, иные аспекты.

Список источников

1. Агеенкова Г. Т. Меры административного пресечения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982.

2. Тюрин В. А. Проблемы применения мер пресечения в административном праве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.

3. *Об участии граждан в охране правопорядка* : закон Республики Беларусь от 26 июня 2003 г., № 214-З : в ред. закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Минск, 2023.

4. *Об органах внутренних дел Республики Беларусь* : закон Республики Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З, в ред. закона Республики Беларусь от 17 мая 2021 г., № 106-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Минск, 2023.

К. Д. Николаев

Уголовно-правовые основы уголовно-процессуального принуждения

Теория уголовного права исходит из того, что уголовная ответственность выступает звеном цепи «преступление — уголовная ответственность — наказание». Действительно, привлечение к уголовной ответственности обусловлено совершением лицом преступления, а одной из форм реализации уголовной ответственности является наказание. Совершение преступления — юридический факт, выступающий основанием возникновения уголовного правоотношения: оно и возникает именно по поводу совершенного преступления, порождает взаимные права и обязанности сторон.

В самом общем виде элементы уголовного правоотношения можно представить следующим образом: 1) преступление — основание возникновения правоотношения (без преступления уголовное правоотношение возникнуть не может, рассматриваемое правоотношение возникает именно по поводу совершенного преступления); 2) участники правоотношения: с одной стороны, это физическое лицо, совершившее преступление, а с другой стороны, это государство в лице его компетентных (правоохранительных и судебных) органов; 3) содержание правоотношения — взаимные права и обязанности участников правоотношения (сторон): лицо, совершившее преступление, обязано претерпевать предусмотренные уголовным (наказание, иные меры уголовно-правового характера) и уголовно-процессуальным (меры процессуального принуждения) законами тяготы и лишения; этой обязанности лица, совершившего преступление, корреспондируется право правоохранительных и судебных органов государства (при привлечении этого лица к уголовной ответственности и в процессе ее реализации) возлагать на это лицо тяготы

и лишения, в которых выражается наказание, а также применять к нему меры процессуального принуждения; следует отметить, что это право государственных компетентных органов одновременно выступает и их обязанностью: они созданы и существуют для того, чтобы привлекать к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, а также реализовывать эту ответственность в отношении таких лиц.

С другой стороны, уголовное правоотношение может быть рассмотрено как система, состоящая из элементов — других правоотношений, его образующих и входящих в него составными частями. В связи с этим следует выделить уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное правоотношения, которые в своей совокупности образуют уголовное правоотношение. Здесь можно провести параллель с уголовной политикой, которая складывается из уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики.

В то же время следует отметить, что в ряде случаев возникновение уголовного правоотношения, появляющегося одновременно с уголовно-правовым, сопровождается возникновением уголовно-розыскного правоотношения. Это происходит, если преступление не раскрыто — не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого за совершение данного преступления, и необходимо провести оперативно-розыскные мероприятия, направленные на раскрытие преступления и установление лица, его совершившего. Уголовно-розыскное правоотношение направлено как раз на то, чтобы установить лицо, подлежащее уголовной ответственности. Иногда уголовно-розыскное правоотношение возникает раньше уголовного правоотношения, которое появляется одновременно с уголовно-правовым. Это происходит в случае, когда преступление совершается лицом в процессе проведения в отношении него оперативно-розыскных мероприятий. Если же данное лицо не совершает преступления, то уголовное правоотношение не возникает, так как не возникает уголовно-правовое правоотношение. В этом случае результаты оперативно-розыскного мероприятия не находят реализации в рамках привлечения лица к уголовной ответственности.

Учитывая изложенное, уголовное правоотношение возникает одновременно с уголовно-правовым, появление которого и обусловлено совершением преступления. Непосредственно привлечение к уголовной ответственности происходит на основе возникшего уголовно-правового правоотношения в рамках уголовно-процессуального правоотношения. Оба эти правоотношения существуют параллельно, выступая составными частями уголовного правоотношения.

Меры процессуального принуждения применяются в процессе привлечения лица к уголовной ответственности (на стадии привлечения к ответственности, когда осуществляются расследование уголовного дела и его рассмотрение в суде). Когда обвинительный приговор вступает в законную силу и осужденный уже отбывает наказание, уголовно-процессуальное правоотношение прекращается. Отбывание наказания осуществляется на стадии реализации уголовной ответственности, в рамках уголовно-правового и уголовно-исполнительного правоотношений (оба эти правоотношения также существуют параллельно, выступая составными частями уголовного правоотношения).

Таким образом, уголовное правоотношение включает в себя в качестве элементов уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное правоотношения. Оно реализуется на стадии привлечения к уголовной ответственности и на стадии ее реализации: на стадии привлечения к уголовной ответственности существуют одновременно уголовно-правовое и уголовно-процессуальное правоотношения, а на стадии реализации уголовной ответственности — одновременно уголовно-правовое и уголовно-исполнительное правоотношения, т. е. уголовно-правовое правоотношение существует на всем протяжении существования уголовного правоотношения, чего не скажешь про уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное правоотношения.

Учитывая изложенное, следует констатировать, что элементный состав уголовного правоотношения меняется в зависимости от того, с какой стадией уголовной ответственности имеем дело: привлечения или реализации. Изменение элементного состава уголовного правоотношения сказывается и на его субъектном составе: с одной стороны, меняется состав государственных компетентных правоохранительных и судебных органов (стадия привлечения к уголовной ответственности — органы дознания, следствия и суд; стадия реализации уголовной ответственности — органы исполнения наказания), с другой стороны, субъект неизменен — это лицо, совершившее преступление (меняется только его процессуальный статус: подозреваемый, обвиняемый, осужденный).

Как было отмечено выше, непосредственно привлечение к уголовной ответственности происходит на основе возникшего уголовно-правового правоотношения в рамках уголовно-процессуального правоотношения. Именно в рамках последнего к лицу, совершившему преступление, и применяются меры процессуального принуждения в процессе привлечения его к уголовной ответственности.

Согласно ст. 8 УК РФ «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Таким образом, законодатель выделяет одно основание уголовной ответственности. А. И. Марцев справедливо отмечал: «Состав преступления рассматривается как совокупность признаков, указанных в законе, которые характеризуют деяние личности в качестве преступления. Если подходить к разрешению данного вопроса с позиции того, за что наступает уголовная ответственность, то ни в коей мере нельзя признать, что ответственность наступает за „состав преступления“. Ответственность — следствие преступления и наступает за преступление ... именно деяние, т. е. определенная форма и направленность поведения субъекта, должно быть положено в основу уголовной ответственности. Только общественно опасная деятельность субъекта вызывает необходимость и дает право органам государства привлекать лицо к уголовной ответственности» [1, с. 26]. Анализируя теоретические проблемы выделения основания уголовной ответственности, указанный автор пришел к выводу: «Рассматривая соотношение совершения преступления и состава преступления как оснований уголовной ответственности, можно сказать, что совершение преступления есть материальное основание ответственности, состав преступления — юридическое» [2, с. 71]. Иначе говоря, факт совершения преступления выступает фактическим основанием уголовной ответственности.

Профессор А. И. Марцев указывал: «основание уголовной ответственности следует рассматривать как возможность возникновения ответственности, а реально возникшую ответственность — как действительность» [2, с. 69].

Итак, меры процессуального принуждения применяются на стадии привлечения лица к уголовной ответственности, фактическим основанием которой выступает совершение этим лицом общественно опасного деяния, а юридическим — состав преступления, закрепляющий признаки, характеризующие это деяние как преступное. Без этих уголовно-правовых основ уголовной ответственности невозможно применение к лицу мер процессуального принуждения.

Принимая во внимание изложенное, предлагаем следующее определение: *уголовно-процессуальное принуждение — это реализуемый в рамках уголовно-правового и уголовно-процессуального правоотношений способ государственного воздействия на лицо, совершившее преступление, в соответствии с которым к данному лицу применяются в установленном порядке предусмотренные уголовно-процессуальным законом принудительные меры.*

Список источников

1. *Марцев А. И.* Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. Омск, 1973.
2. *Марцев А. И.* Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск, 1990.

Л. А. Пупышева

Современная доктрина уголовно-процессуального принуждения при исполнении приговора

Современная доктрина (под которой мы понимаем ту, которая сформировалась в период действия УПК РФ 2001 г.) уголовно-процессуального принуждения при исполнении приговора значительно проигрывает доктрине государственного принуждения, предусмотренного разделом IV УПК РФ, даже по формальному признаку — по количеству монографических исследований. Вместе с тем сказать, что наука уголовного процесса полностью игнорирует меры, применяемые к осужденным в производстве, предусмотренном гл. 47 УПК РФ, нельзя.

Известно, что государственное принуждение при исполнении приговора также регулируется нормами уголовно-исполнительного законодательства, ввиду чего определенный вклад в его доктрину вносят представители науки уголовно-исполнительного права.

В исследовании особенностей применения мер процессуального принуждения при исполнении приговора «локомотивом», безусловно, является профессор В. В. Николюк, занимающийся данными вопросами более 30 лет.

Отдельные аспекты применения мер процессуального принуждения в уголовно-исполнительном судопроизводстве отражены в работах Б. Б. Булатова, С. И. Вершининой, К. В. Муравьева, О. П. Александровой и Л. Ю. Будановой, А. Б. Диваева. На монографическом уровне заключение под стражу осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, изучена Л. В. Ложкиной.

Отметим, что зачастую меры процессуального принуждения, применяемые к осужденным, фрагментарно затрагиваются в докторских диссертациях и других монографических работах, посвященных государственному принуждению в уголовном процессе (производстве по уголовному делу), в которых авторы обращают внимание на их специфику и своеобразие. Так, С. И. Вершинина обоснованно указывает, что «меры

пресечения, применяемые к осужденным в стадии исполнения приговора, преследуют иные цели — это прекращение противоправного поведения осужденного, уклоняющегося от исполнения наказания. Здесь специфичны не только цели и порядок принудительного воздействия, субъект принуждения, но и сфера применения мер пресечения — стадия исполнения приговора» [1, с. 31].

Ненадлежащее правовое регулирование видов, оснований и порядка применения мер процессуального принуждения при исполнении приговора становится предметом исследования ученых-процессуалистов, сферу научных интересов которых составляют различные аспекты судебной деятельности, предусмотренной гл. 47 УПК РФ. Как показывают проводимые в этой области научные исследования, задержание и заключение под стражу осужденных происходит фактически «вне правового поля», на основе применения норм УПК РФ по аналогии, подкрепленной ведомственным (МВД России и ФСИН России) и далеко не бесспорным регулированием. Соответствующая деятельность характеризуется многообразием, отсутствием единства даже в пределах одного субъекта РФ. В частности, в них справедливо констатируется отсутствие возможности использования общих для мер процессуального принуждения положений глав 12 и 13 УПК РФ, предназначенных для производства по уголовному делу.

В этом отношении правильными представляются позиции ученых, отмечающих, что основания задержания и заключения под стражу, оговоренные в ст. ст. 91 и 97 УПК РФ, непригодны к случаям рассмотрения и разрешения представлений о замене наказания.

Специалисты справедливо обращают внимание на комплексный характер и пробельность правового регулирования мер принуждения в уголовно-исполнительном судопроизводстве, акцентируют внимание на противоречивости норм УПК РФ и УИК РФ, в которых основные категории — задержание и заключение под стражу — смешиваются, подменяются друг другом. При этом сущность и назначение указанных мер, в том числе в конституционно-правовом смысле, различны.

Задержание осужденного не относится к мерам уголовно-процессуального принуждения. При этом процессуалисты все равно обращаются к его правовой природе и сущности, поскольку, во-первых, оно предшествует избранию в отношении осужденного заключения под стражу в порядке пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, во-вторых, в некоторых научных исследованиях обосновывается необходимость его регламентации в УПК РФ. В правовой доктрине существует точка зрения, согласно

которой оно является разновидностью уголовно-процессуального задержания и подлежит законодательному оформлению в УПК РФ.

Достаточно обстоятельно правовая природа задержания осужденного описана профессором В. В. Николюком — это самостоятельный, наряду с уголовно-процессуальным и административным (полицейским), вид задержания, который представляет собой меру принуждения уголовно-исполнительного характера, преследующую цели пресечь уклонение осужденного от отбывания наказания и обеспечить его участие в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене назначенного ранее наказания более строгим, отмене отсрочки отбывания наказания осужденным, больным наркоманией [2, с. 161].

Наличие законодательной неопределенности по поводу места заключения под стражу осужденного в системе мер уголовно-процессуального принуждения привело к тому, что в литературе распространен подход, отождествляющий ее с арестом обвиняемых и подозреваемых (ст. 108 УПК РФ). Полагаем, что предпосылками к этому являются, во-первых, использование законодателем одинакового обозначения («заключение под стражу»), во-вторых, схожее содержание анализируемых мер (состоят во временной изоляции лица от общества с помещением в следственный изолятор), в-третьих, их регулирование уголовно-процессуальным законодательством.

Ученые отмечают, что при детальном исследовании становится очевидным, что заключение под стражу осужденного является самостоятельной мерой процессуального принуждения, ориентированной на особое уголовно-процессуальное производство, предусмотренное гл. 47 УПК РФ, в связи с этим распространять на нее положения гл. 13 УПК РФ неправильно [3, с. 377]. Ее автономность проявляется в собственных (отличительных) целях, основаниях, порядке избрания и применения.

Перспективными направлениями дальнейшего развития доктрины уголовно-процессуального принуждения представляются следующие.

1. Применение мер обеспечения надлежащего поведения осужденного в производстве по делам об отмене условного осуждения, отмене условно-досрочного освобождения.

2. Расширение системы мер процессуального принуждения, применяемых к осужденным и другим участникам уголовно-исполнительного судопроизводства (включение в нее подписки о невыезде и надлежащем поведении, привода).

В уголовно-процессуальной теории предпринимались попытки выявить специфику действия указанной принудительной меры в произ-

водстве, предусмотренном гл. 47 УПК РФ, обосновать подход, согласно которому в производстве по делам об исполнении приговора привод, состоящий в принудительном доставлении лица в суд, может быть применен только к осужденному и только в целях обеспечения его явки в судебное заседание, и не может применяться учреждениями и органами УИС для целей осуществления контроля за осужденными [3, с. 24].

3. Дальнейшее согласование норм уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства о задержании и заключении под стражу осужденного.

Список источников

1. *Вершинина С. И.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017.

2. *Николюк В. В.* Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания : науч.-практ. пособие. М., 2018.

3. *Пупышева Л. А.* Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022.

В. В. Семенчук

Синдром устаревания оперативно-розыскной информации, используемой в процессе принятия решений о заключении под стражу

Результаты оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) имеют существенное значение для информационного обеспечения уголовного судопроизводства. Помимо направлений использования, предусмотренных в ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), они также востребованы для обоснования процессуальных решений об избрании мер пресечения. Значимость оперативно-розыскной информации в этих целях определяется как ее уникальностью, объясняемой отсутствием тождественных уголовно-процессуальных методов познания, так и тем, что на ранних стадиях уголовного судопроизводства по объему она может превалировать над той, которая получена процессуальным путем.

Для разных мер пресечения степень значимости информации может отличаться. Так, в результате анкетирования сотрудников следственных

органов и судей¹ было установлено, что наибольшую ценность результаты ОРД имеют для обоснования решения о заключении под стражу (табл. 1).

Таблица 1. Результаты анкетирования по вопросу о возможности использования результатов ОРД для информационного обоснования решений об избрании мер процессуального принуждения

Меры пресечения, для информационного обоснования которых могут быть использованы результаты ОРД	Сотрудники следственных органов СК России	Сотрудники следственных органов МВД России	Судьи краевых, областных судов, суда автономной области	Судьи районных и городских судов
Подписка о невыезде и надлежащем поведении	43 / 17,6	117 / 25,0	13 / 16,9	9 / 20,0
Личное поручительство	10 / 4,1	25 / 5,3	9 / 11,7	4 / 8,9
Наблюдение командования воинской части	8 / 3,3	16 / 3,4	10 / 13,0	4 / 8,9
Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым	14 / 5,7	28 / 6,0	9 / 11,7	5 / 11,1
Запрет определенных действий	24 / 9,8	48 / 10,3	15 / 19,5	9 / 20,0
Залог	23 / 9,4	21 / 5,8	12 / 15,6	6 / 13,3
Домашний арест	81 / 33,2	107 / 22,9	32 / 41,6	15 / 33,3
Заключение под стражу	101 / 41,4	176 / 37,7	39 / 50,6	20 / 44,4

Примечание. Так как опрос проводился по возможности использования результатов ОРД для информационного обоснования решений об избрании мер процессуального принуждения, в содержании табл. 1 приведено извлечение в части мер пресечения. При заполнении анкеты респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответа (количество / процент ответивших).

¹ В 2021 г. проведено анкетирование: 244 сотрудников следственных органов СК России (следственные органы по Республике Ингушетия, Алтайскому, Камчатскому, Приморскому и Хабаровскому краям, Еврейской автономной области, Амурской, Магаданской и Сахалинской областям); 467 сотрудников следственных органов МВД России (следственные органы Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу, территориальных ОВД республик Бурятия, Саха (Якутия), Алтайского, Камчатского, Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Иркутской, Магаданской, Новосибирской и Оренбургской областей); 77 судей судов уровня субъекта РФ (Алтайский, Приморский и Хабаровский краевые суды, Амурский и Сахалинский областные суды, Суд Еврейской автономной области); 45 судей районных и городских судов (Железнодорожный районный, Ленинский районный и Октябрьский районные суды г. Барнаула, Фрунзенский районный суд г. Владивостока, Индустриальный районный и Центральный районные суды г. Хабаровска, Южно-Сахалинский городской суд).

Сведения, полученные в ходе анкетирования, являются аргументом для признания информационной полезности результатов ОРД, так как из всего перечня мер пресечения заключение под стражу предполагает наибольшее ограничение прав личности и соответственно требует более полного обоснования. При обосновании решения о заключении под стражу использование результатов ОРД, вместе с тем, не является «вопросом веры», исключаяющим их проверку. Так, согласно ст. 108 УПК РФ фактическими обстоятельствами, на основании которых судья принимает такое решение, не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности, результаты ОРД, представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ. Представляет интерес, что уголовно-процессуальный закон, не изобилуя упоминаниями об условиях использования результатов ОРД, акцентирует внимание на этом направлении.

Подобная правовая конструкция не совсем логична, так как ст. 89 УПК РФ относится к использованию результатов ОРД в доказывании и конкретных требований по их представлению, а тем более для избрания мер пресечения, не содержит. Из позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) можно вывести, что упоминание результатов ОРД в подобном ключе не предполагает их запрета для использования в обосновании решений о заключении под стражу, но предполагает их обязательную проверку (определение КС РФ от 24 июня 2014 г. № 1442-О).

Важным положением ст. 108 УПК РФ является то, что результаты ОРД должны быть изучены в судебном заседании. Способы их изучения законом не установлены, но, как представляется, помимо оглашения, также должно осуществляться сравнение с другими данными, содержащимися в уголовном деле. Соответственно результаты ОРД не могут являться единственным основанием для избрания данной меры пресечения.

Исходя из разъяснений, данных Верховным Судом Российской Федерации (далее — ВС РФ) и КС РФ, следует, что в процессе проверки результатов ОРД вместе с другими материалами, используемыми для обоснования заключения под стражу, следует исходить из их достоверности и достаточности.

Так, в п. 14 постановления Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 г. № 5 на данный счет указано, что обстоятельства, являющиеся основаниями для избрания меры пресечения (ст. 97 УПК РФ), должны быть реальными, обоснованными, т. е. подтверждаться достоверными сведениями².

² О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5.

Однако, несмотря на то, что результаты ОРД должны в достаточной степени обосновывать принятие соответствующего решения и иметь возможность проверки, к ним не относятся все критерии, предъявляемые к доказательствам. Как отмечалось КС РФ, применение мер пресечения осуществляется в процессе предварительного расследования или судебного разбирательства, когда возможности выяснения обстоятельств дела еще далеко не исчерпаны (определение КС РФ от 27 сентября 2018 г. № 2068-О).

Из этого следует, что информация (фактические обстоятельства), используемая при обосновании избрания меры пресечения, еще имеет вероятностный характер, но, с учетом высокой степени ограничения личной свободы граждан, степень вероятности должна быть выше, нежели для информации, используемой для проведения следственных действий. В пункте 5 постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 по данному поводу указывалось, что фактические обстоятельства должны свидетельствовать «о реальной возможности совершения обвиняемым, подозреваемым действий, указанных в ст. 97 УПК РФ»³. Примером подобных оснований могут быть задокументированные в ходе ОРД угрозы участникам уголовного судопроизводства.

В контексте достаточности данных, в постановлении Пленума ВС РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 разъяснено, что при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судом должна осуществляться проверка обоснованности подозрения причастности лица к совершенному преступлению, которая не может сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению.

Как отмечалось КС РФ, принимая решение, судья исходит из анализа всего комплекса фактических обстоятельств и нормативных оснований применения меры пресечения, оценивает достаточность представленных сторонами материалов для принятия законного и обоснованного решения и определения того, какие именно данные указывают на наличие предусмотренных ч. 1 ст. 97 УПК РФ оснований для заключения под стражу или продления срока содержания под стражей (определение КС РФ от 28 февраля 2017 г. № 336-О).

Примеры использования схожих позиций при оценке достаточности результатов ОРД для избрания меры пресечения встречаются и в судеб-

³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41.

ной практике. Так, ВС РФ был критически оценен рапорт оперативного сотрудника, содержащий информацию, что лицо намеревается скрыться за пределы Российской Федерации, при отсутствии каких-либо конкретных обоснований этого (Определение ВС РФ от 7 октября 2013 г. № 5-Д13-51).

Далее отметим, что применимость данных критериев в части результатов ОРД различается в случаях первичного избрания рассматриваемой меры пресечения и ее последующего продления.

В первом случае, на начальном этапе расследования уголовного дела, объем информации, полученной процессуальным путем, ограничен, и следователь вынужден уделять больше внимания сведениям, полученным оперативным путем (в особенности это имеет место при возбуждении уголовных дел на основании результатов ОРД).

В рассматриваемом случае имеют место обстоятельства, которые могут вызвать критику в части достоверности сведений, содержащихся в результатах ОРД:

- так как в ходе документирования ОРД основной акцент делается на сборе доказательственной информации, то сбору сведений о наличии оснований для избрания меры пресечения уделяется второстепенное значение и таковые могут иметь вероятностный характер;

- в рамках реализации положений ст. 12 Закона об ОРД с целью сокрытия источника оперативной информации практикуется представление результатов ОРД в обобщенном виде (в форме справок, рапортов).

Однако это само по себе не свидетельствует о недопустимости использования результатов ОРД для обоснования рассматриваемой меры пресечения, так как эти сведения, во-первых, должны быть проверены судом, во-вторых, соотнесены с другими сведениями, находящимися в уголовном деле, в-третьих, к ним не применяются требования как к доказательствам.

Как отмечалось в разъяснениях Свердловского областного суда, обоснованность подозрения подтверждается любыми сведениями, на основе которых суд устанавливает наличие обстоятельств, имеющих значение для дела при первоначальном заключении его под стражу, в том числе и рапортами сотрудников полиции и иными доказательствами⁴. Представленные документы должны содержать совокупность доказательств, уличающих подозреваемого, обвиняемого в совершении конкретного

⁴ Постановление суда о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей : постановление Президиума Свердловского областного суда от 6 августа 2014 г. : Методические рекомендации Свердловского областного суда.

преступления, а также сведения, указывающие на необходимость временной изоляции лица от общества в интересах судопроизводства (определение КС РФ от 24 июня 2014 г. № 1442-О).

Во втором случае, в связи с возможностью обогащения первичной информации путем использования материалов, получаемых в ходе расследования и дополнительно проведенных ОРМ, информационные основания для продления сроков заключения под стражу должны иметь более достоверный характер. Роль результатов ОРД также изменяется, так как по мере удаления от момента возбуждения уголовного дела фактические обстоятельства, являющиеся основаниями для избрания меры пресечения, изменяются, что требует их дополнительной фиксации, в том числе в ходе ОРД.

В пункте 21 постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2013 г. № 41⁵ отмечалось, что при продлении срока содержания под стражей судам необходимо иметь в виду, что обстоятельства, на основании которых лицо было заключено под стражу, не всегда являются достаточными для продления срока содержания его под стражей.

Свердловским областным судом в связи с этим в качестве общего правила был предложен тезис: «Чем дольше содержание под стражей, тем меньше оно может быть оправданно» (определение КС РФ от 24 июня 2014 г. № 1442-О). Если следовать логике от обратного, то продление срока содержания под стражей требует большего обоснования.

Из этого следует, что результаты ОРД, использованные для первичного избрания меры пресечения, к моменту продления меры пресечения уже могут не отображать существующие в реальном времени фактические обстоятельства. Это в первую очередь касается ситуаций, когда результаты ОРД содержат сведения не о конкретных действиях лица, направленных на воспрепятствование правосудию, а лишь о его противоправных намерениях. Например, первоначально результаты ОРД свидетельствовали о намерении обвиняемого скрыться от следствия, но по ходу содержания под стражей фактические обстоятельства могли перемениться и, соответственно, должны найти дополнительное подтверждение.

Таким образом, информационные основания для принятия решения о заключении под стражу должны прирастать новыми данными, а не просто воспроизводиться в первоначальном варианте.

Отметим, что среди процессуальных субъектов соотношение позиций «за» и «против» по данному поводу примерно одинаково. Так, в ходе

⁵ О *практике* применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41.

рассмотрении вопроса о повторном использовании результатов ОРД ответы респондентов распределились следующим образом.

1. Информация, содержащаяся в первоначально представленных результатах ОРД, не теряет своей познавательной ценности и может быть использована повторно: 53,7% — сотрудники следственных органов СК России; 57,6% — сотрудники следственных органов МВД России; 35,6% — судьи районных и городских судов; 61,0% — судьи краевых, областных судов, суда автономной области.

2. Обязательно требуется подтверждение первоначальной информации новыми данными: 43,4% — сотрудники следственных органов СК России; 40,5% — сотрудники следственных органов МВД России; 60,0% — судьи районных и городских судов; 35,0% — судьи краевых, областных судов, суда автономной области.

На основании изложенного анализа можно прийти к выводу о наличии синдрома устаревания оперативно-розыскной информации в случае, когда она отражает не конкретные события и обстоятельства, а только намерения отдельных лиц. При этом отсутствие ее подтверждения прямо пропорционально влияет на эффективность использования.

А. Е. Чечётин

Государственное принуждение и оперативно-розыскная деятельность

Если для современной правовой науки тезис о том, что институты принуждения априори присущи уголовному процессу, представляется аксиоматичным, то вопрос о допустимости и пределах применения мер принуждения при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) в ходе оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) пока лишь выступает предметом острых дискуссий на страницах специальных изданий. Эта тема в первое десятилетие после принятия Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) вообще не привлекала внимания исследователей в области теории ОРД, что можно объяснить стереотипом понимания специфики ОРД как носящей преимущественно негласный характер, а потому исключающей саму возможность использования каких-либо принудительных мер в отношении лиц, ставших объектами ОРМ. В связи с этим закрепленное в ст. 15 Закона об ОРД полномочие на осуществление ОРМ в гласной форме изначально толковалось авторами

комментариев к этому Закону как возможность его реализации при условии согласия лиц, в отношении которых они проводятся [1, с. 23, 24, 27; 2, с. 53, 57, 62; 3, с. 85, 88, 90, 98; 4, с. 104, 111, 120].

На возможность использования мер государственного принуждения в ходе ОРД одним из первых обратил внимание Б. Б. Булатов при рассмотрении проблем государственного принуждения в уголовном судопроизводстве в стадии возбуждения уголовного дела [5, с. 238]. В обоснование своей позиции он использовал два аргумента. Во-первых, положение п. 1 ст. 15 Закона об ОРД, который закрепляет право субъектов этой деятельности осуществлять предусмотренные законом ОРМ в гласной и негласной форме и производить при этом изъятие документов, предметов, материалов и сообщений. Во-вторых, им признано, что такие ОРМ, как проверочная закупки и контролируемая поставка нацелены на задержание с поличным лиц, совершающих преступления, а также на изъятие у них наркотиков, оружия и других запрещенных предметов, т. е. объективно сопровождаются активным применением мер государственного принуждения. В то же время им справедливо отмечалось отсутствие законодательной регламентации процессуальной стороны их производства, порождающей негативные последствия в правоприменении. Для исправления сложившейся ситуации был сделан вывод о необходимости детальной разработки процедуры осуществления принудительных мер в ОРД, закрепление их в законодательстве и согласование с уголовно-процессуальным законом [5, с. 239–240].

Это предложение напрямую вытекает из уголовно-процессуальной доктрины, согласно которой применение государственного принуждения должно отвечать таким обязательным требованиям, как основанность принудительных мер на прямом указании закона; доказанность наличия соответствующих оснований; применение принуждения в установленных законом процессуальных формах; минимальность и действительная необходимость ограничения прав и свобод личности [6, с. 235].

Соглашаясь с позицией Б. Б. Булатова о возможности применения мер принуждения в ОРД, необходимо ответить на вопрос о том, что изменилось в их правовой регламентации за два десятка лет и соответствуют ли они сегодня указанным выше требованиям?

По этому поводу следует отметить, что кое-какие изменения в правовой основе применения принуждения в ОРД произошли. В частности, законодатель дополнил п. 1 ст. 15 Закона об ОРД положениями о порядке оформления фактов изъятия документов и электронных носителей информации при проведении гласных ОРМ, направленный на обеспечение

прав субъектов экономической деятельности. Однако при этом вопрос об основаниях и условиях проведения изъятия пока остается неурегулированным.

В правоприменительной практике закрепленное в Законе об ОРД право на изъятие предметов и документов чаще всего реализуется в процессе проведения гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее — обследование). По этой причине с целью упорядочения действий оперативных служб приказом МВД России от 30 марта 2010 г. № 249 была утверждена Инструкция о порядке проведения гласного обследования нежилых помещений, впоследствии принятая в новой редакции приказом МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199. Этот ведомственный нормативный акт легализовал обследование как мероприятие принудительного характера, предусмотрев участие в нем сотрудников подразделений специального назначения «в целях обеспечения физической защиты» должностных лиц, проводящих обследование [7, с. 37–42]. Через 10 с лишним лет ФСБ России приняло аналогичный ведомственный нормативный акт*, устанавливающий возможность проведения гласного обследования не только служебных, но и жилых помещений. При этом п. 3 Инструкции ФСБ допускает проведение обследования жилых помещений в случаях, не терпящих отлагательства, даже без судебного разрешения, предусматривая лишь уведомление об этом суда в течение 24 часов, не предполагающее вынесения впоследствии судебного решения, как это предусмотрено в ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД. Подчеркнем, что обе инструкции не устанавливают содержания действий по обследованию и ни в чем не ограничивают при этом усмотрения должностных лиц, допуская, по существу, возможность превращения оперативно-розыскного обследования в непроцессуальный обыск.

Такое подзаконное правовое регулирование гласного обследования и его широкое применение на практике вполне закономерно повлекло за собой многочисленные жалобы на действия оперативно-розыскных служб, в том числе и в Конституционный Суд Российской Федерации. Изучение материалов таких жалоб позволило нам прийти к выводу о том, что существующее правовое регулирование *не создает необходимых законодательных предпосылок для признания допустимости принудительного осуществления гласных ОРМ*. Впервые об этом публично было заявлено на всероссийских научно-практических конференциях в ноябре

* Об утверждении Инструкции об организации проведения органами Федеральной службы безопасности гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»: приказ ФСБ России № 288 от 4 июля 2023 г.

2014 г. в Омской юридической академии и Краснодарском университете МВД России [8, с. 254–260] и послужило поводом для дискуссии по рассматриваемой теме.

В ответ на такое заявление появилась статья В. А. Гусева, обосновывающая объективную необходимость применения принуждения при проведении гласных ОРМ и поддерживающая идею о включении в оперативно-розыскной закон «мер обеспечения оперативно-розыскного производства» [9, с. 39–44], которая была представлена в проекте оперативно-розыскного кодекса, разработанного В. Ф. Лутовином [10]. О необходимости закрепления в законодательстве принудительных мер при осуществлении ОРД писали и многие другие авторы [11–13].

Немалый интерес для рассматриваемой темы представляют результаты исследования В. А. Азарова и Е. В. Кузнецова, которые, проанализировав нормы оперативно-розыскного законодательства с позиций теории права, пришли к выводу о том, что принуждение как способ регулирования отношений не может не использоваться в сфере ОРД, поскольку эта деятельность направлена на борьбу с наиболее опасными преступными деяниями. По их мнению, принуждение в ОРД фактически осуществляется посредством как гласных, так и негласных ОРМ, как самостоятельно, так и параллельно с применением принудительных мер, предусмотренных иными отраслями законодательства (уголовно-процессуального или административного) [14, с. 89, 99]. Приведенная в упомянутой работе аргументация о вынужденном характере принуждения представляется достаточно убедительной, если рассматривать ОРД как независимый и самодостаточный вид государственной правоохранительной деятельности. Однако учитывая неразрывную связь ОРД с уголовным процессом и ее направленность на выявление и раскрытие преступлений, условия применения принуждения при проведении ОРМ должны, на наш взгляд, отвечать выработанным уголовно-процессуальной наукой стандартам соразмерности.

Нельзя не согласиться с Б. Б. Булатовым в том, что ОРМ, проводимые в отношении конкретных лиц, проверяемых на причастность к совершенным преступлениям, представляют собой фактическое уголовное преследование в широком его понимании [15, с. 17]. Отсюда следует, что лицо, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении путем проведения ОРМ, должно быть наделено процессуальными правами, обеспечивающими «адекватную защиту от проявлений обвинительной деятельности», а должностные лица, ведущие такую проверку, обязаны разъяснять эти права и не препятствовать их реализации [15, с. 129]. Если вновь обратиться к инструкциям МВД и ФСБ России о проведении

гласного обследования помещений, то можно констатировать отсутствие в них упоминания о каких-либо правах владельцев обследуемых помещений, кроме права знакомиться с протоколом обследования и делать по нему замечания. Отсюда следует, что эти подзаконные нормативные акты не отвечают требованиям процессуальной доктрины об эффективном механизме защиты от обвинительной деятельности.

Закрепленное в ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД право на проведение изъятия предметов, документов, материалов и сообщений, которое, исходя из его буквального толкования, реализуется путем принудительных действий, по существу, выступает аналогом уголовно-процессуальной выемки. В то же время возможность производства выемки до возбуждения уголовного дела напрямую не предусмотрена уголовно-процессуальным законодательством. По этому вопросу К. Б. Калиновский достаточно убедительно обосновал вывод о недопустимости производства выемки и других следственных действий, сопряженных с применением мер процессуального принуждения, в период проверки сообщения о преступлении [16, с. 44–51]. Отсюда следует, что до возбуждения уголовного дела использование оперативно-розыскного аналога выемки тоже может быть признано не соответствующим уголовно-процессуальным канонам.

Одной из последних работ по затронутой теме является диссертационное исследование Е. Ю. Дороша, который предложил в ст. 15 Закона об ОРД закрепить право органов, уполномоченных на осуществление ОРД, на применение мер принудительного характера при проведении ОРМ, а также порядок их производства [17, с. 8]. Как видим, это предложение не согласуется с вышеприведенным выводом К. Б. Калиновского, а потому требует дополнительной аргументации. В условиях же отсутствия в Законе об ОРД прямого дозволения на использование принудительных мер их допустимость и законность не может не вызывать вопросов.

Изложенное выше позволяет заключить, что обозначенный Б. Б. Булатовым двадцать лет назад вопрос о применении принуждения в ОРД до настоящего времени остается дискуссионным и требует своего дальнейшего исследования на стыке административного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного права. В свою очередь, нереализованные предложения по совершенствованию законодательства продолжают порождать проблемы в правоприменении, приводящие к нарушению принципа законности и обеспечения прав граждан.

Список источников

1. *Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. В. В. Николука, В. В. Кальницкого, А. Е. Чечётина. Омск, 1996.*

2. Шумилов А. Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М., 1999.

3. Ривман Д. В. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». СПб., 2003.

4. Вагин О. А., Исиченко А. П. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» : со словарем законодательных терминов. М., 2006.

5. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.

6. Петрухин И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М., 1999.

7. Чечётин А. Е. Современная оперативно-розыскная деятельность и принуждение // Оперативник (сыщик). 2015. № 1(42).

8. Чечётин А. Е. О допустимости принуждения при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : мат-лы III всерос. науч.-практ. конф. (21 нояб. 2014 г.). Краснодар, 2015.

9. Гусев В. А. «Параллельная реальность» принуждения в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 3(44).

10. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации : авторский проект. Омск, 2014.

11. Чумаров С. А. О правовой форме принудительных процедур, применяемых при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 3(44).

12. Бакланов Л. А. Принудительное гласное обследование // Оперативно-розыскное право. 2017. № 1(1).

13. Шаламов Г. В. Признаки мер принуждения в оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскное право. 2020. № 1(2).

14. Азаров В. А., Кузнецов Е. В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : монография. М., 2016.

15. Булатов Б. Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность : монография. М., 2013.

16. Калиновский К. Б. Выемка до возбуждения уголовного дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. 2016. № 3.

17. Дорош Е. Ю. Правовое регулирование принуждения при проведении оперативно-розыскных мероприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азарёнок Николай Васильевич — директор Института юстиции, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, доцент

Азаров Владимир Александрович — Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доктор юридических наук, профессор

Ахпанов Арстан Нокешевич — профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор

Бавсун Максим Викторович — Заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор

Баранов Александр Михайлович — Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

Бекетов Олег Иванович — Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный работник образования Омской области, заведующий кафедрой конституционного и административного права Омского юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Бондаренко Антон Алексеевич — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Борбат Андрей Владимирович — Заслуженный юрист Российской Федерации, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Борков Виктор Николаевич — начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

Булатов Борис Борисович — Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

Булатов Борис Борисович (мл.) — судья Кировского районного суда г. Омска, кандидат юридических наук, доцент

Буряков Евгений Владимирович — профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

Вастьянова Олеся Дмитриевна — доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

Вершинина Светлана Ивановна — директор Института права Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

Воронов Денис Александрович — главный советник Управления Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции, кандидат юридических наук, доцент

Гаврилов Борис Яковлевич — Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор

Григорьев Виктор Николаевич — ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата учебного секретаря, адъюнктуры, докторантуры Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

Гусев Владимир Александрович — заместитель начальника Омской академии МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор

Давлетов Ахтям Ахатович — профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор

Дежнев Александр Сергеевич — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент

Деришев Юрий Владимирович — Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Диваев Александр Борисович — декан юридического факультета Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Зайцев Александр Олегович — старший юрист «КАНОФАРМА продакшн», кандидат юридических наук

Зайцев Олег Александрович — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник НИЦ-5 (по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания) Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор

Замуруева Елизавета Юрьевна — преподаватель кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук

Калиновский Константин Борисович — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российской государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент

Кальницкий Владимир Васильевич — Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор

Карпова Олеся Владимировна — доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Ковтун Николай Николаевич — профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

Козловский Петр Валерьевич — начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Константинов Владимир Владимирович — судья Омского районного суда Омской области, кандидат юридических наук

Константинова Виктория Александровна — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент

Коробкова Елена Евгеньевна — заместитель начальника кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Кудрявцева Анна Васильевна — судья Санкт-Петербургского городского суда, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала РГУП, доктор юридических наук, профессор

Куряхова Татьяна Владимировна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Кутуев Эльдар Кяримович — Почетный работник сферы образования Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор

Луговик Виктор Федорович — Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

Матюшенко Николай Евгеньевич — адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

Матюшенко Светлана Владимировна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор педагогических наук, доцент

Москалькова Татьяна Николаевна — Заслуженный юрист Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор

Муравьев Кирилл Владимирович — начальник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент

Николаев Константин Дмитриевич — заместитель начальника кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Николюк Вячеслав Владимирович — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник НИЦ-5 (по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания) Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор

Павлов Антон Васильевич — начальник кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Победин Александр Викторович — начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор

Пупышева Любовь Андреевна — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент

Росинский Сергей Борисович — главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, доцент

Рудич Валерий Владимирович — профессор кафедры публичного права Уральского государственного экономического университета, доктор юридических наук, доцент

Сапронов Юрий Викторович — начальник Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Сафронов Дмитрий Михайлович — докторант научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Седых Татьяна Викторовна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат политических наук

Семенчук Василий Владимирович — заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат экономических наук, доцент

Смолькова Ираида Вячеславовна — Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Тутынин Игорь Борисович — профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент

Фетищева Лидия Михайловна — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Химичева Ольга Викторовна — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

Цоколова Ольга Игоревна — Заслуженный юрист Российской Федерации, первый заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор

Чечётин Андрей Евгеньевич — Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор

Шадрин Виктор Сергеевич — профессор кафедры управления следственной деятельности Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Предисловие	3
Москалькова Т. Н. Правовые и гуманитарные проблемы института уголовно-процессуального принуждения в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации	5
Азарёнок Н. В. Методологическая роль и значение категорий преступлений в уголовном процессе и при применении мер пресечения	13
Азаров В. А. Уголовно-процессуальное принуждение: замечки на полях трех диссертаций	19
Ахпанов А. Н. Очерк развития казахстанского института уголовно-процессуального принуждения	26
Баранов А. М. Принуждение в уголовном процессе России: парадоксы доктрины	37
Вершинина С. И. О закономерностях функционирования института уголовно-процессуального принуждения	40
Гаврилов Б. Я. Значение трудов Б. Б. Булатова в эволюции позиции государства по избранию меры пресечения в виде содержания под стражей	45
Григорьев В. Н. Б. Б. Булатов у истоков исследования правовой природы и нормативно-правового регулирования задержания осужденного	49
Калиновский К. Б. Меры пресечения: роль психического и физического принуждения	54
Кутуев Э. К. К вопросу разграничения прокурорского надзора и судебного контроля при применении мер пресечения	57

Муравьев К. В. Вопросы совершенствования системы мер пресечения в работах Б. Б. Булатова	62
Николюк В. В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права	68
Павлов А. В., Матюшенко С. В. Эффективность мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей (теоретические подходы Б. Б. Булатова)	75
Победкин А. В. Мера пресечения — не наказание (о проекте федерального закона по ограничению применения заключения под стражу)	81
Россинский С. Б. Статус обвиняемого и меры уголовно-процессуального пресечения: что первично, а что вторично?	85
Химичева О. В., Тутынин И. Б. Вклад Б. Б. Булатова в науку уголовно-процессуального права Российской Федерации.	93
Цоколова О. И. Значение трудов Б. Б. Булатова для развития теории процессуального принуждения	97
Шадрин В. С. Проблемы задержания подозреваемого и их решение в интерпретации Б. Б. Булатова	101
 РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ, МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ И ИНЫХ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ	
Булатов Б. Б. Меры пресечения и задержание: новеллы 2022–2023 годов	106
Бондаренко А. А., Коробкова Е. Е. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу «лучше» быть предпринимателем, чем несовершеннолетним	112
Булатов (мл.) Б. Б. О возможности применения мер уголовно-процессуального принуждения к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера	119
Вастьянова О. Д. К вопросу о комбинированном применении мер пресечения в виде залога и запрета определенных действий	122
Воронов Д. А. Ограничение права на труд в рамках временного отстранения от должности и запрета определенных действий	125

Давлетов А. А. Проблема нормативного урегулирования задержания лица по подозрению в совершении преступления остается нерешенной.	130
Дежнев А. С. Проблемы правового регулирования наложения ареста на имущество в уголовном процессе	133
Деришев Ю. В. Освидетельствование: пределы принуждения	138
Диваев А. Б. К вопросу об эффективности мер пресечения	143
Зайцев О. А., Зайцев А. О. К вопросу о принятии судом решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовному делу, находящемуся в его производстве	146
Замуруева Е. Ю. Возбуждение уголовного дела или наличие уголовно-процессуального производства о деянии, запрещенном УК РФ, как общее условие применения мер пресечения	151
Кальницкий В. В. О наименовании и так называемом неотложном характере задержания подозреваемого	155
Карпова О. В. Решение об избрании мер процессуального принуждения как основа и пределы деятельности по их исполнению	160
Ковтун Н. Н. Исчисление срока применения мер процессуального принуждения: проблема согласованности нормативных гарантий ...	163
Козловский П. В. Применение принуждения с целью обеспечения тайны досудебного производства: эффективность и целесообразность	167
Константинова В. А., Константинов В. В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения в особом порядке судебного разбирательства	170
Кудрявцева А. В. Компетенция эксперта и специалиста: обязательные случаи назначения и проведения экспертизы в уголовном судопроизводстве	174
Куряхова Т. В. Применение мер пресечения по уголовному делу, возвращенному судом в порядке ст. 237 УПК РФ	179
Рудич В. В., Фетищева Л. М. Договорные и обязательственные элементы в уголовном процессе и их влияние на применение мер пресечения	183
Сапронов Ю. В. Некоторые уголовно-процессуальные проблемы практики применения залога	189

Сафронов Д. М. Правовое регулирование применения мер пресечения в условиях военного положения: вопросы и проблемы	193
Седых Т. В. К вопросу о применении меры пресечения в виде запрета определенных действий	197
Смолькова И. В. Понятие оснований признания лица подозреваемым в российском уголовном судопроизводстве.	201
РАЗДЕЛ 3. ИНЫЕ ВИДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	
Бавсун М. В. Проблемы определения правового статуса мер государственного принуждения, применяемых к лицам, признанным виновными в совершении преступлений	206
Борков В. Н., Борбат А. В. Государственное принуждение как реакция на угрозу.	211
Бекетов О. И. Если сопоставить административное, уголовно-правовое и уголовно-процессуальное принуждение	215
Буряков Е. В. Правовые проблемы принуждения в оперативно-розыскной деятельности.	219
Гусев В. А. Меры обеспечения, пресечения и принуждения в оперативно-розыскной деятельности.	223
Луговик В. Ф. Принуждение в оперативно-розыскной деятельности.	227
Матюшенко Н. Е. Сравнительный анализ нормативного закрепления мер административного и уголовно-процессуального пресечения (на примере законодательства Республики Беларусь)	232
Николаев К. Д. Уголовно-правовые основы уголовно-процессуального принуждения	236
Пупышева Л. А. Современная доктрина уголовно-процессуального принуждения при исполнении приговора	240
Семенчук В. В. Синдром устаревания оперативно-розыскной информации, используемой в процессе принятия решений о заключении под стражу	243
Чечётин А. Е. Государственное принуждение и оперативно-розыскная деятельность	249
Сведения об авторах.	255

Научное издание

Правовые и гуманитарные проблемы
уголовно-процессуального принуждения

Редактирование и корректура Л. И. Замулло

Технический редактор П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 02.02.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 15,3. Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 130 экз. Заказ № 30.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7